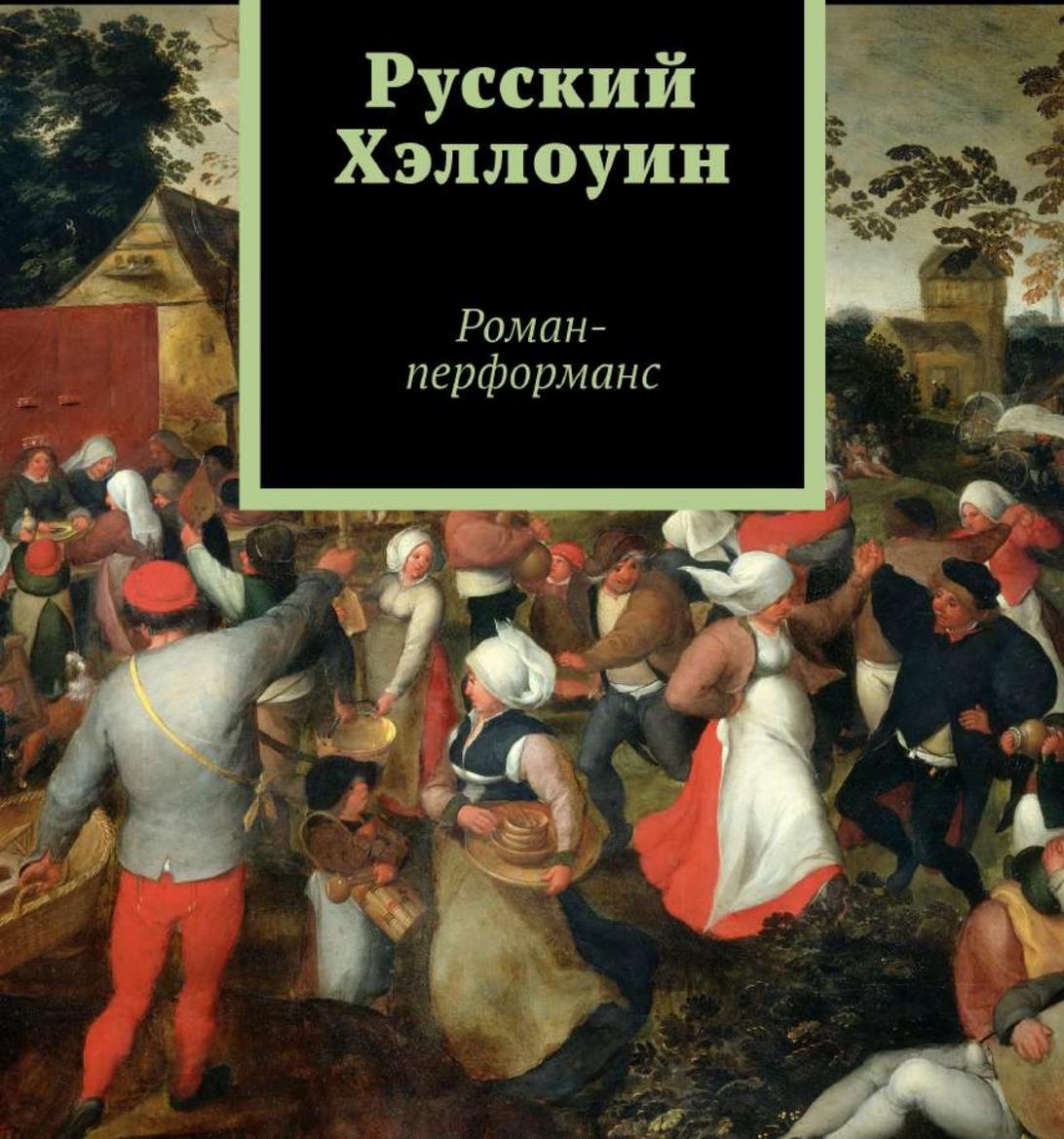

Глеб Нагорный

Русский Хэллоуин

*Роман-
перформанс*

Глеб Нагорный

Русский Хэллоуин

Роман-перформанс

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-3
ББК 84-4
Н16

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Нагорный Глеб

Н16 Русский Хэллоуин : Роман-перформанс / Глеб Нагорный. —
[б. м.] : Издательские решения, 2020. — 202 с.
ISBN 978-5-4490-6005-1

«Ирония, выстраданная и нажитая, а вовсе не сиюминутная — пронизывает каждую реплику или ремарку пьесы, которую сам Глеб Нагорный определил как роман-перформанс... И почему никто до сих пор не брался за эту „глыбу“, которая по силе оказалась только Глебу?..»

Дмитрий Чёрный, «Литературная Россия»

«Текст — большой, тяжёлый и насыщенный, персонажи зримые... Получилось, государство-Левиафан не даёт благородной нечисти расправить крылья...»

Валерия Шишкина, главный редактор журнала «Топос»

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Smash the Pumpkin! [Убей олигарха]	5
РУССКИЙ ХЭЛЛОУИН	10
Действие первое	11
Картина первая	11
Картина вторая	27
Картина третья	44
Картина четвертая	61
Картина пятая	77
Действие второе	98
Картина шестая	98
Картина седьмая	116
Картина восьмая	136
Картина девятая	163
ПОСЛЕСЛОВИЕ	164
Русский Хэллоуин — не бессмысленный, но беспощадный	164
Изюминки и безуминки в современной драматургии	173
Писатель — это стиль	180
Искусство призвано рождать, а не разрушать	187

ПРЕДИСЛОВИЕ

SMASH THE PUMPKIN! [УБЕЙ ОЛИГАРХА]

Тему олигархата искусство не то, чтоб обходит, но не воспринимает всерьёз. Да, в премиальных «шортах» прогуливалось немало произведений о сладкой жизни. И, конечно, как тут не вспомнить С. Минаева – который, как это ни смешно ему самому, но выступил на ТВ с морализаторским комментарием по поводу юнца, предлагающего проходим выпить в Парке Горького собственной мочи. Тут напрашивается сарказм: автор повести о ненастоящем человеке, черпавший документальные эпизоды из собственного, понятно, опыта – ужасается воплощению своих же текстовых достижений. Нет, мол, ТАК мы в школьные годы (хохо!) не хулиганили... Позоришко и авторское самоубийство, между прочим – ну, да прикремлённому телеведущему всё простительно. Выходит, чтобы написать об олигархе – надо либо самому быть олигархом, либо хоть средним буржуа, как Минаев с его винноупаковочным заводиком (если это не его же миф). Вот тут-то мы и приближаемся к истине: большое видится на расстоянии, но не на расстоянии классовой ненависти (тут, признаю, я бы не смог бытописать, хотя и захаживал). Тут нужно этакое инсайдерство – побывать транзитом, а потом и вдарить из всех орудий. Как Максим Кантор, уделяющий особое внимание античным архитектурным особенностям домов нуворишей как в «В ту сторону», так и в «Красном свете», как Оксана Робски и ряд возлюбленных либерал-премиаторами литераторов с Рублёвки. В нашем случае – попадание (в покои) стопроцентное. Автор – юрист, и с этим классом имеет контакты профессиональные. Иначе просто таких подробностей инте-

рьера мы не заметили бы. Ведь и в том, что окружает олигархов — история страны, философия быта. И подобная пьеса (хотя, пьеса-то — переделанный роман о Романе Андреевиче, банальный каламбур, а приятный) напрашивалась, наболела, так сказать. Если постмодернисты с либеральной подкладочной обстёбывали в конце восьмидесятых и начале девяностых советского человека — то кто запрещает сделать то же самое с человеком, который родился из отрицания социального равенства? Олигарх — не как частный случай набора каких-то там черт, — а именно как итог развития «тысячелетней Руси», как детище реформ и многих общественных усилий. Вот он — герой нашего времени, которого безуспешно искали новреалисты, и сейчас иногда вспоминают о тех поисках... Если вдруг Санька Тишин или Сергей Уражцев, претендовавшие на лавры Кибальчиша 21-го века, оказываются в услужении у Кремля (потому что Кремль, как заявил Прилепин, встал на его позицию), то кому же оставаться на фоне этой дешёвенькой и душевно обнищавшей подтанцовки героем? Конечно же, тому, кто равен Самому (в лучах славы коего пригрелись обрюзгшие вчерашние баррикадники)...

Тут нужно пояснение: почему олигарх. Это не просто желание подсматривать за роскошью (хотя и она походя изображена с должной иронией и искусностью). Это именно что Достоевское желание заглянуть не в замочную скважину виллы, а сразу в душу. Что там водится? Ради чего СССР погиб, прославляя личность и ещё раз личность. Во чью славу, причём отчаянно абстрактно, пели реформаторы свои гимны о том, как справедливо заживут вчерашние совки при капитализме? Ведь там лейтмотивом-то шло нечто настолько прозрачное, что теперь и стыдно как-то признаваться: да, будущие олигархи славили самих себя, но пока что как абстрактные, не занятые ещё местечки в новом обществе. Как ваучерный автор-исполнитель Чубайс: сам придумал методичку, сам разбогател. Мол, как только вырастет его величество Собственник, так всё и встанет на полагающиеся места. Зачем какие-то многолюдные институты, министерства, комиссии эти совко-

вые, что за бюрократизация общества ненужная? Дайте Собственнику нажраться и он прокормит страну! Зачем бюджетирование, субсидии и прочее перераспределение социалистических накоплений, когда – построил церковь да и стал меценатом? Кто богат, тот и делится. Институт меценатства, традиции купеческой Руси – они, конечно, куда мудрее большевистских вымыслов плановой экономики! Я не приукрашиваю (приукрашенное читайте в пьесе товарища Нагорного) – так это всё и звучало на митингах демшизы. Долой контроль бюрократии! То есть общественный контроль – вскоре лозунг сменился формулой «не смотри в чужой карман, джентльмены так не делают» (это мне лично посоветовал Дмитрий Киселёв на передаче своей «Национальный интерес»). По рукам дать черни можно, но вот взгляд – не отвести! Так вот национальный интерес-то устремлён упрямо именно туда – внутрь личности того самого Собственника, ради которого расформировали СССР, распродали социалистическую собственность на части, укрупнив именно этот финансовый институт Личности. Удался ли либеральный эксперимент – велик ли этот новый русский человек? А человек этот, с наименьшей из букв, в «Русском Хэллоуне» – в состоянии перманентного похмелья. Он, Андреевич (фамилия подразумевается, в отличие от каких-то загадочных Кряжистых – всё-то прихрамывают современнички, всей классовой правды не осиливают груз), грустит, и от грусти своей просит, например, лакея двинуть в своё олигархическое рыло (цитата). Представляет историческую расплату. В сущности, все действия в лондонской хмари происходят от этой высокой болезни, от скуки. Видно, что развлечь себя олигархату всё сложнее – идея неоригинальная в свете, скажем, английского, гринуэвского же «Повара, вора, его жены...», но для РФ всё же свежая. Ирония, выстрадавшая и нажитая, а вовсе не сиюминутная – пронизывает каждую реплику или ремарку пьесы, которую сам Глеб Нагорный определил как роман-перформанс. И в этом, пожалуй, есть смысл. Ну, кто это прочёл бы? Книга – это ещё не действие. Конечно, сильный текст тянет экранизировать, поставить, обыграть... Но такой – с такой претензией и такой стартовой скандальностью? Тут

явно Серебренников и Капков не сдюжили бы: если знать предысторию «цензурных» отношений последнего и Нагорного. Буквально дня за три до отставки Капкова, Нагорный огласил просторы фейсбука очередным проклятием в адрес либерал-чинуши... Тут поверишь в колядки-прятки и всякое такое магическое – этот Хэллоуин точно удался. Капков как должностное лицо «сдох» – но ведь надо догадываться, сколько было таких «непоставленных» авторов, которые злобно выдохнули после его отставки. А Капков, как мы знаем, был плотью от плоти Абрамовича – вот уж воистину поверишь в десакрализацию и всякое такое. Написать весело, искренне высмеять – и зашатались тверди. И почему никто до сих пор не брался за эту «глыбу», которая по силе оказалась только Глебу?.. Всё нас шариковыми пугали – ну и кого в ответ вырастили на горбу трудового народа?

Мне вот крайне любопытно, классово близкая главному герою перформанса «Практика» – не поставит ли? Вещица так и блещет как раз всеми постмодернистскими достоинствами (стёбными), но приложенными к объекту, который был табу для российского постмодернизма. Нет, конечно же и Пелевин и всё его литпоколение не могли не заметить сей класс и тоже как-то лениво шутили в ту сторону – но не было в тех шутках обличающей силы подлинной иронии, а не дежурного девяносикового стёба. Перформанс, украденный у придворных шутов этого самого класса (правящего, хоть он и в Англии) – работает не просто на сиюминутное ха-ха совокупного пролетария (коего, катарсического смеха, там даже с излишком), а на дальнейшие размышления. Это сколько же надо было миллионов «дорогих россиян» убедить в том, что выводить этого гомункула надо бережно, пятилетками! Что нельзя ему мешать воровать – так как это святая святых, первоначальное накопление!.. Ну и? Накормили они вас, дорогие россияне? До сих пор ремешки затягиваете? А помните себя в нулевых, когда этот самый-самый любимый президентом олигарх тут красовался? Демонстрировал политическую чуткость, отходя от Березовского и «помогая» футболу не только аглицкому...

Осоловелый народ и глядел в пробирку: у него самого и деревни мрут, и соседи, а у этих... Ну, хоть кому-то хорошо! Вот это-то всё и перенесено на сцену — причём с такими подробностями, что, конечно, не переселяются из текста в декорации автоматически. Тут — роман в первую очередь, лишь пересказанный перформансом... Кстати, Глеб Нагорный с этим своим ноу-хау победил в Международном конкурсе современной драматургии «Время драмы. Зима 2014» на пару с Александром Чугуновым. Вот так не спас флёр огромных денег олигарха от судьбы стать современным героем-посмешищем. Эта фигура умолчания, этот национальный позор (ведь и смешная манера говорить не «капиталисты», а именно «девяностые» — как будто это годы решают судьбы, а не люди), и многое стыдливое здесь выдаёт запущенный общественный невроз на грани немоты... И пора как-то просмеять то, что было прежде «проплачено»... Финал перформанса в двух действиях — то есть второе действие, стремится ко гробам в самом прямом смысле. На сцене гробы. Короткая и гиблая ветвь человечества, предчувствуя свою гибель как возрождённого класса — привыкает к гробам, обсуждает модификации гробов, в общем обыгрывает эту тему. И становится ясно: то, во что так заботливо Россия Постсоветская инвестировала миллиарды, отдавая их на самотёк, обернулось обречённостью. Обернулось олигархом-беженцем, который в ностальгии по московской погоде и искренне переживает за английскую королеву, которую могут свергнуть шотландские «сепары». Ум, честь и совесть Постэпохи спешит поскорее исчезнуть с исторической сцены — не под силу ему волочь общество, ему бы как-то всё в свою сурдинку-вольнку дулось... Какие там функции Госплана ему выполнять — зачем?

Дмитрий ЧЁРНЫЙ

*«Литературная Россия»,
№18 (2701), 22 мая 2015 г.*

РУССКИЙ ХЭЛЛОУИН

Роман-перформанс в 2-х действиях

*Вот дом,
Который построил Джек.
С. Маршак*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Олигархический тандем:

Роман Андреевич — демон к шестидесяти.

Леон — короткий анчутка¹ к тридцати.

Бенедикт — длинный анчутка к тридцати.

Семья Кряжистых:

Каролина Карловна — ведьма за шестьдесят.

Михаил — бес за сорок.

Борис — полубес к сорока.

Глебушка — чёрт за тридцать.

Настенька — ведьмочка за тридцать.

Лизон — ведьмочка за двадцать.

Прочий сброд:

Отец Сергей — экзорцист на доверии. Без возраста.

Юрий Владимирович — адвокат дьявола. С возрастом.

Светлана Николаевна — дьяволица за тридцать.

А также:

Шотландская и русская массовки.

¹ *Анчутка (устар.)* — мелкий бес, чертёнок.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ¹ ТРИК & ТРАК²

Теги³: #«Юбочники» и «портчонники», #Хэллоун, #«Черный квадрат», #«Красный квадрат», #«Johnnie Walker», #«Red Label», #«Black Label», #Swarovski, #«Некрополь Москвы», #Формат 3D, #Джек.

КАРТИНА ПЕРВАЯ КАРАНДАШНЫЙ НАБРОСОК

Шотландия. Предместье Эдинбурга. Время по Гринвичу. Замок Романа Андреевича – олигарха-беженца.

*В просторной зале у стены возвышается камин в человеческий рост. Над камином парит постмодернистский герб с перекрещенными алой и белой розами. По бокам камина, под бронзовыми бра, две картины: «Черный» и «Красный» квадраты Малевича. За ними скрываются вмурованные в стену сейфы. В камине на вертеле крутится баран. Около барана вертится **слуга** в ливрее. Он же – кухарка, прачка, охранник и мажордом.*

По центру залы располагается гостиний стол со стульями

¹ Роман-перформанс «Русский Хэллоун» является сиквелом пьесы «Салон ритуальных услуг». Тем не менее данный текст самостоятелен и не требует детального ознакомления с его предшественником (-цей).

² Верное написание *trick or treat / trick or track* (англ.) – варианты вольных переводов: «получим или проучим», «сладости или гадости», «кошелек или жизнь» и т. п. Одна из традиций Хэллоуина с хождением по домам и выпрашиванием угощений. (Прим. авт.)

³ Теги (англ. tags) – ключевые слова.

викторианской эпохи. В левом углу прикорнули граммофон, стойка с виниловыми пластинками и хьюмидор красного дерева. На черно-оранжевых стенах висят картины с обнаженными девами, коллекция оружия и боксерские перчатки. На потолке лежат пухлые херувимы с дудками и невероятных размеров люстра с рожками и подвесками.

Вокруг в беспорядке разбросана антикварная мебель: оттоманки на кривых ногах и торшеры на стройных; кокетливые козетки и хрупкие ломберные столики; мощные кресла зеленого бархата и сытые пуфы в порочном атласе; уверенные шкафы и комоды; неуверенные серванты и секретеры.

Всё загромождено табакерками, пепельницами, статуэтками, вазонами, блюдами и прочим дорогим хламом. Иными словами: привычный русский бардак в непривычной европейской среде.

В правом углу залы на передвижной платформе возвышается трон, в металлический каркас которого встроены бутылки. Подлокотники имеют нежную округлую форму, они ирландского и шотландского происхождения – из пивной стеклотары «Guinness'a» и «Armageddon'a»¹. Седалище же выполнено из англоязычных скотчей, виски и бурбонов прямоугольной формы. Наравне с элитными, вопиюще дорогими емкостями, присутствуют вполне бюджетные «Johnnie Walker» – «Red» и «Black Label».

Спинку трона венчает коллекционный кельтский танкард² на две пинты, с откидной крышкой. Бок кружки украшает древняя геральдика – дракон, попирающий лапой поверженного всадника. Рядом с воякой валяется бездыханный конь и сломанное копье.

В изножье трона стелется шкура бурого медведя. Из разверстой пасти хищника торчит потухшая сигара, под нижней че-

¹ «Armageddon» – самое крепкое пиво в мире шотландской компании Brewmeister. Содержит 65% алкоголя. Крепче виски и бренди и в 16 раз крепче обычного пива.

² Танкард (англ. tankard) – пивная кружка.

люстью притулились влажная от виски мельхиоровая пепельница и серебряный квейк¹ с окурками.

На троне восседает завернувшийся в шотландский плед **Роман Андреевич**. На мизинце его левой руки сверкает перстень; на подбородке – шотландка-переросток с разноцветными плетеными косичками; волосы на голове стянуты в хвост и перехвачены трикольной – под цвет флага покинутой отчизны – лентой; на шее болтается шотландский шнурок с двумя мохнатыми ало-белыми цветами, напоминающими «затычки»-наушники.

Олигарх облачен в несвежую сорочку, мятый жакет «Принц Чарли», с расстегнутым под ним жилетом, и килт, украшенный цепочкой белого золота. С цепочки свисает отороченный каракулем кожаный спорран². Ноги олигарха покрыты полосатыми бело-сине-красными гольфами с глупыми бумбонами. Гольфы слегка приспущены, бумбоны лениво покачиваются из стороны в сторону. Роман Андреевич задумчиво дудит в волынку. Взгляд его печален и опустошен.

Леон (протыкая шпажкой тушу барана). Роман Андреич, ну хватит уже. Ушам больно.

Роман Андреевич. А?

Леон. Выключите звук, пожалуйста. У меня голова раскалывается.

Роман Андреевич. А у меня сердце. Ты посмотри, что со страной творится. Средневековье! Мужики в юбках права ка-

¹ *Квейк* (англ. quaich) – специальная шотландская чашечка для виски с двумя ручками. Внешне напоминает пепельницу.

² *Спорран* (англ. sporran) – поясная сумка-кошель, чаще всего кожаная, носимая на поясе, на ремне килта или на отдельном узком ремешке или цепочке. Исторически используется для хранения мелких вещей или в качестве кошелька, поскольку у килта отсутствуют карманы.

чать начали! *(Пауза.)* Народ против кого, против королевы попер! Ты читал, что на Трафальгара творится? Нет, ты читал это? Полицейские якобы забили до смерти мирного шотландца, который, задрав юбку, показал премьеру пятую точку. Ты в это веришь?

Леон. Нет, конечно. Британия — демократическая страна.

Роман Андреевич. Вот, и я о том же. Не мог он жопу показать.

Леон. Жопу мог. Забить до смерти не могли. Это вам не Россия.

Роман Андреевич. Ой, да ладно тебе, в самом деле. *(Всаживает струю воздуха в волюнку.)*

Леон. Роман Андреич, я ща на колени хлопнусь. Пожалуйста. Не волыньте.

Роман Андреевич *(перестает играть).* Ладно, ладно. Вообще, Лёнчик, в Москве, помнится, тебе этот колорит нравился. Юбочный. Когда ты еще у Вадика, царство ему небесное, и Каролины Карловны работал. Забыл, что вы на Рублевке с Беней вытворяли? Напрялят юбки и давай в волюнку дудеть. Тоже мне охрана. Цирк! Вас же в приличном обществе показать нельзя было.

Леон. Так то в Москве. Мы с Беней прикалывались просто, под шотландцев косили. Круто же было! А тут туман, дожди, сучка. А вы еще на волюнке этой. Удавиться хочется.

Роман Андреевич. Вот. Доприкалывались. Ты хоть понимаешь, что революция на носу? Сейчас эти «юбочники» королеву ухлопают, и пиши пропало всей демократии. *(Неумело пытается воспроизвести на волюнке «The Queen is Dead» британской рок-группы «The Smiths».)*

Леон. Монархии, вы хотели сказать. *(Складывает ладони домиком.)* Я прошу вас!

Роман Андреевич *(задумчиво).* Хорошая монархия демократию не отменяет. *(Снова дудит.)*

Леон. Роман Андреич, у вас бодун? Что это вас в политику понесло? Какая тут революция может быть, в такой сырости?

Роман Андреевич (*не дудит*). Ну, нам же морозы когда-то не помешали. Или ты, может, в Москве хотел бы остаться? Могу устроить.

Леон. Да ну, ни фига. После того, как Светка у Каролины Карловны всё наследство оттяпала. Ну ее в Болотную, Москву эту. Ни одного честного человека. Одни гастарбайтеры.

Роман Андреевич. А сам-то кто?

Леон. Я – честный гастарбайтер.

Роман Андреевич. Честных гастарбайтеров, Лёнчик, не бывает. Скажи спасибо, что я вас с Бенею с собой забрал, сейчас бы горбатились где-нибудь у Светланы Николаевны... Что ж так башка-то трещит?

Леон. А чё вы так квасили вчера? Весь замок вверх дном. И хватит вам телик перед сном смотреть. Нормально всё у Трафальгара – разогнали их утром. Я наши каналы по спутнику смотрел.

Роман Андреевич. Да нет, я не из-за волнений. Всё равно они рано или поздно отсоединятся. Это и шотландскому ежу понятно. Депрессия у меня, Лёнь. Понимаешь? Де-пре-сси-я.

Леон. С чего бы это? Вы что... из-за целостности?

Роман Андреевич. Это ты на российском Тэ-Вэ таких слов нахвтался?

Леон. А хоть бы и на нем.

Роман Андреевич. Смотри Discovery, здоровее будешь. Депрессия у меня по другому поводу. Со-о-о-всем по другому. (*Пауза.*) Из-за Гамильтона.

Леон (*крутит тушу барана на вертеле*). Вам-то не по фигу на него?

Роман Андреевич. Значит, не по фигу. Вот же черти! В Москве грабят, здесь грабят. Никуда от них не деться. Как думаешь, Лёнчик, кто его на картины развел, а?

Леон. А хрен его знает. Вас это колышет? (*Колет барана шпажкой.*)

Роман Андреевич. Угу. Колышет, еще как колышет... Он ведь мне недавно изящный набор подарил. Перстень, спорран, таб-

летницу. Шнурок вот шотландский. И знаешь что сказал? «Пусть, – говорит, – берегут тебя эти амулеты. Алый цветок – это могущество. А белый – защита Богородицы. А без защиты, Ромео, нет и могущества. Когда-нибудь тебе эти предметы обязательно пригодятся». *(Теребит цветы на шнурке.)* Ромео, хм... *(Усмехается.)* Приятно, конечно, хотя я из этого возраста лет сорок как вышел. Добрый сказочник этот Гамильтон, что тут скажешь. А самого, видишь, Богородица не уберегла... Но я, Лён, добра не забываю. Как и зла, впрочем. Надо будет во всем этом разобраться, конечно... *(Мычит волюнкой.)*

Леон *(хлопается на колени)*. Ну, Роман Андреич! Умоляю! Перепонки лопаются. Сколько можно!

Роман Андреевич *(искренне)*. А что такое?

Леон. Что, что?! Вчера весь день бухали, мешали много. Шотландский ёрш пили. Виски, пиво, квас. Потом морс меня заставили делать, кисель варить. Всю мебель под утро перевернули... Сегодня... Я уже не могу это терпеть просто!

Роман Андреевич *(удивленно)*. Моя мебель, между прочим. Хочу переворачиваю, хочу на место ставлю. Ты чего это такой нервный? Из-за российского Тэ-Вэ на меня обиделся? И встань с колен. В этой стране крепостного права нет.

Леон *(поднимается)*. Да при чем здесь Тэ-Вэ? Вы со шкурой медведя вчера разговаривали, на брудершафт с ней пили. С портфелем, как угорелый, носились. Документы всю ночь с места на место перекладывали. Несли вообще чёрт-те чё... А сегодня в волюнку с утра пораньше дудите. Тут любой с вами с ума сойдет. А вы говорите – нервный!

Роман Андреевич *(с любопытством)*. Да ну? И что же я нёс? Не кричи, и так голова раскалывается.

Леон *(успокаиваясь)*. Типа вы всех из-под земли достанете.

Роман Андреевич. Так и достану. Ты меня, Лёнчик, знаешь.

Леон. Да хрена лысого вам этот Гамильтон вообще сдался?

Роман Андреевич. Не он, Лёнчик, не он... И вообще, ты прав. Ску-учно-о-о... запредельно скучно... *(Примеривается губами к мундштуку волюнки.)*

Леон. Ну, Роман Андреич, пожалуйста. Прекратите.

Роман Андреевич. Ладно, успокойся. Слушай. Может, по новой нажраться? А, Лёнчик? Как думаешь?

Леон. Five o'clock'a еще нет, чтоб бухать. И, это... Роман Андреич, не называйте меня так. В Европе я – Леон. Мы же договаривались.

Роман Андреевич *(хмыкая)*. Ассимилировал, гастарбайтер? И вообще, к твоему сведению, Леон больше для Франции подходит... Кстати, а сколько сейчас? *(Вертит головой из стороны в сторону, ищет часы.)*

Леон. Рано пить еще.

Роман Андреевич. Нет, я нажрусь всё-таки.

Леон *(пожимая плечами)*. Вот я не понимаю, оно вам надо? Уехать из эР-эф в Шотландию и спиться?

Роман Андреевич. А потому что ску-уч-чно-о-о... *(Наконец откидывает плед и встает; оправляет жакет, застегивает жилет на все пуговицы.)* Смог, сплин, сплюнь. Тьфу! Грабежи эти пошли. *(Хрустит суставами, бродит взад-вперед по зале, возвращается к трону, интересуется содержимым танкарда, задумчиво хлопает откидной крышкой, бормочет под нос.)* М-да, алкоголизм бывает мажорный и форс-мажорный... *(Пауза.)* Ведь это же не первый увод картин за год. И главное. Ощущение, что мне схема знакома. И заметь, никого не поймали. Даже подозреваемых нет.

Леон *(отворачиваясь спиной)*. В Москве тоже весело было. Тоже не ловили никого. И забейте вы на картины, Роман Андреич.

Роман Андреевич. Не забью... А в Москве, Лёнь, и правда жизнь была, движуха, разборы полетов. Рыла родные опять же. А тут что? Выйдешь на улицу – сплошные джентльмены. Соплей перешибить можно. А теперь еще и «юбочники» права качать стали.

Леон. Вы давно в зеркало смотрелись?

Роман Андреевич. Я не по одежде имел в виду, а по ментальности.

Леон. По чему?

Роман Андреевич. По менталитету. Если в двух словах, Леончик, то мир делится на две категории – «юбочники» и «порточники». Одни правду оголяют, другие скрывают. А правда, между прочим, у всех одна. Та, что между ног. Особо тут хвастаться нечем.

Леон. Демагогия какая-то. С этим... пафосом.

Роман Андреевич (*усмехаясь*). Узнаю, Леончик, ярлыки 1-ого канала.

Леон. Леончиком тоже не надо... И что-то я не помню, чтоб вы в Москве особо в движухах участвовали. Чуть ОБЭП заявится – вы сразу на самолет. Извините, конечно.

Роман Андреевич. Согласен, надо было ввязываться. Эх, сколько я в Москве из-за этого потерял. Знал бы, из драк не вылазил.

Леон. Так мы вроде и так из них не вылазили. Ну... это... Вы-то, конечно, образно.

Роман Андреевич. А я вот не образно хочу. Хочу по-настоящему, по-русски. Так, чтоб харя в кровищу. Так мне тошно сейчас. После всего... (*Пауза.*) Знаешь, чтоб нос сломанный и почки отбитые. Чтоб души перелом! Открытый!

Леон. Ну, это я могу, конечно, устроить. Но вы ж меня закатаете потом.

Роман Андреевич. Не закатаю. Слово даю.

Леон. Олигарха слово?

Роман Андреевич. Его.

Леон. Не подпишусь тогда. Болека вон просите. Беню, в смысле.

Роман Андреевич. Кстати. Точно! Как я сразу не догадался? (*Противным голосом.*) Бе-ня-я-я-я!

Входит садовник, шофер и чистильщик бассейна – Бенедикт. На нем прорезиненный фартук с нагрудным карманом. В одной руке огромные садовничьи ножницы. В другой – букет из алых и белых роз из зимнего сада.

Бенедикт. Hello, Роман Андреич! How are you?

Роман Андреевич. Fine. Слушай, Бень, дело есть. Отметель меня, пожалуйста. Хандра у меня.

Бенедикт. Вы ж меня закатаете потом.

Роман Андреевич. Вы сговорились, что ли?

Бенедикт. А я чё, подписывался, чтоб меня в Лондоне хоронили?

Роман Андреевич. Да никто тебя не собирается в Лондоне хоронить. Тем более что до него отсюда пилить и пилить.

Бенедикт. А где тогда? На природе? Или, может, в зимнем саду? Букет я уже нарезал. *(Ставит цветы в вазу.)*

Роман Андреевич. Ты что, Бень, не понял? Я тебе сделку предлагаю.

Бенедикт. Contract, в смысле?

Роман Андреевич. Вроде того.

Бенедикт. Ну а conditions'ы какие? *(Кладет ножницы на стол.)*

Роман Андреевич. Ну, какие-какие. Поспаррингуемся просто. Я тебе десять фунтов дам.

Бенедикт. Я ж вас умочаю, Роман Андреич. Какое поспаррингуемся?

Роман Андреевич. Ты мне не хами давай. Я, между прочим, на морфлоте когда-то служил. Руки удар еще не забыли. Ого-го удар какой!

Бенедикт. А смысл? *(Обращается к Леону.)* Ты можешь что-нибудь объяснить?

Леон *(пожимает плечами).* Опять за старое взялся. Тоска, чего непонятого? Этот... сплин.

Бенедикт. Так, может, шотландских цыган лучше закажем? Или бухнем просто? В пабе.

Леон. Five o'clock'a еще нет.

Роман Андреевич. Я не хочу в паб. Я крови хочу!

Бенедикт. Это вам, Роман Андреич, в Москву надо. К «ватникам» и «пиджачникам». Или к «юбочникам» на Трафальгар. Там оттянетесь. За десять не согласен.

Роман Андреевич. Двадцать.

Бенедикт. Fifty.

Роман Андреевич. Тридцать пять.

Бенедикт. Семьдесят.

Роман Андреевич. Ты на английском только до пятидесяти научился считать? Сорок. И ни пенни больше.

Леон. Роман Андреич, вспомните Москву. Вы там тоже не умели торговаться. И чем это всё закончилось?

Роман Андреевич. Ты давай барана готовь!

Бенедикт. Лёлек прав. Сто. Или дальше продолжаем?

Роман Андреевич. Ладно, хрен с тобой. По рукам. Леон, будьешь рефери.

Леон. Вообще-то у меня баран.

Роман Андреевич. Ну так выключи.

Леон. Роман Андреич, это камин, а не плита.

Бенедикт. Да мы, Лёль, недолго. Правда, Ромыч? Хлоп, и нокаут.

Роман Андреевич. Какой я тебе «Ромыч»?

Бенедикт. Sorry, Роман Андреич. Это я по московской привычке.

Роман Андреевич. Что-то я не помню у тебя такой привычки. Ладно, а «долго — недолго» — это мы еще посмотрим.

Бенедикт. Только бабули вперед, Роман Андреич. А то из нокаута особо не возьмешь.

Роман Андреевич. Вот ты наглый, как сто фунтов.

Олигарх подходит к одной из висящих на стене картин. Это «Черный квадрат» Малевича в китчевой золотой раме с переплетенными дубовыми листьями. Роман Андреевич отодвигает холст в сторону. За холстом обнаруживается сейф. Олигарх набирает на дверце код, в этот момент Леон и Бенедикт синхронно приподнимаются на цыпочках и, словно гуси, вытягивают шею.

Леон (Бенедикту). Там у него офшоры. Бермудские.

Бенедикт (*подмигивая Леону*). Это где всё пропадает?

Леон. Ага, как в толчке. (*Смеются*.)

Роман Андреевич, не реагируя на смех, открывает сейф, достает толстую пачку денег, слюнявя пальцы, отсчитывает купюры. Кладет пачку на место, захлопывает сейф, придвигает картину и разворачивается к слугам. Те моментально опускаются на ступни и возвращают головы на места.

Роман Андреевич. Посмотрим еще на нокаут. Держи. (*Протягивает деньги Бенедикту*.)

Бенедикт (*пересчитывает*). Здесь семьдесят.

Роман Андреевич. Дай сюда. (*Забирает купюры*.) Нет. Ровно сто.

Бенедикт. Теперь я. (*Настойчиво вытягивает деньги из рук олигарха*.) Семьдесят.

Роман Андреевич. А я говорю — сотня.

Леон. Может, я попробую? (*Берет фунты у Бенедикта*.) Сотка вроде. (*Еще раз мусолит бумажки*.) Точно сотка.

Роман Андреевич (*отбирает деньги у Леона; прикладывает руку, в которой держит купюры, кренделем к поясу*). Я же говорил, а ты не веришь. Что я тебя обманывать, что ли, буду?

Бенедикт. Ну-ка.

Бенедикт нежно прихватывает олигарха за руку, распрямляет его цепкие пальцы, вынимает купюры, каждую показывает Роману Андреевичу и Леону, медленно опускает деньги в карман фартука и членораздельно говорит: «Семь-де-сят». Долго смотрит на Романа Андреевича, подходит к нему вплотную, вытаскивает у того из-за спины спрятанную за пояс банкноту, затем хлопает ладонями по складкам килта. Из килта выпадает еще две купюры.

Бенедикт (*нагибается, подбирает банкноты*). Шотландское чудо? Второе после Лох-Несса?

Роман Андреевич (*недовольно бурчит*). Никакого пиетета.

Бенедикт (*убирает деньги в карман фартука*). Ну чё, поехали?

Роман Андреевич. Лёлек! Леон! Перчатки!

Леон. Но у меня баран сгорит!

Бенедикт (*сквозь зубы*). Мы быстро, Лёль.

Леон. Ну как знаете. Сгорит — я не отвечаю. (*Бенедикту*)

И не называй меня бабским именем.

Бенедикт. А не надо кухарить.

Леон. Сам, между прочим, в фартуке.

Бенедикт. Ладно, кулинар, не дуйся. Поехали.

Леон. Три, как у любителей? Или двенашка?

Роман Андреевич. «Двенашка» плохо звучит. Не те ассоциации навеивает.

Бенедикт. Тут и одного раунда хватит.

Бенедикт с Леоном двигают мебель в разные стороны, расчищая пространство для импровизированного ринга. Затем Леон снимает перчатки со стены и раздаёт спаррингующимся. Роман Андреевич и Бенедикт расходятся в противоположные углы. Леон идет за Романом Андреевичем, надевает ему перчатки, после направляется к Бенедикту, помогает ему.

Леон (*Бенедикту*). Ты его не сильно там. Он нам всё-таки зарплату платит.

Бенедикт. Угу, постараюсь. Вот придурок. В Москве ему не сиделось.

Роман Андреевич. Я всё слышу!

Роман Андреевич приседает, подпрыгивает, пыхтит. Бенедикт водит шей и плечами.

Леон. Традиционно, Роман Андреевич?! С разминочкой?

Роман Андреевич. Да! Со словесными баталиями!

Леон. Поехали тогда! Бьемся в дёсны!

Роман Андреевич (*не двигаясь, кричит Бенедикту*). Я тебя

на шотландские гетры порву!

Бенедикт (*из своего угла, с воинственным рыком*). В Москве надо было рвать! Щас-то чё раззявились?!

Роман Андреевич. Под Тауэр закатаю!

Бенедикт. Не кипятитесь, фокусник! Юбка не мешает?

Роман Андреевич. Ты мне поговори еще! И не таких уделывал!

Бенедикт. Кто кого еще уделает, неизвестно!

Роман Андреевич. Ой, ой! Не смешите меня! Парикмахер цветов!

Леон (*командует*). Сходитесь!

Бенедикт. Замочалю! Всю страну разворовали!

Роман Андреевич. Пролетарий в фартуке!

Бенедикт. Хапуга в платье!

Роман Андреевич. Плебей! Быдло!

Бенедикт. Ворьё! Будете очки из бровей выковыривать!

Роман Андреевич. Я не ношу очки!

Леон. Бокс! Не в парламенте!

Сходятся. Пританцовывают. Нарезают круги, но не дерутся.

Леон. Бокс, я сказал!

Роман Андреевич (*нелепо держит руки в перчатках перед собой*). Сейчас, сейчас!

Бенедикт (*Роману Андреевичу*). Бей уже!

Роман Андреевич. Не бей, а бейте!

Бенедикт. Бейте уже, олигарх! Утомили!

Роман Андреевич. Я не могу первый!

Бенедикт. Как вы бизнесом вообще занимались?!

Леон. Баран сгорит!

Бенедикт. Баран передо мной.

Роман Андреевич. Что ты сказал?

Бенедикт. Что слышали!

Роман Андреевич. Кто «баран»? Я – «баран»?

Бенедикт. Вы – баран.

Роман Андреевич (*Леону*). Нет, я так не могу, он меня оскорбляет. В конце концов, это просто неспортивно! (*На мгновение опускает руки.*)

Бенедикт. Достали уже! (*Со всей силы впечатывает хук справа и догоняет снизу апперкотом; Роман Андреевич крикает и, скинув ножки, падает на пол; юбка задирается.*)

Леон (*подбегает к Бенедикту*). Ты чё, опух?! Ты же продукт, как всегда, должен был.

Бенедикт (*снимает перчатки*). Sorry, на автомате вышло. А не фигу было грабли опускать.

Леон. Надо было ему всё-таки капу вставить.

Бенедикт. Ничё. Удачный баран не ходит без ран.

Слуги склоняются над олигархом. Леон подхватывает со стола кувшин и льет из него воду на лицо Романа Андреевича. Тот фыркает и приходит в себя. Крутит башкой. Зло сдирает с себя перчатки. Поднимается, ковыляет к трону. Взгромождается на него. Трет челюсть. Обиженно нудит волюнкой.

Бенедикт. Роман Андреевич... Ром...

Роман Андреевич не реагирует. Леон подходит к барану, крутит его на вертеле.

Бенедикт (*виноватым голосом*). Я ж не специально.

Леон (*шаманя у камина и приправляя барана специями*). Предлагаю Беню дисквалифицировать за недостойное поведение на ринге.

Бенедикт. А хочешь, в смысле — хотите, я себе по морде надаю? (*Несильно хлопает себя ладошками по лицу.*)

Роман Андреевич (*вскакивает, кричит*). А потому что!.. Потому что — ску-у-учно-о! Потому что — одиноко! Мне поговорить тут не с кем! У меня уже во рту от одиночества воняет! Я в Москву хочу!

Леон. Вам нельзя в Москву.

Роман Андреевич. А здесь я с ума сойду! Где твой баран? Не сгорел еще?

Леон. Не, я перевернул.

Роман Андреевич. Скучно!

Бenedикт. Ну так ведь праздник вот-вот.

Роман Андреевич. Надоело! Каждый год этот дурацкий праздник! Как идиот на нём выгляжу!

Леон. Так тоже вообще-то не очень.

Роман Андреевич. А потому что — скучно! Одиноко! *(Топает ногами.)* И спать из-за этой погоды постоянно хочется!

Бenedикт. Ёкарный бабай, ну чё ты заладил в самом деле!

Роман Андреевич. А ты мне не тыкай! Никакой субординации!

Бenedикт. Ладно, извините. А хотите, тёлочек позовем?

Роман Андреевич. Не хочу!

Леон. Может, мальчиков тогда?

Роман Андреевич. Нет! Надоело всё!

Бenedикт. Карликов с лилипутами?

Роман Андреевич. Ты за кого меня держишь?

Бenedикт. Я вообще-то цирк имел в виду. Королевский.

Роман Андреевич. Мне цирка в Москве хватило! Президентского!

Бenedикт. Так чего ж вас тянет туда постоянно?.. *(Олигарх не отвечает.)*

Слуги усаживаются по разные стороны от Романа Андреевича. Глядят его, точно маленького ребенка, по головке, сюсюкаются. Приговаривают, как в советском мультфильме: «Эх, Рома, Рома...» Олигарх кукуется и гудит что-то печальное на вольтке.

В этот момент раздаётся мелодичный звонок в дверь. Мелодия: «Москва — звонят колокола».

Леон *(Роману Андреевичу).* Вы разве ждете кого-то?

Роман Андреевич. Я? Нет, конечно... То есть, стоп... Да! Сегодня какое число? Ну конечно же! Как я забыть мог, сам же

приглашал. Это, наверное, из Москвы приехали! Иди открывай!
(Лихорадочно заплетает косички на бороде в одну мощную косу.)

Леон *(бьет себя по лбу ладонью)*. Fuck! Я и забыл совсем!
(Уходит в холл.)

Бенедикт. Вот чума сейчас будет. Мои вам congratulations'ы,
Роман Андреич.

Возвращается обескураженный Леон.

Роман Андреевич. Ну что, приехали? Кряжистые, да?

Леон. Роман Андреич... Там это... Как бы это выразиться...

Посылка...

Роман Андреевич. Посылка?

Леон. Да.

Роман Андреевич. Подарок, что ли, какой? Неси!

Леон. Ну... не знаю... *(Переминается с ноги на ногу, мямлит.)*

Вы гроб заказывали?

Роман Андреевич. Какой еще гроб?

Леон. Односпальный. С кистями.

Роман Андреевич. Гроб? Какой к чёрту гроб?!

Леон. Откуда я знаю? Дубовый, наверное. Чё делать-то теперь будем, Роман Андреич? Там венки еще.

Бенедикт. Чё за херня? Метка, что ли?

Роман Андреевич. Чё?! Чё?! Разчёкались тут! Дохнуть теперь все будем! *(Пауза.)* С-суки! Нашли меня всё-таки. Нет! Я, пожалуй, нажрись сегодня. Несите. *(Направляется к трону, приседает, откручивает одну из бутылок и, путая квейк с пепельницей, плещет в последнюю коричневатую жижку)*

Бенедикт с Леоном вносят гроб.

Затемнение.

КАРТИНА ВТОРАЯ
ПАСТОРАЛЬНЫЙ МОТИВ

Леон, Бенедикт и Роман Андреевич стоят, склонившись над гробом. В руке у Романа Андреевича мельхиоровая пепельница – олигарх посасывает вискарь и морщится, точно от неприятного запаха. Леон с Бенедиктом в недоумении перебирают ленты на венках.

Леон (*читает*). «От товарищей по работе», «Скорбим, помним, жди».

Роман Андреевич (*нервно тербит косу на бороде*). Вот сволочи!

Бенедикт. Жестко. Рвать отсюда надо.

Роман Андреевич. Куда? (*Вытаскивает из споррана таблетницу, достает разноцветные пилюли.*)

Бенедикт. Да хоть в Штаты.

Роман Андреевич. Они и там найдут.

Бенедикт. Но чё-то ж надо делать?

Роман Андреевич. Всё уже сделали, что смогли. Если и сюда их руки дотянулись... (*Запивает пилюли алкоголем.*)

Леон. А вот еще. Ту би ор нот ту би... От бисексуалов каких-то... Дальше вообще непонятно...

Бенедикт. Ну-ка, дай. (*Читает.*) Везер тис ноблер ин зе минд ту суффер...

Роман Андреевич (*автоматически поправляет*). Mind to suffer.

Бенедикт. Ага. Ту саффер. Зэ слингс анд арроус оф аутрагеоус фортуне... Абракадабра какая-то... Ор ту таке армс агаинст а си оф траблес... Блин! Язык сломать можно...

Роман Андреевич. Бень, ты в какой стране живешь? Это же Шекспир. Монолог Гамлета.

Бенедикт. А он разве не на английском писал?

Роман Андреевич. А это, по-твоему, какой язык?

Бенедикт. Какой?

Роман Андреевич (*членораздельно*). Ан-глий-ский.

Бенедикт. Да бросьте. Я английский знаю, это не он.

Роман Андреевич. А какой тогда?

Бенедикт. Ну, немецкий. Датский, может. Или даже финский какой-нибудь.

Роман Андреевич. Да нет, Беня, это – самый настоящий английский.

Бенедикт. Бросьте, Роман Андреич, прикалываться. Где тут – sorry? Indeed? Где? Покажите.

Роман Андреевич. А у тебя словарный запас из скольких слов?

Бенедикт (*обиженно*). Достаточный. Если надо – объясню. (*Бьет правым кулаком в левую ладонь.*)

Леон (*переворачивает ленту*). Тут на обратной стороне перевод есть. (*Читает как телеграмму*)

Быть или не быть зпт вот в чем вопрос тчк Достойно ль
Смиряться под ударами судьбы зпт
Иль надо оказать сопротивленьё
И в смертной схватке с целым морем бед тчк

Роман Андреевич (*продолжает*). Покончить с ними? Умереть. За-бы-ться! (*Допивает виски, ставит пепельницу на гостиный стол.*)

Бенедикт. Ну вот, так гораздо понятней! Забыться. А то ноблеры всякие, траблеси.

Роман Андреевич (*Леону*). Там есть еще что?

Леон. Конверт какой-то. Вскрывать?

Роман Андреевич. Покажи. (*Берет конверт, рассматривает на свет.*) Открытка какая-то. Некролог наверняка. Читай.

Леон вскрывает конверт. Достает открытку. Она оказывается музыкальной – с траурным маршем Шопена.

Леон (*читает вслух*). «Дорогой Роман Андреевич! Пусть не печалит вас музыка последнего пути! Пусть не смущают вас

венки и ленты! Пусть не тревожат вас домовина и атласные подушки! Да, нет у вас Родины! Да, не имели вы семьи! Да, были вы гонимы и обесчещены! Но ваши боевые товарищи помнят вас! И каждый день, каждый час, которые вы проводите в изгнании и вынужденном заточении, не проходят для нас даром. Вы живете в наших сердцах еженощно, ежечасно, ежесекундно... И если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе!»

Роман Андреевич. Вот сволота!

Бenedикт. Чеченский след? Про Магомеда-то.

Роман Андреевич. Не городи чушь, я на их территории не работал.

Бenedикт *(недоверчиво)*. Да ну?

Роман Андреевич. Неважно уже! Подпись есть?

Леон. Есть... *(Пауза)*. Всегда ваши. Семья...

Дочитать он не успевает. В этот момент распахивается крышка гроба, и из него появляется рука с бумажкой. Роман Андреевич, Леон и Бенедикт пятятся назад. Из гроба медленно восстает тело. Это – Глебушка Кряжистый.

Глебушка *(облаченный в костюм чёрта)*. Слава Шотландии!

Роман Андреевич, Леон, Бенедикт *(автоматически; хором)*. Шотландцам слава!

Глебушка. Танцуйте, узник совести! Вам повестка!

Роман Андреевич *(срываясь на визг)*. И-и-иди-о-от! У меня чуть инфаркта не было!

Бenedикт. Вот так surprise!

Леон. Глеб Вадимыч, ты откуда?

Глебушка *(выходя из гроба)*. Откуда-откуда? Оттуда. Из Москвы.

Леон. Ну ты дал, Глеб Вадимыч! Я же выстрелить мог.

Глебушка. Из чего? Из открытки?

Роман Андреевич. Уф, я уж думал – это за мной. Ну вы нас и напугали.

Глебушка. Ну, у кого совесть чиста, тем бояться нечего. Кста-

ти, это вам, Роман Андреевич. *(Вручает ему повестку.)* Приглашение на казнь. От русского Кафки. Доставка DHL-ом, так сказать. Дверь-то откройте. Там остальная кодла.

Леон с Бенедиктом уходят в холл.

Глебушка *(в недоумении оглядывает олигарха с головы до ног).* А что это вы, Роман Андреевич, как Керенский вырядились? Панкуете?

Роман Андреевич. Это национальное.

Глебушка. Понятно. Хиппуете, значит. То-то я смотрю, на вас фенечек больше, чем на «детях цветов». Скажите честно, а в Израиле кипу бы прикупили?

Роман Андреевич. Мне, Глеб Вадимович, не надо. У меня есть.

Глебушка. Ну ладно, а беруши-то вам зачем? Шотландские соседи шумят? *(Показывает на кожаный шнурок с цветами.)*

Роман Андреевич. Это не беруши.

Глебушка. А что тогда?

Роман Андреевич. Так. Подарок. Амулет. От человека одного важного...

В это время в залу под хит ливерпульской рок-группы «The Beatles» «Back in the USSR» вваливается семья Кряжистых с православным священником. Все, кроме батюшки, облаченного в casual-рясу, одеты в карнавальные костюмы.

Каролина Карловна *(мать), Михаил* *(старший сыно-брат), Борис* *(средний сыно-брат), Настенька* *(старшая сестра-дочь), Лизон* *(младшая сестра-дочь) и отец Сергей* *(никому не отец).*

Леон и Бенедикт оттаскивают гроб в угол.

Каролина Карловна *(в костюме летучей мыши; с распротертыми объятиями устремляется к олигарху).* Роман Андреевич! Дорогой вы мой человек! Как же мы по вас соскучились! *(По московскому обычаю трижды елозит щечками по лицу оли-*

гарха.)

Глебушка (*поправляя*). По вам, Карловна, по вам.

Роман Андреевич (*обнимает Каролину Карловну, елозит в ответ*). А уж я как! В этой стране с ума сойти можно! Вы маск-ку-то снимите, Каролина Карловна. Я вас всё равно узнал.

Каролина Карловна. Я без маски, Роман Андреевич! Вам нравится?

Роман Андреевич. Отлично выглядите! Посвежели. Только другая какая-то... Вроде вы, а вроде нет.

Глебушка. Это у мамы ботокс, Роман Андреевич.

Каролина Карловна (*шипит на Глебушку*). Помолчи!

Слуги (*хором*). Nice to see you, Каролина Карловна!

Каролина Карловна (*похлопывает их по плечам*). Леонид! Бенедикт!

Слуги (*хором*). Помолодели!

Глебушка. Знаем!

Каролина Карловна щиплет Глебушку. Тот отбегает в сторону от матери.

Лизон (*в латексном костюме черной кошечки; хвост-хлыст, перекинутый через руку; на голове трехцветный чулок*). С Хэллоуином, Роман Андреевич! (*Выключает iPad, из которого раздаётся музыка, прячет планшет в сумку, затем принимает из рук Бориса позолоченную тыкву с горящими электрическими свечами и вручает ее олигарху. Тыква разукрашена стразами.*) А это вам сувенир. Swarovski! Последняя коллекция.

Роман Андреевич (*принимая подарок*). Спасибо, Лизонька! А что это у вас за чулок на голове?

Лизон. Это последний московский shit!¹ Или вы телик не смотрите? (*Стаскивает с головы бело-сине-красную балаклаву.*)

Роман Андреевич (*вертит в руках тыкву*). Редко, Лизонька.

¹ *Shit* (англ.) — фекальные массы.

Нет там правды. Сплошная пропаганда. А вещица забавная. Спасибо.

Глебушка. Сможете монолог принца Датского над этой тыковкой прочесть. Там, кстати, есть замечательные слова: «Боязнь страны, откуда ни один не возвращался...» Догадываетесь, на что это Вильям, Шекспир наш, намекал?

Роман Андреевич. Узнаю московский сарказм, Глеб Вадимович.

Настенька (*в наряде нежной феи с крылышками; в руке разноцветная волшебная палочка*). Глебушка, прекрати! Мы же только приехали.

Глебушка. «Офелия! О радость! Помяни мои грехи в своих молитвах, нимфа».

Каролина Карловна. Глеб! Хватит!

Глебушка. Самое время начинать, Карловна. А то у меня язык в гробу затек.

Настенька. Роман Андреевич, не обращайтесь на него внимания, вы же его знаете!

Роман Андреевич. Знать-то знаю, отвык немного. Здравствуйте, Настенька!

Настенька. Здравствуйте, Роман Андреевич!.. Лёнчик, Бенчик!

Слуги (*хором*). Hello, Анастасия Вадимовна!

Михаил (*в гламурном костюме беса – с искрой*). Ромыч! На! (*Протягивает руку.*)

Роман Андреевич. Миша! (*Жмут друг другу руки.*)

Борис (*в костюме полубеса – без искры*). Роман Андреевич! Как говорят в Финляндии – Хювя пяйвя! Добрый день!

Роман Андреевич. Боря! (*Обнимаются, елозят.*) А почему в Финляндии?

Борис. А я недавно финский учить начал. Для саморазвития. Ну и так. Мало ли.

Роман Андреевич. Похвально. В наше время всё может пригодиться. Интерактивно или как?

Борис. Пока, к сожалению, обычно. По самоучителю. Но на-

деюсь, в самое ближайшее время с прямыми носителями получится взаимодействовать. Пока в самолете летел, даже несколько пословиц выучил. Знаете, например, как на финском будет «скупой платит дважды»? Пихи максса кахдести. *(Лучится.)* Здорово, правда? Меня еще, правда, произношение немного подводит, но я стараюсь. Или вот. Опи улвомаан сусиен мукана, йос элят нииден кансса. Угадаете, нет?

Роман Андреевич. С волками жить – по-волчьи выть?

Борис. Удивительная проницательность, Роман Андреевич! Как вы догадались?

Роман Андреевич. Жизненным опытом, Боренька, догадался. А произношение дело поправимое. Главное, чтобы, как ты выразился, «прямые носители» рядом были. А так – умница! Пословицы со смыслом. *(Похлопывает его по плечу)*

Борис. Будут прямые носители, Роман Андреевич! Обязательно будут!

Отец Сергей. Славься дом сей во Христе! *(Хищным взглядом оглядывает залу; осеняет углы.)* Приветствую, Роман Андреевич!

Роман Андреевич. Здравствуй, Серёжа!

Лизон. Ой! А дайте я вас всех сфоткаю! *(Снова достает планшет, разворачивает таким образом, что всем хорошо виден чехол с голограммной оранжевой тыквой на черном фоне; руководит.)* Роман Андреевич, вы давайте сюда. В центр. Мам, ты рядом с Романом Андреевичем. Обними его. Миша, Боря, улыбаемся. Настька, сними очки!

Настенька. Я без очков не вижу.

Лизон. Тебе не надо видеть. Это на минутку.

Глебушка. Вампирам вообще видеть необязательно, они чувствуют.

Настенька. Дурак!

Лизон *(батюшке, который рыщет по зале).* Отец Сергей, вернитесь! Да, да, сюда. Нет, ложиться не надо.

Глебушка. Крест только снимите.

Лизон. Не снимайте!

Михаил *(дает легкий подзатыльник Глебушке).* Хорош бол-

тать!

Глебушка. Я только начал. Бесово твое семя. (*Леону и Бенедикту.*) Анчутки сбоку. Не нарушайте субординацию. Роман Андреевич, возьмите фонарик Джека.

Роман Андреевич. Какой фонарик?

Глебушка. Да тыкву эту. Видите, как лыбится? Это она вам радуется.

Роман Андреевич. Я ее и так держу.

Глебушка. Так вы мордой-то ее от себя разверните.

Роман Андреевич. Вы, Глеб Вадимович, совсем не изменились.

Глебушка. Ну, юбку уж точно не ношу.

Каролина Карловна, Михаил, Борис, Настенька (*хором*). Глеб, пре-кра-ти!

Лизон. Так, улыбнулись все! Сейчас отсюда вылетит птичка!

Глебушка. И поцелует всех клювиком в лоб! Быстренько намазались зеленкой.

Каролина Карловна. Замолчи!

Лизон. Ну вот, мам, ты рот открыла. Переснимать придется.

Глебушка. Это она зевнула. Нормально, Лизон, оставь. Зевок в прыжке.

Михаил (*Глебушке*). Я тебя сейчас обратно в гроб уроню.

Роман Андреевич. А мне нравится! Это как раз то, чего мне здесь не хватало!

Глебушка (*всем*). Видите, у меня уже свое шотландское лобби образовалось.

Лизон. Глебушка, помолчи. Ну пожалуйста... Внимание! Пять сек! Фоткаю! (*Делает несколько снимков.*) А теперь со мной. Глебушка, иди сюда.

Глебушка (*берет планшет; Лизону*). В ноги олигарха падай. Типа бабло побеждает зло. Нимфой стелись. Роман Андреевич, а вы типа ногой ее попирайте.

Лизон (*нервно щелкает хвостом-хлыстом*). Ну Глебушка, ну не смешно уже.

Глебушка. Ладно. Так. Напряглись все. Роман Андреевич,

представьте, что вы в СИЗО.

Роман Андреевич. Типун вам на язык, Глеб Вадимович!

Глебушка. Не разговариваем! Разговорчики, понимаешь, в строю! Итак. Роман Андреевич, вы признаете свою вину перед обществом? Распилы? офшоры? Подкупы? Лжесвидетельствования? Немножко полония в кофе? Самую малость, а? Первый полоний, как первая любовь, — раз и навсегда.

Михаил вырывается вперед и отбирает у Глебушки планшет.

Михаил. Вон на место!

Роман Андреевич. Да пусть болтает! Знаете, как я по вам соскучился!

Михаил. Всё! Улыбаемся! Улыбаемся, Глебушка, я сказал!

Глебушка. А я что делаю?

Михаил. Ты рожу корчишь! Не скалься, на!

Глебушка. А как, по-твоему, господарь Цепеш улыбаться должен?

Лизон. Кто?

Глебушка. Граф Дракула.

Борис. Ну, до Дракулы ты еще не дорос.

Роман Андреевич. Как же хорошо с вами!

Михаил. Фотографирую! Граф, улыбнулся быстро, а то осиновый кол всажу! *(Фотографирует.)* Всё!

Лизон *(забирает планшет, рассматривает фотографии).* Классно получилось! И крест такой, ух! *(Отходит к гробу, делает селфи¹; принюхивается.)*

Михаил. Только фотки не вздумай в сеть выкладывать.

Лизон. Ну я дура, что ли?.. А чё это за запах?!

¹ *Селфи* (англ. selfie от self) — разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении самого себя на камеру и последующем выкладывании снимка в социальные сети.

Каролина Карловна. Точно! Паленым каким-то пахнет.

Леон. Баран! Баран сгорел! Я предупреждал!

Все бегут к камину. Подхватывают со столов емкости. Дуют, льют воду.

Леон (*огорченно*). Ну вот. Сгорел всё-таки. Я так старался.

Борис. Да, запашок.

Бенедикт. С другого бока вроде не запылен.

Роман Андреевич (*слугам*). Унесите.

Леон. Кое-чѐ еще можно подать. Если вот тут и тут отрезать.

Глебушка. Только куски не перепутай. А то, знаю я вас, салатом прикроете просто.

Леон. Глеб Вадимыч, обижаешь. Я в поварском деле ас.

Глебушка. Это я уже понял. Шустрая стряпуха.

Роман Андреевич. Лѐнь, напитки хоть принеси.

Леон (*поправляя*). Леон...

Глебушка. Леон? Так стриптизеров в Москве зовут.

Леон. Мы, слава Богу, не в эР-эф, Глеб Вадимыч. Британия — свободная страна.

Роман Андреевич (*Леону*). Быстрее, я сказал! И приберитесь тут, наконец!

Слуги снимают вертел и уносят барана на кухню. Затем возвращаются, отволакивают гроб в холл и расставляют разбросанную после поединка мебель. Уходят на кухню.

Часть гостей рассаживаются, часть бродят по зале — рассматривают картины и коллекцию оружия.

Роман Андреевич. Ну, Каролина Карловна, рассказывайте. Как вы там поживаете? Как крестник мой?

Каролина Карловна. Да по-старому, Роман Андреевич. Сашенька подрастает. В детсаду сейчас. Круглосуточном. А то времени на него нет. А вот Светлана Николаевна помимо бизнеса еще и политикой занялась... Цветы, кстати, недавно разводить

начала.

Роман Андреевич. Политикой? Без образования? Цветами занимается?

Глебушка. Ну вы, Роман Андреевич, вроде тоже оксфордов не заканчивали да и флорой, смотрю, увлекаетесь. *(Кивает на розы в вазе.)* Белая роза – эмблема печали, алая роза – эмблема любви.

Настенька *(поправляет)*. Черная. Печали.

Роман Андреевич. Так я и в политику никогда особо не лез. Только бизнесом. А цветы это так – хобби.

Глебушка *(усмехаясь)*. А для бизнеса образование, значит, не нужно? Ах, ну да, забыл. Пилить и без диплома можно.

Михаил. Тормози уже, на!

Глебушка *(садится в кресло, картинно закидывает ногу на ногу)*. А что? Поддерживаю светскую беседу. *(Ёрничает.)* Предлагаю, Роман Андреевич, поговорить о погоде. Какие нонче погоды в Британиях? Дожди? Туманы? Иные осадки? Не шалит ли Ла-Манш? Давно ли наблюдались паводки? Ну, и самое главное. Что с полями для гольфа с крикетом? Как боретесь с плесенью?

Роман Андреевич. Вот сколько вас не видел, а вы, Глеб Вадимович, как были балагуром, так им и остались. А погоды плохие тут – даже в бадминтон толком не поиграешь. *(Вздыхает.)* Настроение паршивое. Что уж тут говорить – дрянь настроение. Сплин, тоска, депрессия. Вон, революция на носу. В Москву хочу. Там-то как?

Глебушка. А там всё стабильно. Ваньки-встаньки качаются, матрешки на месте, ну и вы в розыске. На выборах только подморозило.

Роман Андреевич *(морщась)*. Не надо про выборы.

Глебушка. А чё так? Не любите игру в фанты? Вам по душе активный скрэббл?¹

¹ *Скрэббл* (англ. scrabble – рыться в поисках чего-либо) – настольная

Роман Андреевич (*кисло улыбаясь*). Нет, Глеб Вадимович, я больше лапту люблю. С городками.

Глебушка. Ну, в этот городок я бы на вашем месте не совался. Тем более вы и так в Forbes сильно сместились, слаломист вы наш. Как бы на новой трассе вообще ноги не переломать.

Борис. Да, Роман Андреевич, нельзя вам в Москву. Неспойно там. А вы сейчас для всех лакомый кусочек. Что для правых, что для левых...

Глебушка. Что для центровых футболистов. Посадки нужны, сами понимаете. В смысле – голы. Для рейтинга. А то офисные хомячки недовольны. Свиристествовать начали... *(Пауза.)* Роман Андреевич, скажите, а у вас к рукам только определенные документы липнут?

Роман Андреевич (*удивленно смотрит на руку, в которой всё еще держит повестку*). Тьфу ты, чёрт! *(Устремляется к камину, бросает в него уведомление, поджигает; говорит вполборота с ударением на второе слово.)* Какие еще новости?..

Глебушка. Ну как вам сказать, фигня всякая. В регионах референдум за отсоединение. Столицу переносят в Ёбург. В Москве организована русская диаспора. Остатки России присоединяются к Финляндии. Алеуты бесчинствуют. Государственный язык отменен за ненадобностью. Повсеместно вводят глиняные письма. Еврейские погромы. Ну, это как всегда, впрочем. Много чего. За всем не уследишь... Иными словами, после долгих поисков ориентации на Запад или Восток Россия выбрала нетрадиционную ориентацию.

Роман Андреевич. Опять шутите?

Глебушка. Ну, после «юбочников» и «порточников» я, честно говоря, ничему не удивлюсь. Слава Шотландии, кстати!

игра, в которой 2 или 4 играющих соревнуются в образовании слов с использованием буквенных деревянных плиток на доске, разбитой на квадраты. В русскоязычной среде известна под названием «Эрудит» или «Словодел».

Борис. Шотландцам слава!

Роман Андреевич. Беспредел, конечно, творится.

Настенька. Только шотландский.

Михаил. Бандерлоги, чё тут скажешь.

Глебушка. Ага, правда, в юбках.

Михаил. Зато платят хорошо.

Роман Андреевич. Платят?

Михаил. Это позже обкашляем, на.

Роман Андреевич. Миша, я вот спросить хотел. А откуда у тебя это странное «на» появилось? В Москве вроде не было.

Михаил. В офисе подхватил. От ЧОП-овцев¹. Бизнес же защищать надо.

Роман Андреевич. Понятно.

В этот момент входит Леон с подносом. На подносе стоят бокалы. К бокалам тут же устремляются Лизон и отец Сергей, рассматривавшие коллекции на стенах.

Леон. Аперитивы!

Роман Андреевич (*раздраженно*). Аперитивы, sir! Сколько можно повторять?!

Леон. Они самые, sir!

Михаил. Вот! Другое дело! (*Поднимается, берет бокал.*) Ты, Ромыч, Глебушку не слушай. Он глумится, как всегда. Скоро власть сменится — нормально вернешься, на.

Глебушка. Вот именно, что «на».

Роман Андреевич. Когда это скоро?

Михаил. Ну, лет через пять-шесть. Максимум двенадцать.

Глебушка. Сменится она, власть, как же. Шиворот-навыворот. Клептократия на клептоманию.

Каролина Карловна. Хватит вам о политике! В конце концов, мы отдыхать приехали.

¹ ЧОП (*аббрев.*) — частное охранное предприятие.

Лизон. Точно, мам! Хэллоуин же!

Настенька. У вас есть костюм, Роман Андреевич?

Глебушка. А зачем ему костюм? Он и так замечательно выглядит. Вон как мимикрировал. От настоящего «юбочника» не отличишь.

Настенька. Глеб, ну зачем ты так? Ты вон на праздники вообще мундир поручика надеваешь. У Романа Андреевича тоже что-нибудь интересное должно быть. У вас же есть что-нибудь интересное, правда?

Глебушка (*усмехается*). Интересней шотландской юбки, моему, уже ничего быть не может.

Роман Андреевич. Есть, Настенька, но он мне надоел. Я так, пожалуй, буду.

Борис. Что-то вы совсем без настроения.

Роман Андреевич. А откуда ему взяться, настроению? Когда вон что везде творится.

Михаил. Ромыч, ну чё ты душный такой? Ща накатим, Британья сразу фейерверками расцветет.

Глебушка. Русскими. А какой костюмчик, если не секрет? Щелкунчика или дровосека?

Роман Андреевич. Мундир королевского гвардейца. Но там медвежья шапка очень неудобная. Сваливается постоянно. (*Показывает руками огромную шапку.*) И ремешок в подбородок жмет. Я сегодня не буду переодеваться.

Глебушка. Ну и правильно. У нас Сергуня тоже в постоянном прикиде. Экзорциста.

Отец Сергей. Побойся Бога, Глеб Вадимыч!

Роман Андреевич (*Глебушке*). А у вас серьезно мундир поручика есть? Настенька не преувеличивает?

Глебушка. Ну надо же в чем-то русские маскарады справлять. Вон, у Миши вообще гусарская форма в шкафу висит. Коляды ждет. До этого казачий бешмет был. Он его с бодуна в секонд-хенде приобрел. Там как раз оптовая распродажа была: килограммами шмотье продавали. Но фишка в том, что в комплект еще и нагайка входила. А она Мише сильно по пьяному

делу мешала. Он ее частенько в ход пускал. В итоге пришлось остановиться на гусарстве, шпорах и сабельке. Пластмассовых, правда.

Михаил. Да ладно те, Глеб!

Настенька. А вот и не ладно, не ладно!

Роман Андреевич. Да-а-а... Давно я в эР-ЭФ не был... Ну хо-рошо. Давайте уже выпьем!

Все поднимают бокалы.

Каролина Карловна. За встречу, Роман Андреевич!

Роман Андреевич. За нее.

Чокаются. Отпивают.

Каролина Карловна. Отличный букет!

Глебушка. Зачетное винище!

Борис. Неплохо, неплохо. Знакомый вкус какой-то.

Настенька. Аромат! Ничего подобного раньше не пила.

Отец Сергей (*врастяг*). Сла-а-адость-то какая. Во Христе.

Михаил. Чё за вино такое знакомое? Не могу разобрать, на.

Борис. Квинтарелли Джузеппе?

Каролина Карловна. Боренька, что ты! Мы когда в Мадриде были...

Лизон. Нет, мамуль, это Франция. Жэ-Пэ Шене. Бюджетное.

Борис. Две тысячи первого, угадал?

Роман Андреевич (*загадочно*). Ни за что не угадаете...

Борис. Нулевого урожай?

Роман Андреевич (*довольно улыбается*). Нет.

Борис. Сдаюсь.

Глебушка. Может, экспрессивные чилийские виноделы? Или те больше по сухачу?

Роман Андреевич. Не угадали. Вы только прочувствуйте, как вино на фракции распадается. Это вам не Италия с Францией! (*Водит носом над бокалом.*)

Глебушка. Неужели местное домашнее? Ну, колитесь уже.

Леон (*выстреливает*). Arbatskoye polusladkoye! У нас весь погреб забит. Им и Massandroy.

Настенька. Для гостей?

Леон. Да. Sovetsky brut еще есть, но это на Новый год шипучка. Роман Андреич не разрешил открывать.

Роман Андреевич (*Леону*). Неси барана!

Глебушка. Роман Андреевич, вы в Британии нищенствовать стали? За нашу и вашу свободу?

Лизон. Фу, гадость какая!

Гости синхронно ставят бокалы на поднос. Леон уходит на кухню.

Роман Андреевич. Соскучился я, понимаете, соскучился просто. Сколько можно эти виски с Гинессом хлебать?

Глебушка. Зря. Вы бы денатурату, что ли, из duty free заказали. Спецом для нас. Или из трона чего вытащили.

Михаил. Мы бы не отказались, на.

Роман Андреевич. Не поймете вы меня. Для меня Arbatskoye давно элитным стало. Мне даже как-то неловко вам европейскую пакость предлагать. У меня вообще ощущение, что она последнее время окурками какими-то отдает. А в российском brute, кстати говоря, перляж отменный.

Настенька. Простите?

Роман Андреевич. Ну, эти. Пузырёчки.

Глебушка. А что, не пузырится уже душа Мондорой? Мордор¹ настал?.. Ладно уж, сиделец. Баран хоть настоящий? Или коза какая-нибудь из-под Твери?

Роман Андреевич (*обиженно*). Настоящий, настоящий.

Каролина Карловна. Роман Андреевич, знаете что, вы

¹ *Мордор* (*синд.* Mordor) — «черная страна» в легендарииуме Дж. Р. Р. Толкина.

с мальчиками пообщайтесь, а я, пожалуй, с девочками на кухню схожу. Прослежу. Настя! Лиза! За мной!

Дамы удаляются. Слышно, как они тихо переговариваются между собой.

Настенька. Arbatskoye – гостям. Sovetsky brut – на Новый год. Какой перляж!

Лизон. Совсем он тут алкоголиком стал. Ему, по-моему, все равно, что сосать. Вы трон-то его видели? Он же даже бутылки не сдает.

Каролина Карловна. Тише, услышит еще. Здесь некуда сдавать. Отсталая страна. *(Нервно оглядывается.)* Роман Андреевич, мы скоро!

Роман Андреевич *(в удаляющиеся спины женщин).* Угу.

Михаил. Какой-то ты, Ромыч, не праздничный совсем. Чё не так, на?

Роман Андреевич. Всё не так. Курить будете? Угощаю.

Михаил. Не, после вина я лучше свои.

Борис. Так что случилось?

Роман Андреевич. Здесь болит. *(Прикладывает руку к сердцу.)* Ноет. Саднит. На-до-е-ло. И спать все время хочется. *(Шагает к трону, поднимает квейк, направляется к камину, вытряхивает окурки, затем идет к хьюмидору и вытаскивает сигары.)*

Глебушка. Трофейные или союзнические?

Роман Андреевич. Контрабандные.

Глебушка. Давайте!

Отец Сергей. «Отче наш», Роман Андреевич, на ночь следует читать. Молитва, она всегда от греха отводит и злые сердца умягчает...

Долгая пауза. Мужчины смотрят на отца Сергея, как на конченого идиота, молча рассаживаются и закуривают сигары.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ
НАИВНЫЙ РЕАЛИЗМ

Глебушка (*закуривая сигару*). По березам и соснам, значит, соскучились? По махорочке? Это мы быстро можем организовать. Лет на десять.

Роман Андреевич (*гильотинкой отхватывает кончик у сигары*). Да ну вас, Глеб Вадимович. Мне бы одним глазком только, и обратно. Да и дел там невпроворот.

Глебушка. Одним глазком — это, знаете ли, до первого погранца. Может быть, погоны еще успеете разглядеть. А дальше — рожей в пол и берцы¹. Изредка будут во двор погулять выводить. Как раз между перестукиваниями по стенкам.

Михаил. Нельзя тебе сейчас в Москву. Закроют. Подожди несколько лет.

Роман Андреевич. Нельзя, но нужно. Неужели ничего не придумать?

Борис. А что тут придумать? Вас же любая собака в России знает.

Глебушка. Что собаки, его все блохи на собаках знают.

Роман Андреевич. А если грим или бороду очень серьезную отпустить? (*Поглаживает шотландку-переросток.*) Вот как у Серёжи.

Глебушка. Инкогнито типа? Аки шпиён? Представляете, во что ваши десять лет выльются, если поймают? Вы же, как йети, шерстью можете обрасти, а вас всё равно любой гэбэшный цирюльник опознает. Или вы думаете, что вас дреды в бороде сильно спасают? Так вот нет. Можно, конечно, еще в растамана поиграть или даже китайским мандарином вырядиться, но, думаю, и это не поможет.

Роман Андреевич (*задумчиво*). Да-а-а... И всё-таки я бы попробовал. Вряд ли меня в таком виде...

¹ *Берцы (разг.)* — высокие армейские ботинки на шнуровке; часть амуниции ОМОН.

Отец Сергей (*перебивает*). Может, пластику?

Борис. Конечно! У мамы же есть знакомый хирург.

Глебушка. Ну да. До кучи ему осталось только лицо потерять.

Роман Андреевич. Это вы, Глеб Вадимович, на потерянную совесть намекаете?

Глебушка. Заметьте, Роман Андреевич, не я это сказал. А на воре шапка, как известно...

Михаил. Сейчас, Глебушка, ты обратно поедешь. Грузовым рейсом. В гробу, на.

Глебушка. Ты кого пугаешь? Сам подумай. Я ж и так – нежить.

Роман Андреевич. Кстати, а откуда он у вас? Презент этот крупногабаритный.

Михаил. Так просто. Наш он.

Роман Андреевич. В смысле – ваш?

Борис. Семейный бизнес, Роман Андреевич. Мы развиваться решили. «Kriazh Airlines», конечно, хорошо. Но мы диверси... короче, фицировали риски в прошлом году. Открыли сеть похоронных бюро. (*Говоря эти слова, Борис деловито вытаскивает из внутреннего кармана пакетик и платиновую VISA, высыпает на столешницу порошок, ребром карточки аккуратно нарезает две «дорожки», затем достает стодолларовую купюру, скручивает ее в трубочку и, зажимая одну ноздрю пальцем, втягивает в себя белые кристаллы.*) Будет кто? (*Кивает на вторую «дорожку».*)

Глебушка. Надо говорить салоны ритуальных услуг, Боряйла. Так солидной понты кидать.

Михаил (*гордо*). «Братья Кряжистые и Ко»! Лимитед, так сказать. Я там и.о., Ромыч. (*Борису.*) Дай мне чутка. (*Всасывает ноздрей половину «дорожки», кряхтит.*)

Роман Андреевич (*кашляет*). Зачем? «Братья»?

Борис (*дотягивает за братом порошок*). Людей хоронить.

Роман Андреевич. Каких?

Отец Сергей. Отошедших. Неужто, Роман Андреевич, пояснять сие надо?

Роман Андреевич. Ничего не понимаю. Это что, прибыльней, чем авиалинии?

Глебушка. А то! И материал всегда есть, и спрос. Самолеты падают, гробы восстают.

Роман Андреевич (*задумчиво*). И давно вы этим?

Борис (*трет пальцем десны и прячет аксессуары в карман*). Так я же говорю — год. Мы гробы, как обычно, через свои авиалинии привезли. Один из партии взяли и вам доставили. Ну а Глебушка уже около дома в него лег.

Роман Андреевич. Интересно-интересно...

Михаил (*неожиданно вскакивает*). Ромыч, да ты не понял! Бизнес — крутяк! Реальная тема. Ты хоть знаешь, сколько по миру народу дохнет? Это же скоропортящийся продукт. А у нас ведь и экспорт. И Ближний Восток, и Евросоюз, на... На Востоке, например, цинк очень в ходу. И главное, оптом последнее время берут!

Глебушка. Ничего, скоро и на Западе так будет. Только на прокат. А то их кредитные пузыри с ипотечным кризисом дуют.

Роман Андреевич. Так вы, что, и на Запад возите?

Михаил (*радостно*). А то! У нас же экологически чистое всё. Без примесей, на.

Глебушка (*выдувая дым*). Европейцы, они же без гмо любят... Отличный самокрут, кстати.

Михаил. Вот ты знаешь, Ромыч, что такое настоящий дубовик? Любой короед зубы обломает. А сосна?! А тополь?! Осина! Бук! А подушки с покрывалами?! Атлас! Тюль! Жак... ёпт, как там, на?

Глебушка. Жаккард.

Михаил. Точняк! Жаккард! А фурнитурка?! А обивка?! Лежать одно удовольствие! Чисто младенцем себя чувствуешь! Если б не жизнь — сам бы лег!

Отец Сергей. Ты, сын мой, говори да не заговаривайся.

Михаил. Ну да. Это я лишку дал.

Роман Андреевич. И много у вас клиентов?

Михаил. Отбоя нет! Сейчас-то мы упор, конечно, на западную VIP-клиентуру сделали. На элитарку.

Глебушка. Своих-то мы еще в 90-ые похоронили.

Роман Андреевич. Я помню.

Михаил. Своих тоже с удовольствием хороним. Просто количество сейчас не то... А знаешь что, Ромыч, у нас ведь и скидки имеются. Для среднего класса и для чуть пожиже.

Борис. Эконом-класса.

Глебушка. Для совковых экономистов. В мешковине. Народ ведь поддерживать надо.

Михаил. Глохни, Глебушка! А ведь можно и на заказ, Ромыч. Например, в Китае есть висячие гробы на скалах. А сейчас же ретро всемирное пошло. Хотят, чтоб как у предков было. К истокам, так сказать, припасть, на.

Роман Андреевич. Китай — это уже не Ближний Восток. Что у тебя с географией, Миша?

Михаил. Да хер с ним, какая, на, разница! Мрут-то так же. А воздушные похороны у узкоглазых япошек? А водные у пиндосских офицеров? Горный воздух, океанская вода! А наши погребальные ладьи? Это же обряды целые! Традиции! Э-ко-ло-гия! А экология — это всегда субсидии, госдотации, гранты. Э-э-эх!.. Гробы! Саваны! Кремация! Курганы, наконец, лепить можно! Размах! Размах-то какой! Гло-ба-ли-за-ци-я! На!

Глебушка. Миша обрел себя. Видите, аж глаз горит. На пепелище.

Михаил *(никого не слушает, бегаёт, машет руками)*. Или вот недавно одного хера в реальном iPhone хоронили. Типа в Apple. Только побольше. Пойми, Ромыч, просто гроб — это прошлый век. Сейчас эксклюзив в ходу. Гламур, на! *(Пишет в воздухе рукой.)* «Умирать не страшно, умирать — дорого!» Чего за этот год только не было. И башмак, и бутылка водки, и авто. Прикинь, даже рояль был. А наши бронированные катафалки с ветерком?! А какие у нас саркофаги?! Ты бы видел! Чистый музей! Ни у кого лучше нет. Даже двуспальники с реальным лифтом были. Ты только зацени. Вот была семья скромных чиновни-

ков. Душа в душу, вашу Машу, жили. Он недрами заправлял, она кадастры подмахивала. И тут – оба-на! Кругосветка им в одном конверте подвернулась. От благодарных недровиков.

Глебушка (*поправляя*). Недропользователей.

Михаил. Не. Недровиков. В общем, они в один день и час – от Эболы в Сьерра-на-Леоне гикнулись. Ну мы их, по просьбе управления, – в тандеме, и на лифте. Вжих! – и на минус первый этаж, под земельный фонд. Мечта всей жизни, на!

Роман Андреевич. Какого еще управления?

Глебушка. Могли бы и догадаться. Кадастра и картографии.

Борис. Они по рекомендации Министерства к нам обратились. Природных ресурсов и экологии. Тоже хорошие ребята.

Глебушка (*с сарказмом*). Очень.

Михаил. Именно! Понимаешь теперь, Ромыч? Всегда вместе. Бок о бок. *Тут рядом, там рядом.* Не разлей вода. Одно слово – семь-я! Тандем, на!.. Эх, жаль, ты нашей выставки на Вэ-Дэ-Эн-Ха не видел! А какая там «красная дорожка» была!

Роман Андреевич (*изо рта которого вяло свисает сигара*). Выставки?

Борис (*шмыгая пыльным носом*). Да, ее еще отец Сергей освящал. «Некрополь Москвы»¹. Мы даже Гран-при получили. Нам и статуэтку с грамотой дали.

Роман Андреевич. Статуэтку? С грамотой?

Глебушка. Ага. Верительной. «Лауреату Выставки достижений некроложного хозяйства».

Отец Сергей. Было дело. Божье. Благое. Мэр вручал.

Михаил. Во такенный крест в золотом венке! (*Разводит руками.*) А в прошлом году мраморный ангел был. Мы тогда еще не очень развернулись, да и серьезных выходов на оргкомитет

¹ Выставка новинок похоронного бизнеса проходит в одном из павильонов ВДНХ. Имеет статус международной. В 2012 г. проект «Некрополь» с помпой отпраздновал 20-летний юбилей. (*Прим. авт.*)

не было — поэтому только третье место заняли. Я ангела матери подарил, он у нее в спальне сейчас стоит. Но ангел, конечно, хорошо, да и маме, на, приятно... но все ж таки не так, чтоб очень... Самое главное, Ромыч, это то, что мы благодарственное письмо от Мосгордумы получили. Копию маман в рамку повесила, а я с собой оригинал ношу, если проверка какая. *(Вытаскивает из внутреннего кармана сложенный четверо лист бумаги, разворачивает, с восторгом читает.)* «Уважаемые партнеры! Выражаем нашу искреннюю благодарность и глубокую признательность за участие в выставке. Мы верим в сохранение сложившихся деловых и дружеских отношений, надеемся на дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество и укрепление связей на российском рынке. Желаем успешного развития и достижения новых вершин в бизнесе». Вишь, чья подпись, на? То-то же! Считай — индульгенция! *(Показывает письмо олигарху, гордо прячет в карман.)*

Глебушка. Так что с душой подходим. Креативненько. Гробовых дел мастера. По телику даже целая передача о нас была. «Новости ритуалки». Лизончик мастер-класс по плетению венков провела, Настурция азам траурной лепки учила. Она у нас очень талантливая оказалась. Фея смерти, можно сказать. Если вам, Роман Андреевич, ваши руки когда-нибудь понадобятся или маска — обращайтесь, милости просим... *(Олигарх начинает сильно кашлять.)* Вам по спинке похлопать?

Роман Андреевич *(откашлявшись)*. Не надо.

Отец Сергей. Это всё сигары контрабандные...

Глебушка *(продолжает)*. А Боря, не поверите, в кои-то веки не поленился и скачал в Инете две презентации. Одну по крионике¹, другую — сразу по изготовлению гранитных плит, чтоб

¹ Крионика, криоконсервация (от греч. κρύος — холод, мороз и лат. conservo — сохраняю) — практика замораживания людей, находящихся в состоянии клинической смерти, в жидком азоте с надеждой на возрождение их в будущем.

далеко не ходить. Потому что тут ведь пятьдесят на пятьдесят — либо прокатит, либо нет... Народу на презентациях, надо сказать, тьма была. Хочется ведь при жизни чему-то стоящему научиться... Ну и Миша, конечно, очень пылко говорил. О новых формах во времена стагнации, о скидках, о тесном сотрудничестве с Евросоюзом. Жёг, можно сказать. Пожарче, чем в крематории.

Роман Андреевич. То есть... Подождите... Миша вот говорил... Вы хотите сказать, что на заказ любую форму можно сделать?

Михаил. Хоть тульский самовар. Или даже пряник. Такой, знаешь, типа с глазурию, на. Шоб послаще... Но тебе, если хочешь, можем в форме сигары скрутить. А сверху голограммный портрет нашлепать.

Глебушка. Хоть в профиль, хоть анфас. И еще в шотландский плед замотать. Для теплоты. Эпоха креаклов и креативщиков — сами понимаете. Время-то какое. Пора к землице привыкать.

Роман Андреевич. Какое такое?

Глебушка. Содомии да мать ее Гоморры. Кругом сплошные творчество, разврат и суицид. Как там говорят? Человек проживает жизнь с мебелью из Дэ-эС-Пэ, а в землю ложится в дереве из ценных пород. Золотые слова, между прочим. Благость, как сказал бы наш экзорцист.

Отец Сергей. Окстись, Глеб Вадимыч!

Глебушка. Ща! Окщусь! Вы, кстати, в курсе, Роман Андреевич, что вашего Малевича вообще в супрематическом гробу кремировали? *(Поочередно кивает на «Черный» и «Красный» квадраты.)* Знаете, в чем фишка? Этот гроб был в виде креста с раскинутыми руками. Я вот думаю, как же его в печь засунули?

Роман Андреевич. Да, интересно, как? *(С удивлением смотрит на «Квадраты».)*

Глебушка. Надо полагать, боком.

Роман Андреевич. Думаете?

Глебушка. Ну а вы по-другому попробуйте. Я посмотрю.

Роман Андреевич. Честно говоря, не хочу.

Михаил (*переходя на доверительный шепот и оглядываясь по сторонам*). Это что, Ромыч. Гробами же еще и революции поддерживать можно.

Роман Андреевич. Это еще как? Не понял.

Михаил. Ну сам подумай, чё гробы порожняком на Запад гонять? Вот сейчас шотландцам помогаем.

Роман Андреевич. И что же вы им поставляете?

Михаил. Что-что?! Волынки для переворотов. (*Начинает громко ржать.*) Но я тебе, Ромыч, этого не говорил.

Роман Андреевич (*снова кашляет, тушит сигару в квейке*). Вы, Кряжистые, даже как-то выросли в моих глазах... В своем цинизме. Молодцы.

Глебушка. Не циничней жизни, Роман Андреевич.

Роман Андреевич. Ну да. Согласен. Какая-то мысль в голове всё вертится и вертится... Год, значит, этим занимаетесь... Авиа-линии, гробы... А акционеры кто? Ах, ну да, что это я глупые вопросы задаю... (*Задумчиво выуживает из споррана таблетницу, наливает в фужер виски, запивает пилюли.*)

Глебушка. Роман Андреевич, слушайте, а чем это вы закидываетесь, если не секрет?

Роман Андреевич. Это от давления.

Глебушка. «Колеса» с алкоголем?

Роман Андреевич. А какая разница?

Глебушка. Никакой. Просто вштыривает, наверно, неплохо. Да, Боряйла?

Борис (*Глебушке*). Матери только не говори.

Глебушка. Про Мишу тоже?

Михаил. Меня вроде отпустило. Я ж чутка только. Побаловаться.

Глебушка. Зато Бореньку, я смотрю, так и не взяло. Совсем толерантный стал.

В этот момент в залу входят Каролина Карловна, Лизон, Настенька и слуги. В руках у них блюда.

Леон. Мясо! *(Пауза.)* Sir!

Каролина Карловна. А вот и баран! К столу, мальчики! Ох и накурили!

Мужчины поднимаются и проходят к столу. По пути Роман Андреевич заворачивает к трону и вытаскивает несколько бутылочек из кармана. Смотрит на дорогие этикетки, возвращает на место, вытягивает бюджетные «Johnnie Walker» – «Red» и «Black Label».

Глебушка. О! Чую запах паленого агнца!

Настенька. Мы его частично спасли.

Глебушка. А мы его по полной накажем! Жрать хочу – сил нет. А то в самолете эти термообеды дурацкие. Толком и не поешь, измажешься только весь. Надо Светлане Николаевне сказать. Не бережет она свои авиалинии. Глядишь, семья Кряжистых такими темпами скоро по миру пойдет.

Михаил. Не пойдет, на.

Глебушка. Ах, ну да. У нас же дотации, гранты. Грбовые.

Все усаживаются за стол. Лизон ставит тыкву от Swarovski в центр накрытого стола.

Леон с Бенедиктом разрезают барана. Кладут каждому по куску. Накладывают запеченную картошку.

Роман Андреевич (Леону). А мне приготовили?

Бенедикт. Ask, Роман Андреич. Уральские.

Бенедикт со словами: «Sorry, что не в масть» снимает колпак, закрывающий серебряный поднос, и ставит перед олигархом глубокую деревянную миску под хохлому – с пельменями. Рядом кладет расписную под палех ложку.

Леон. Кисель будете? Вы просили.

Роман Андреевич. Ага! Сварил всё-таки. Наливай!

Леон подхватывает глиняный кувшин. Плещет кисель в олигархическую кружку-гжель.

Леон. Кому еще?

Глебушка (*вооружается вилкой с ножом*). Никому. Мы не для этого уезжали. Знал бы, чебуреков вам из Москвы привез. Какие у нас разносолы в Москве, Роман Андреевич! Беяши, шаурма, пирожки с мясом. А начинка! Купи пять чебуреков и собери кошку. (*Лизон смеется*.)

Каролина Карловна. Помолчи, Глеб! А вы почему, Роман Андреевич, барана не едите?

Роман Андреевич (*поглощая пельмени*). А надоела мне эта замковая кухня. Хочется чего-то родного.

Глебушка. Коммунального. Вы валенки специально не носите, чтоб никто не догадался? Или ножки преют?

Роман Андреевич. Они с килтом не смотрятся.

Глебушка. Вы это серьезно?

Роман Андреевич. Вполне. (*Слугам*.) Свободны. (*Всем*.) Давайте праздновать!

Леон с Бенедиктом удаляются.

Глебушка. Поддерживаю! И раз у нас такое хэллоуиновское дело случилось, то, может, кто-нибудь слово возьмет? (*Отцу Сергию*.) Может, ты? Нет? Ну на нет и Судного дня нет. Тогда я скажу. (*Поднимается*.) Итак, господа, что же из себя представляет этот великий праздник, доставшийся нам в наследство чёрт знает откуда и чёрт знает от кого?

Отец Сергей. От Сатаны праздник сей. Лукавый день.

Глебушка. В связи с чем даем слово экзорцисту, ибо они просят.

Отец Сергей. Не буду славить. Греховный день.

Глебушка. А в компании ряженных пить не греховно?

Отец Сергей. Я согладатайствую, чтобы вы во грех не пустились.

Глебушка. Угу. В свальный. Ну, ладно – соглядатайствуй. А я пока тост скажу. За руки предлагаю не братья и благодарение не приносить.

Настенька. Мне кажется, ты праздники путаешь.

Глебушка. Я вас умоляю, сударыня. Всё это одного поля ягоды. Только идола с провайдерами разные.

Лизон. Глебушка, ну можно уже быстрее как-нибудь? Рука устала бокал держать.

Глебушка (*юродствует*). Быстрее только котики для чебурек родятся, а у нас сегодня большой день. Важный. День бесов и прочей нечисти. (*Высоко поднимает бокал.*) И только в таком коллективе, только в этой изумительной макабрической атмосфере и черной ауре можно справлять сей нелепый праздник. Ведь вспомните, что было раньше! Международный женский день, День защитника Отечества, День Победы, годовщина Октябрьской революции, Новый год, наконец. Кто были наши герои? Клара Цеткин, Роза Люксембург, Владимир Ульянов. А что сейчас? День нетрадиционной ориентации, День святого Валентина, Хэллоуин. Кто этот Валя-Валентин? Кто эти бесы, я спрашиваю? Девальвация праздников произошла. Обнищание героев. Экспансия западничества на наш Восток. На нашу Евразию и Азиопу. Продали, господа, страну! Разворовали! Обесчестили! И да упокоится с миром всё то, что строили наши деды и прадеды, и что с таким удивительным разгильдяйством мы профукали всего за пару десятилетий. Посему – рыдает Москва! Дрожит столица! Аминь, господа-товарищи! (*Залпом осушает бокал.*)

Борис. Кто-нибудь понял, что он сейчас сказал?

Михаил. Очень даже понял, на. Измазал ты нас, Глебушка, по самое небалуй.

Глебушка. Сами измазались. Расхлебывайте теперь.

Лизон. А ты типа как и ни при чем?

Глебушка. А я как Сергуня. Соглядатайствую, чтобы вы еще чего не учудили.

Каролина Карловна. Ну, с тобой, Глебушка, всё понятно. У кого есть приличный тост?

Настенька (*вскидывает вверх волшебную палочку*). У меня.

Борис. Давай, Насть, говори!

Настенька. Когда умер папа...

Глебушка. Отличный день для ковыряния в прахе.

Михаил. Глохни! На!

Роман Андреевич. Продолжайте, Настенька.

Настенька. Так вот, когда умер папа и мы все его хоронили, я думала, что земля уходит у меня из-под ног. Ведь, казалось бы, всё тогда пропало...

Глебушка. Заводы, акции, яхты...

Настенька. Я так не могу!

Каролина Карловна (*Глебушке*). Не перебивай!

Глебушка (*тихо*). Ее перебьешь, как же. Самим останавливать придется.

Настенька. Ну так вот. А папа, если помните, не очень хорошо тогда поступил. Но он пожилой человек был.

Глебушка. Возраст — лучший друг Альцгеймера.

Каролина Карловна. Не был он в Альцгеймере!

Глебушка. А в каком интеллектуальном голодании он тогда был?

Каролина Карловна. Не тебе судить его! Продолжай, Настя!

Настенька. Ну вот. И когда он нас всех лишил наследства, я думала, что всё — День всех святых настал... А он вот продолжается... Этот День... Извините, я что-то путаюсь... И теперь, когда папы нет... Мы всё равно помним о нем, потому что в нашей семье появилась Светлана Николаевна и Сашенька... А Светлана Николаевна святая женщина оказалась — не пустила нас по миру, не дала умереть, а приютила, дала хлеб и кров, образование...

Лизон. Стоп, Настька. Чё-то я не воткну, а к чему ты это всё рассказываешь?

Настенька. Так канун Дня святых. А папа — святой человек был. И Светлана Николаевна святая...

Глебушка. Святая! Фактически все папкины деньги заграбастала и вассалами нас сделала. Настурция, надо было тост ска-

зять, а не зауспокойную прочесть. Тем более что эта святая женщина, в отличие от папика, еще жива.

Лизон. Блин, никто не знает, что в этот день говорить нужно! Прикольный же праздник! Вы чего все?!

Борис. Может, я попробую?

Каролина Карловна. Попробуй, Боренька.

Борис (*поднимается*). Я вот что хочу сказать. Вот, если взять в расчет, что смерти в ее духовном смысле нет, то праздник Хэллоуин, безусловно, является доказательством того, что мертвые среди живых, а живые среди мертвых.

Михаил. Поясни. Ни хера непонятно.

Борис. Ну, Миша, это же просто. Иными словами, не каждый мертвый является мертвым, в то время как и не каждый живой живым. Понимаешь, Миша, таким образом происходит как бы казуистика или физическая несостоятельность ряда философских школ, базирующаяся на материальном восприятии мира. Так как в этот День не представляется возможным отличить одно от другого – дух от тела, а тело от души. Поэтому предлагаю выпить и вспомнить всех тех, кто уже не с нами, но остался в нас. Как говорят в Финляндии: кахта куолемаа эй оле эйкя ихдельтя вьяльтю. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Спасибо.

Каролина Карловна. Ты от Бога оратор, Боренька! И с финским у тебя гораздо лучше стало.

Глебушка. Ага, блеснул эрудицией и погас. Твои слова да нашему экзорцисту в уста. Вся паства бы его была. Роман Андреевич, вы Бореньке ваших пилюлек не давали?.. Ах, ну да, я и за был совсем...

Михаил. Вообще ни хера не понял, на!

Глебушка. Это потому что у Бори IQ очень высокий. Девять по шкале Рихтера¹.

Роман Андреевич. Честно говоря, я тоже не совсем понял,

¹ *Шкала Рихтера* – сейсмическая шкала для оценки колебаний при землетрясениях. Содержит условные единицы от 1 до 9.

что ты, Борис, хотел сказать. Да и финский-то тут при чем?

Борис. Финский мне, Роман Андреевич, для саморазвития нужен. Я же вам говорил. В остальном могу повторить. Душа и тело как бы едины, а смерть как бы является перерождением физической составляющей живого человеческого естества из одной сути в другую. В плоскость Бога и райских куш. По-фински – в Паратииси. То есть – в Рай.

Глебушка. Чистый Демосфен. Тебе бы в рот камней напихать.

Лизон. Борька! Глебушка прав, ты такой умный, аж оторопь берет! Ты в самолете с преподобным Сержем, что ли, сидел? (*Возится с планшетом, хихикает.*)

Отец Сергей. Не уместно, дочь моя, иронизируешь. Борис давно Богом интересуется.

Глебушка. Ага, поэтому Хэллоуин справляет.

Отец Сергей. Борис в поиске. Мечется душа. Я напутствовал его.

Глебушка. Как-то он, однако, кривенько по этому пути пошел. Буераками какими-то.

Каролина Карловна. Давайте не будем отвлекаться! Итак, Боренька, ты сказал прекрасный тост. Предлагаю чокнуться.

Настенька. В Хэллоуин?

Глебушка. Идея. О покойниках либо хорошо, либо ничего. Поэтому предлагаю – молча. Не чокаясь.

Настенька. Но у нас же не поминки!

Лизон. А я с Глебушкой согласна! Прикольно же!

Каролина Карловна. Дети! Хватит шутить!

Роман Андреевич. А что, в этом, кстати, есть сермяжная правда. Праздник всё-таки специфический.

Роман Андреевич поднимается. Все, переглядываясь, следуют его примеру. Немного неловко поднимают бокалы, но не чокаются. Лизон хихикает.

Глебушка (*поддакивает Лизону*). Тихо. Минута молчания. Быстро склонили черепа. (*Опускает голову*)

Все выпивают. Садятся. Приступают к еде.

Глебушка (*жует*). Ну-с... Кто кого вспомнил?

Михаил. Кого, на?

Глебушка. Ну вот ты, к примеру, кого вспомнил в минуту молчания? Тех, кого ты из физического в астральный мир в Москве перевел, вспоминал?

Михаил. Мать, он мне надоел, на!

Каролина Карловна. Глеб, не начинай!

Глебушка. Так полагается усопших вспоминать.

Роман Андреевич. Вы, Глеб Вадимович, с католическим днем путаете. А это Хэллоин. Светский праздник. Он накануне празднуется.

Лизон. Да, Глебушка! Его праздновать надо. Праздно-вать!

Глебушка. А как? На демонстрацию выходить? Черно-оранжевые ленточки повязывать? Белыми обматываться? Может, еще какие-нибудь пошлые бутоньерки в виде алых и белых роз придумать?.. И ничего я не путаю, Роман Андреевич, в некоторых странах эти праздники совпадают. Вот прямо день в день.

Лизон. А и в самом деле, как праздновать будем?

Отец Сергей. Нарушены традиции. А когда нет традиций, тогда и Бог у праздника отсутствует. Бесовщина сплошная.

Роман Андреевич. Ну, традиция, положим, у праздника многовековая.

Глебушка. Ну-кась, просветите. Вы ж, небось, его уже не первый год справляете? А то мы дальше тыквы с пьянками в своих Мытищах не продвинулись.

Роман Андреевич (*хмыкает*). Лучше б не справлял. Мне бы что-нибудь попроще. 23 февраля, например.

Глебушка. Только не рассказывайте, что вы еще и служили.

Роман Андреевич. Служил, что ж вы, Глеб Вадимович, думаете, я сразу бизнесменом стал?

Михаил (*искренне*). А чё, нет?

Роман Андреевич. Да нет, Миша. Перед тем, как им стать, надо было годы своей стране отдать. Долгие годы.

Глебушка. Отдали годы — забрали недра. Знаем, плавали.

Роман Андреевич. Вы, Глеб Вадимович, постоянно утрируете. И, кстати, да, именно плавал. Я Балтийскому флоту, между прочим, три года отдал.

Глебушка. То-то его разворовали наши дружественные республики. Ваших шаловливых рук дело? За три года такое можно наворотить! Аж дух захватывает! А было бы больше времени, вы бы, небось, собственноручно Байконур казахам подарили, а Севастополь хохлам. Да, Роман Андреевич? А тут флотик какой-то балтийский с корабликами. Как говорится, с Днем Рождения, страна, потерявшая треть!

Каролина Карловна. Глеб! Ты сейчас обратно в Москву полетишь!

Михаил. Можно я его провожу, на?

Каролина Карловна. Нужно!

Глебушка. Забываешься, Карловна. Это раньше ты мне могла такое сказать. А сейчас всё в руках у Светланы Николаевны. Душа, она сильно опечалится, если я неожиданно вернусь. Всё-таки билетика за ее счет куплены.

Каролина Карловна. Ладно, сиди. Роман Андреевич, извините, перебили вас.

Роман Андреевич. Ничего, Каролина Карловна. Хорошо, что хоть кто-то перебивает. А то тоскливо очень. А вам, Глеб Вадимович, вот что замечу. Моей биографии на десятерых, между прочим, хватит. Вначале Пэ-Тэ-У, потом шоферил, морфлот, кооперативы... Я ведь и правда с морфлота бизнес начал... Только не продавали мы флот, а модернизировали, как сейчас принято говорить.

Глебушка. В ноль умодернизировали.

Роман Андреевич. В ноль не в ноль, а первые большие деньги я именно на морфлоте заработал.

Глебушка. «Поднял бабло» надо говорить, Роман Андреевич. Отвыкаете от русского языка.

Роман Андреевич. А это, по-вашему, русский?

Глебушка. Самый что ни на есть.

Роман Андреевич. Ладно, не будем спорить... А вам разве не интересно послушать, на чем я первый капитал заработал?

Глебушка (*поправляет*). Сколотили.

Роман Андреевич. Ну да. Построил.

Михаил. Так на чем, Ромыч?

Каролина Карловна. Очень интересно, Роман Андреевич.

Лизон. А по мне, так про Хэллоуин интересней послушать.

Роман Андреевич. Про Хэллоуин я еще расскажу... Одну секундочку... Давление...

Запивает киселем горсть пилюлей, затем поднимается, идет к трону, берет волюнку и резко в нее дудит. Гости вздрагивают. Появляются Леон с Бенедиктом.

Леон и Бенедикт (*хором*). Yes, sir?!

Роман Андреевич (*командует*). Камин!

Бенедикт. Come in?

Роман Андреевич. Камин!

Леон. Так мы ж вошли.

Роман Андреевич. Я вижу! Камин зажгите!

Леон и Бенедикт (*хором*). Just a moment, sir! (*Суетятся около камина, зажигают.*)

Роман Андреевич. Свободны.

Леон и Бенедикт (*хором*). O'key!

Леон. А пудинг когда подавать?

Роман Андреевич. Позже!

Бенедикт. Чай с молоком? Имбирь? Или лучше с чабрецом?

Роман Андреевич. Валите отсюда, я сказал!

Леон и Бенедикт (*хором*). OK! OK!

Бенедикт (*Леону*). Так бы сразу и говорил. А то орет только.

Леон (*Бенедикту*). Мне от этой волюнки уже тошно. Хоть бы ему кто губную гармошку подарил...

Слуги уходят. По пути приглашают свет в зале: бра бликуют, камин трещит, Swarovski льбится.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ
ИМПРЕССИОНИСТСКАЯ ЛИНИЯ

Глебушка. Ну вы ваших сиамских близнецов и вышколили, Роман Андреевич! Какие манеры, какой прононс! Чувствуется британская школа! Лёлек даже на целый дюйм подрост. Да и Болек восхитителен. На скрипке играть еще не начал? Английский, я смотрю, он уже в совершенстве знает. Пора его на Бейкер-стрит переводить.

Роман Андреевич. Нет, не играет. Но со временем не исключая.

Каролина Карловна. Морфлот, Роман Андреевич!

Роман Андреевич. Он самый. *(Жадно осушает кисель из гжель-кружки и поднимается из-за стола.)* Итак! Балтика! Вы только представьте себе на мгновение. Чайки! Кряквы! Лысухи! Дуновение ветра. Солёный вкус на губах. Изморось. Море большое, рыбы много!

Глебушка. Аж мороз по шкуре! Прямо так и вижу — закаленный морской волк. Борода. Трубка. Рельефные бицепсы под тельняшкой. Вылитый Хэм. А изморось, конечно, добила.

Настенька. Глебушка, не перебивай! Дай Романа Андреевича послушать!

Роман Андреевич *(садится)*. Сбился я что-то...

Глебушка *(напоминает)*. Лысухи, кряквы. Матросский бушлат, бескозырка и лента в зубы. Я в восхищении от ваших образов. Вы мне даже Мишу чем-то напомнили. По темпераменту.

Михаил *(Глебушке)*. Еще раз вякнешь, урою!.. Давай, Ромыч! Русский без водки, что моряк без лодки! *(Выпивает виски «в одно лицо».)*

Роман Андреевич. Ну так вот. Птицы реют, ветер дует, рыба плещется... *(Пауза.)* А какие гагары там!

Глебушка. Гоголя на вас нет. Прошу прощения, конечно, Роман Андреевич, у вас в школе по сочинению какая оценка была?

Михаил *(Глебушке)*. Я тебе что сказал, на?! Ща вилкой по губам получишь!

Роман Андреевич. Крепкая тройка у меня была, Глеб Вади-

мович. Но — крепкая! В бизнесе, кстати, литература не нужна.

Глебушка. Это да. Согласен. Сегодня оценки в школе вообще не компромат. Компромат — ворованные диссертации. Продолжайте.

Роман Андреевич. Так вот, а мы на корабле!

Лизон. На каком?

Глебушка. «Балтика-семёрка»¹.

Михаил. Ма, я заеду ему в ухо? Можно?

Каролина Карловна. Глеб, в самом деле, дай послушать, сколько ты болтать можешь?

Глебушка (*вяло машет рукой*). Ладно уж, слушайте вашу сагу о море. Без буревестников и альбатросов.

Роман Андреевич (*подтягивает к себе тарелку с запеченной картошкой*). Судно наше, Лизонька, называлось скромно, по-домашнему — «Варяжек».

Глебушка. Вальяжек? Это эсминец или дредноут?

Каролина Карловна. Глеб!

Глебушка. Не перебиваю. Просто переспросил.

Лизон. Тебе же сказали. «Варяг». Только маленький.

Роман Андреевич. Да, небольшой. Под ним сельдь, треска, камбала. Семужка мигрирует. Шпроты бултыхаются.

Глебушка. В масле?

Роман Андреевич. А?

Глебушка. Вот тут юродствовал, извините. У матросов нет вопросов.

Роман Андреевич. Ну вот. Внизу, значит, рыбные косяки без толку шныряют, а я наверху картошку чищу.

Лизон. Вы и картошка?!

Настенька. А что тут удивительного?

Лизон. Просто в голове как-то не укладывается.

Настенька. Ну Роман Андреевич не всегда же таким был, правда?

¹ «Балтика №7 Экспортное» — марка пива.

Роман Андреевич. Естественно, Настенька. А что такое на морфлоте чистить картошку? Подушечки пальцев – в кровь. А ведра стоят. Ты чистишь, а ведер, кажется, только больше становится. Ты чистишь, а ведер больше. Чистишь, чистишь, а ведер всё больше и больше. Чистишь, а их всё больше. Ты чистишь-чистишь... *(Сбивается.)*

Глебушка. Фарватер потеряли? Роман Андреевич, вас плющит или мне кажется? Может, давление подскочило? Ну-ка, скажите быстро – эскалация, экстрадиция, экспроприация.

Роман Андреевич *(вздрагивает)*. Экспро... А?! Ну так вот... И в какой-то момент приходит осознание того, что этот процесс необходимо модернизировать. А как его можно модернизировать? Как повысить капитализацию? *(Подхватывает на вилку картошку.)*

Лизон. Как?

Роман Андреевич. Очень просто. Не чистить картошку! *(Поднимает вилку с наколотой картошкой высоко вверх.)*

Глебушка *(хлопает себя обеими руками по коленям)*. Гениально! Низкий поклон вам в ватерлинию!

Роман Андреевич. Конечно, гениально! Ведь ее можно просто варить в мундире, поскольку в кожуре самые питательные элементы. В ней вся соль жизни. Вся философия!

Михаил. Ну а бизнес-то тут в чем?

Глебушка. Да, в чем спекуляция?

Роман Андреевич. Как в чем? Время же высвобождается. То самое время, которого так не хватает любому молодому матросу. *(Жадно поглощает картошку.)*

Глебушка. Боевому матросу или коку?

Борис. Глеб, надоел, правда. Ну и что с этим временем делать? Письма домой писать?

Роман Андреевич. Да нет. Зачем? Ведь пока варится картошка – мысли разные в голову приходят, проекты рождаются, бизнес-планы строятся. Вы вообще представляете, что такое Балтийский флот? Сколько ежегодно боеприпасов под списание идет? А ведь это же не утилизировать можно, не выбрасывать

почем зря, а только по бумагам проводить. И вот стоишь ты на палубе, пока крахмал в кастрюлях доходит, куришь и видишь, как к кораблю шлюпка плывет с европейскими товарищами... А что такое Европа по тем временам? Магнитолы, виски и валюта, между прочим! И вот выплывают из импортного тумана кассетники, солодовый напиток, долларовые знаки...

Глебушка. Не шпроты, значит?

Роман Андреевич. Да какая разница, Глеб Вадимович! Меня, между прочим, после этого на руках весь личный состав носил! Знаете, как это всё на черном рынке шло?

Каролина Карловна. Вы, Роман Андреевич, просто уникальный человек!

Глебушка. То-то вас на Родину тянет. Теорему Фирма доказывать. Небось в Шотландии такой кунштюк с русской смекалкой не прокатит. Да и возраст у вас не призывной. Одного не пойму, кто вас до такой кормушки допустил вообще? Что, старшие товарищи поделиться со своим коком решили?

Роман Андреевич. А язык? А переговоры? На флоте же по тем временам только азбуку Морзе знали. По-английски все через пень-колоду.

Глебушка. Это вас в Пэ-Тэ-У языку научили? Или пока шоферили?

Роман Андреевич. Сам, Глеб Вадимович, изучал, сам! В школе английский так себе преподавали. На уровне «I am a boy. I am a pioneer boy. I live in Moscow». Но самоучители достать можно было. Цена-то смешная была – несколько чешских стёрок и «биговская» ручка.

Борис (*подобострастно*). Да! Самоучители всегда пригодиться могут!

Настенька. Я прошу прощения, Роман Андреевич, что вторгаюсь в ваш профессиональный разговор. А где вы тогда стёрки такие брали? Ну, чешские...

Роман Андреевич. Как где? На жвачки менял. Польские.

Глебушка. Роман Андреевич, вы какого года рождения? Какие стёрки? Какие жвачки? Вы себе лет двадцать скостили.

Михаил. Да, Ромыч, это моя молодость, на.

Роман Андреевич (*в замешательстве*). Но ведь что-то же я менял? Странно...

Борис. Может, джинсы с пластинками?

Роман Андреевич. Убей Бог, не помню. Так много опций в моей жизни было. Так много суеты... Зажигалки, марки, значки. Тут разве вспомнишь всё? Я ведь поднимался год за годом. Рос. Шелуху, как говорится, отбрасывал, ненужное из памяти вымарывал... Потом вот акции пошли, доли, облигации. Бартер. Мена. Если честно, запутаться можно. Кооперативы, ЗАО, корпорации. В голове от этого кавардак иногда стоит... (*Пауза.*) Тут ведь как? Деньги же, если вдуматься, — мусор. А в основе всего мена лежит. Вот как раз на ней мир всегда стоял и стоять будет. И суть грамотного бизнеса состоит не в том, как выгодней купить, а как удачней... ну, не знаю, к примеру, угольный завод на нефтяные акции обменять. И ни копейки при этом не потратить. Вот тогда-то спекуляция, как выразился Глеб Вадимович, и становится настоящей инвестицией... Вы вот, наверное, думаете, что мы при капитализме живем? Ничего подобного. У нас как был перво-бытнообщинный строй, так и остался... Так что — жвачки я, скорее всего, и менял...

Глебушка. Божественно, Роман Андреевич! Я в восторге от вашей манеры изложения. И служить вы толком не служили, и работать не работали, и меняли непонятно что. Крепкий хозяйственник, иными словами... А что наш экзорцист на эти дела греховные скажет?

Отец Сергей. Мена — дело не греховное. А самообразование церковь всегда поддерживала.

Глебушка. У... Ну тогда предлагаю Романа Андреевича в королевский флот определить. Глядишь, Великобритания на суверенные графства сама развалится. И как вам, Роман Андреевич, только всё с рук сходило?

Роман Андреевич. А мне, между прочим, не сошло тогда.

Глебушка. Неужто посидеть пришлось? Что-то я не знаком с этой вехой в вашей биографии.

Роман Андреевич. Да нет. На берег списали.

Глебушка. Морская болезнь?

Роман Андреевич. Что-то в этом роде.

Глебушка. Чистый Хэллоуин получается. Старик Данте со своими кружками по интересам отдыхает. И вместо морского десанта у нас коки балтийские, и боеголовки мы на кассетники меняем. И на вопросы отвечаем всегда четко и без запинки: «да-нет». (*Пауза. Задумчиво.*) Вот интересно: «Тюльпан», «Буратино», «Катюша», «Подкидыш», «Палтус»¹. Система распознавания «Свой-чужой». Теперь вот «Вальяжек». Мы их, наверное, специально так называем, чтоб никто не догадался... Знаете, я картошечки, пожалуй, поем. В ней, я так понял, вся правда жизни. Вдруг бизнес-план какой родится. Скажем, как аглицкой королеве шотландскую юбку подарить и носить ее заставить... (*Сидит. Жует.*) Кстати, Лизон, не глянешь, что там у Трафальгара творится? Утром вроде спокойно было.

Роман Андреевич. Да, Лизонька, если не сложно. Откройте, пожалуйста, какой-нибудь новостной сайт.

Лизон тычет в iPad – гуглит.

Лизон. Только я всё читать не буду. Здесь очень много. О! Тут и ролик с музыкой есть. Включать?

Настенька. Конечно!

Лизон включает музыку на планшете. Раздается один из многочисленных унылых фолк-гимнов Шотландии «The Flower of Scotland», под который шотландские регбисты обычно выбегают на поле.

Лизон (*читает вслух с планшета*). «На дружественный слет биатлонистов в Лондон чартерным рейсом прибыла группа веж-

¹ Названия вооружений (*жарг.*)

ливых прибалтийских товарищей...» А, это не то. Это про спорт. Вот, наверное. «Великобритания щедро открыла свои границы нелегальным мигрантам без опознавательных знаков. Граждане страны ласково прозвали их „зелеными человечками“, поскольку во время намаза парламентарии не могут попасть в Вестминстерский дворец, подступы к которому перекрывают люди, обмотанные зелеными полотнищами...» Тоже ерунда какая-то... А, вот про Трафальгар. «В то нелегкое время, когда в холодные осенние ночи миротворческие силы НАТО вынуждены жечь покрывки, ирландские безработные беззастенчиво поддерживают шотландских коллег домашней выпечкой и горячими напитками „Cocktails Molotoffa“. Последний раз площадь расцветала так на торжествах, посвященных двухсотлетию празднования Трафальгарской битвы. Уникальность рецепта состоит в том...» Дальше неинтересно, пошли ингредиенты к коктейлю.

Глебушка. Ну, всё понятно. Кто не скачет, тот в портках!

Борис. Слава Шотландии!

Все. Шотландцам слава!

Глебушка. Чую, первый указ, который они введут, будет об «антигосударственном левостороннем движении». Наверняка еще организация по беспределу и сепаратизму свое веское слово скажет.

Роман Андреевич (*протяжно*). М-да... Их разогнали, а они всё равно вернулись... В Москву, конечно, надо. Всё-таки в ЭР-ЭФ такого нет.

Глебушка. Мне сейчас муха в слуховой аппарат не залетела? А, Роман Андреевич?

Михаил. Да рассосется, Ромыч. Не дрейфь, вялые они. Пошумят, волюнками помашут и расползутся. Тем более мы им левак часто гоним. Через раз всё стреляет, на.

Борис. Ну это вряд ли, Миша. Шотландцы народ свободолобивый. Их просто так не возьмешь!

Михаил. Да ну, Боряйла. Мутота это всё. Они сотни лет этой фигней маются. Лишь бы поорать. Пошумят, потом юбки напялят и опять в дуду.

Глебушка. Ага, Мишань, рассосется, как же. Как бы они королеву при таком раскладе не ухлопали.

Отец Сергей (*впечатывает мощную лапу в стол*). По делам ее греховным кара! За принцессу ответ держать будет!

Настенька. Жаль, конечно, если старушку убьют.

Каролина Карловна. Это невозможно! Она – королева!

Глебушка. Из воска, что ли? Как в музее мадам Тюссо? А с возрастом еще и не портится? Тебе бы так, Карловна, да?

Каролина Карловна. Я сказала, хватит! И вообще, что это мы то о бизнесе, то о политике.

Лизон. Точно, сколько можно! Роман Андреевич, вы же нам про Хэллоуин обещали рассказать. (*Показывает на тыкву в середине стола.*) Есть какие-нибудь традиции?

Роман Андреевич. Масса. Если Глеб Вадимович отвлекать не будет, с удовольствием расскажу. Эх, знали бы вы, как я по вам соскучился! По разговору этому...

Глебушка. Бессвязному... Сейчас сага о тыкве будет. Пост-модернистскую балладу о чапаевской картошке мы уже выслушали.

Каролина Карловна. А кому не нравится, тот может выйти!

Лизон. О тыкве! О тыкве, Роман Андреевич, расскажите!

Роман Андреевич. С удовольствием. Слушайте. Что мы, собственно, об этом празднике знаем? Ничего. А между тем у него есть своя история и многовековые традиции...

*В этот момент в зале резко гаснет свет. Женщины вскрикивают. Через какое-то время появляются **Леон** и **Бенедикт**. В руках они несут канделябры.*

Леон. Пробки, sir! Finish.

Слуги устанавливают канделябры и зажигают свечи. Отец Сергей крестится.

Бенедикт. Sorry, починим! Don't worry. (*Уходят.*)

Лизон. Блин! Круто! Как по заказу!

Роман Андреевич. Так вот, о традициях Хэллоуина.

Глебушка. Шёпота, Роман Андреевич, больше дайте. Так страшнее будет.

Роман Андреевич. Давным-давно, еще в дохристианские времена, — извини, конечно, Серёжа, — время делилось только на лето и зиму. А земли Ирландии, Северной Франции и Англии населяли воинственные кельты-язычники. И вот переход одного сезона в другой как раз и приходился в ночь с 31 октября на 1 ноября. Тогда в свои права вступала русская матушка-зима...

Лизон. Русская? В Ирландии?

Глебушка. Снова давление?

Роман Андреевич. Виноват, оговорился. Ирландская зима-матушка.

Михаил. Как-то не звучит, Ромыч.

Каролина Карловна. Кончайте уже перебивать! Рассказывайте, Роман Андреевич.

Роман Андреевич. Ну вот. А еще в эту ночь открывалась граница между мирами мертвых и живых. Называлась она... Как же она называлась... Вспомнил! Самайн! Тогда кельты наряжались в шкуры зверей, надевали рога и головы убитых животных и таким образом отпугивали демонов. Ну что еще. Приносили в жертву скот. Выходили на улицу и собирались вокруг костров. А вот в домах наоборот — очаг гасили. У меня, собственно, всё. *(С невозмутимым видом жует.)*

Все переглядываются. Смотрят на потухший камин.

Настенька. Как похоже. Камин, баран. И света нет.

Глебушка. А откуда инфа такая исчерпывающая? А, Роман Андреевич? Как вам так лихо удалось несколько тысячелетий в пару фраз уместить?

Роман Андреевич. Ну... это... Так Интернет... я погуглил...

Глебушка. Роман Андреевич, вы ли это? Погуглили? Сами?

В поисковике? Может, вы еще и на Facebook-е зарегистрированы — в этом храме самовыражения? *(Смеется.)* Ладно, давайте я расскажу, раз у нас Роман Андреевич информацией из Интернета толком пользоваться не умеет. На самом деле с этим праздником всё гораздо сложнее. И, в отличие от некоторых, я еще помню, что такое бумажная книга. Дело было так. Духов, как известно, надо прикармливать. Поэтому вся жратва выставлена на улице. И костры, у которых собирались кельты, разжигали не какие-нибудь «юбочники», а самые настоящие жрецы. Не попы, Сергунь, заметь, а друиды! А вот язычки пламени от этих священных костров уже разносились по домам, и от них зажигался огонь. Всё тогда между людьми и природой по чесноку было. Природа, а потом человек. А не так, как сейчас. Человек, а потом всё остальное.

Отец Сергей. Бог — есть мера всего сущего, а не человек с природой!

Глебушка. Вот такая фантомная вера и привела к тому, что мы сегодня имеем, Сергунь. Экзорциста, справляющего Хэллоуин.

Отец Сергей. Я за компанию приехал! Случайность с праздником вышла!

Глебушка. Для Бога случайностей нет, тебе ли не знать. И для кельтов, кстати говоря, тоже случайностей не было... Но ближе к делу... В первом веке нашей эры пришли римляне и подмяли кельтов под себя. А поскольку новая метла по-новому метет, то и праздники пришлось упразднить. Только вот незадача. Упразднить можно всё, что угодно. Но вот как заставить повиноваться? Втихаря всё языческое действие, конечно же, праздновалось, пока что? Правильно, пока не тупанул один из христианских пап. И не перенес празднование Дня всех святых с мая на ноябрь. Итог. Незаметно для себя христиане начали отмечать языческий праздник, о котором язычники, кстати говоря, никогда и не забывали. Кто еще кого победил, неизвестно.

Настенька. Так, может, в этом как раз хитрость была? Чтобы всех заставить христианские праздники справлять.

Глебушка. Может быть, Настурция. Очень даже может быть. Вопрос в другом. Так чьи же праздники мы все справляем?

Отец Сергий. Ересь не неси!

Глебушка. А ты, Сергунь, тоже погуглить можешь. Глядишь, любопытная информация на рясу вывалится. Отсюда что? Совершенно верно. В конце октября – начале ноября христиане всего мира рядятся в ведьмаков. Гадают, пугают, приносят жертвы. Я, пожалуй, баранинку пожую. *(Пауза.)* А хотите я еще про православное Рождество с Колядой расскажу?

Отец Сергий. Босаякие разговоры ведешь! Нечестивые!

Глебушка. Не хотите, значит. Понятно.

Борис. Где ты это всё вычитал, Глеб?

Глебушка. Там, где ничего не спрячешь. В Интернете, Боряй-ла. Ну и книжки кое-какие любопытные на эту тему почитал. Бумажные еще. Помнишь, были такие?

Лизон. Ну а с тыквой-то что?

Глебушка. О, тут вообще всё просто. *(Рассказывает зловеще.)* Много веков назад на диких ирландских землях, в то светлое время, когда их еще не облюбовали разные российские деятели, жил-поживал некто Джек. *(Ловит на себе неодобрительный взгляд олигарха.)* Не вас, Роман Андреевич, имею в виду. Вы у нас истинный шотландец, а не ирландец какой-нибудь завалыщий. Так вот, Джек этот, по легенде, вроде как кузнецом был. И был он таким скупердяистым и хитрющим, что смог обмануть даже Дьявола и получить от него обещание, что тот никогда не покусится на его душу. Но хитрован наш умудрился обмануть даже самого себя. В итоге после смерти он не смог попасть ни в ад, ни в рай. Поскольку, с одной стороны, Дьявол пообещал ему своего рода депутатскую неприкосновенность, а с другой – с апостолами Джеку договориться не удалось, ибо грешен и алчен наш кузнец был до безобразия. А у тех с коррупционной системой было жестко – но таких больших денег у Джека не было. Ну и, словом, отправили его обратно на землю – бомжевать и бродяжничать по странам и весям, до самого, стало быть, Судного дня. *(Многозначительно смотрит на олигарха.)* Вот как

с Романом Андреевичем, свет очей нашим, произошло. И единственное, что у Джека осталось — это кусочек угля, который он от ирландских бурь поместил в тыкву. Ну и стал побираться, освещая себе этим угольком путь. Заметьте, не ярким всполохом от угольных шахт, а простым таким древесным угольком... Ну а огонек в этой тыкве символизирует не что иное, как неприкаемость грешных душ. Сама же тыква называется — светильником Джека. Вот теперь всё.

Молчание. Все переваривают услышанное. Пауза.

Роман Андреевич. Плохой миф. Злой.

Глебушка. А не надо было воровать и жульничать. Ибо, как известно, каждый кузнец своего счастья. Кстати, никакую библейскую историю не напоминает, а, Сергунь? Про жида вечно-го?.. Возникает другой вопрос. Так чьи же мы истории друг другу на разный лад пересказываем?.. И что до мифов, то этот праздник — яркий образчик того, что вся наша жизнь — сплошной миф и абсурд. Только человек может смешать всё в одном корыте. И поминовение усопших, и вакханалии с тыквами. А лет десять тому назад еще и ЮНЕСКО отметилась. Включила Хэллоуин в список культурного наследия человечества. Клёво, да? Так что с праздничком вас, ведьмаки от христианства!

Роман Андреевич. Знаете что, Глеб Вадимович...

Глебушка. Это что, Роман Андреевич. Говорят, Джек нередко в дома захаживает. И не стоит на меня, как олигарх на народ, смотреть. Сами виноваты, что у вас всё юбкой закончилось.

Михаил. Мать, можно я ему зоб вырву?!

Лизон. В самом деле, хватит, Глебушка, пузыриться! Давайте отмечать. Роман Андреевич, у вас есть музыка?

Роман Андреевич. Конечно, Лизонька.

Борис (*шмыгая носом*). Точно! Давайте праздновать!

Глебушка. Не напраздновался еще, мучных дел мастер?

Борис. Ма! Скажи ему!

Каролина Карловна. Глеб! Тан-це-вать!

Настенька. Да! Да! Танцевать!

Роман Андреевич подходит к граммофону. Вытаскивает из конверта виниловую пластинку. Бережно сдувает с нее пыль. Кладет на вращающийся диск. Поворачивает раструб к гостям. Крутит ручку – заводит граммофон. Играет музыка: темпераментный, как сыр в фондюшнице, из раструба зажигает Эдуард Хиль. Во всю граммофонную удаль раздается «Mr. Trololo». Гости танцуют, веселятся, корчат рожи, пугают друг друга. Некоторые кучкуются, заодно, словно прыщавые подростки, подпрыгивают вверх, хлопают в ладоши и кричат: «Трик энд Трак! В Британии – бардак!» Со стороны всё это напоминает шабаш.

Роман Андреевич утягивает Каролину Карловну к трону. Разворачивает его к стене. Натягивает небольшой экран и настраивает какой-то древний аппарат, отдаленно напоминающий детский фильмоскоп с диафильмами. Усаживает Каролину Карловну на трон и протягивает ей 3D-очки. Стоит рядом, но стальгирует.

Роман Андреевич (показывая на размытые слайды, появляющиеся на экране). А вот это, Каролина Карловна, жизнь в формате 3D. Слайд-шоу, так сказать... Здесь мы с вашим Вадиком, царство ему небесное, в 90-х. Так, ну это чьи-то похороны. Боец какой-то. Это неинтересно. Это тоже скучно. Братские холмы, погосты замкадья. Там сейчас, насколько мне известно, коттеджные поселки. Очень престижные, надо сказать... А! Вот! Это мы уже на серьезной панихиде. Тут Вадик очень красиво сказал. Я даже прослезился. Так. Вот кресты пошли. Прекрасная коллекция, правда?

Каролина Карловна (поправляя очки). Замечательная. И венки – удивительные. Боже, Роман Андреевич, какие ленты роскошные! Хоть в волосы вплетай. Сразу видно – от всей души дарили!

Роман Андреевич. Это что! А посмотрите, какой великолепный памятник! Масштаб 7 к 1. Мы его, кстати, вместе с Вадиком

спонсировали. Один автомобиль чего стоил. Не машина, а комплекс «Тополь». И внешне, и по цене. А видите, какая цепочка на шее? А брелок? Роскошные, да?

Каролина Карловна (*вертит головой из стороны в сторону*). Просто прелесть. Неужели... Шэ... Шэ... Шемякин?

Роман Андреевич. Ну что вы, Каролина Карловна, сам Зураб Константинович ваял... Не будем же мы с Вадиком по всяким диссидентским мелочам размениваться. Уродцев ведь и на Болотной хватает. А тут имперский размах необходим.

Каролина Карловна. Имперский? На кладбище?

Роман Андреевич. Почему нет? Как при жизни, так и после нее. А этот крест, насколько помню, вообще из цельного массива дерева. Отличная работа. Из африканского венге, если мне память не изменяет. Я недавно каталог листал: так вот, сейчас такую мебель в гостиную модно ставить. Очень хорошо смотрится. Стильно. (*Листает слайды.*) Так, ну это чьи-то сороковины с паленым коньяком. Тут я, честно говоря, мало что помню. Это снова чье-то отпевание. Забыл. (*Звонко щелкает пальцами.*) Вспомнил! Это же как раз того самого коньячного магната отпевание.

Каролина Карловна. Любопытно, очень любопытно. Какой вы, Роман Андреевич, жизнелюбивый человек, оказывается. И ленты, конечно, просто изумительные.

Роман Андреевич. Это что, я вот всё московскую природу вспоминаю, Каролина Карловна. Ностальгирую, можно сказать. Я же на кладбищах чаще, чем в кинотеатрах бывал, м-да... (*Пауза.*) Эх, если бы вы знали, какая на Новодевичьем благодать летом! А в Троекуровском филиале! А на Ваганьковском! Воздух! Зелень! Птицы поют! Вы, кстати, когда там последний раз были? Расскажите, что там новенького.

Каролина Карловна. Боже упаси, Роман Андреевич. Никогда я там не была. Мои родители вообще под Тулой похоронены. А Вадика мы кремировали. Вы забыли, что ли? В колумбарий он, сволочь такая, видите ли, не захотел. Он же мизантроп, в смысле — интроверт... А там народу якобы очень много — пришлось урну дома держать.

Роман Андреевич. Точно, совсем из головы вылетело. Он и правда от людей еще при жизни уставал. Со многими приходилось расставаться. Царство ему небесное...

Каролина Карловна. Вот тут, честно говоря, сомневаюсь.

Роман Андреевич. Ну, тогда им – царство. Долгих лет им на том свете... Ладно, не будем о грустном, Каролина Карловна... Так вот... Вы многое пропустили, скажу я вам, очень многое... Обязательно сходите на какой-нибудь имперский погост в Москве, который еще таунхаусами не застроен. Это же история всей страны. Можно даже книги не читать. Всё там, всё на кладбищах. Эпохи, формации, надстройки. Одна шестая часть суши на десятках гектаров уместилась. Просто поразительно! Как говорится, от голубой крови и белой кости до... *(Сбивается.)*

Каролина Карловна. До кого?

Роман Андреевич *(в замешательстве)*. До... Я разве сказал «до»?.. Впрочем, неважно... Зато какие там имена, Каролина Карловна, чудные! Какой истеблишмент! Какие трепетные лица! Вы только послушайте! Лев Измайлович, Нурумбек Хызырович, Шараф Ухматович. Золото, газ, нефтянка! А сколько аппаратчиков из 90-х! Иван Сиплый, Чалый Константин. Идешь – любишься! Душа поет! Это вам не лондонский Хайгейт какой-нибудь или, не дай Бог, Бруквуд¹.

Каролина Карловна. Там что, Роман Андреевич, знаменито-

¹ *Хайгейтское кладбище* (англ. Highgate Cemetery) – кладбище, расположенное в Хайгейте, Лондон, Великобритания. На кладбище похоронен А. В. Литвиненко, бывший сотрудник ФСБ, вероятно, отравленный полонием; замешан в связях с Б. А. Березовским – опальным олигархом-беженцем, возможно, покончившим жизнь самоубийством в марте 2013 г. (похоронен на Бруквудском кладбище, в британском графстве Суррей). *Бруквудское кладбище* (англ. Brookwood Cemetery) – самый крупный некрополь в Великобритании и один из крупнейших в Западной Европе. Также известен как Лондонский некрополь.

стей нет?

Роман Андреевич. Селебрити? Конечно, есть. Ими всё кладбище усеяно. Но, понимаете, в слякоти и тумане. И диссидентов много. А у нас... *(Пауза.)* Извините, у вас уже. *(Поднимает палец вверх.)* При-ро-да! Дух имперский! Чёрт побери, как же в Москву хочется!

Каролина Карловна. Роман Андреевич, а скажите, вот те ленты... Вы не помните, где их брали?

Роман Андреевич. А зачем вам, если не секрет?

Каролина Карловна *(смущенно).* Я кому-нибудь по случаю презентую.

Роман Андреевич *(доверительно кладет ей руку на колено).* А, ну это без проблем. Я вам контакты одного специалиста дам. Берет, правда, дорого, но ленты будут наилучшие.

Каролина Карловна. Огромное вам спасибо! Если честно, мне на всякий случай. Просто иногда не знаешь, что человеку подарить.

Роман Андреевич. Охотно вас понимаю. Особенно когда всё уже есть.

Каролина Карловна. Да. Только ленты и остаются... А это, простите... Ну-ка, Роман Андреевич, верните, пожалуйста, картинку назад... *(Протягивает когтистый палец в сторону экрана.)* Это, извините, что за шалавы?

Роман Андреевич *(быстро сворачивает слайд-шоу, выключает проектор и снимает 3D-очки).* А это мы в бане. Обслуживающий персонал. Ерунда какая-то. Случайно в кадр попали.

Каролина Карловна. На колени Вадику тоже случайно?..

*Разговор их резко обрывается, поскольку Настенька начинает неожиданно кричать. Она дрожит и показывает куда-то в угол. Лизон поворачивает голову и тоже принимается орать. К ним тут же присоединяется голосящая Каролина Карловна. На крик выбегают **Леон с Бенедиктом.** У обоих в руках столовые ножи. Михаил с Глебушкой одновременно несутся к стенам и срывают с них оружие. Михаил вооружается арбалетом, Гле-*

бушка – пикой. Остальные, словно загипнотизированные, смотрят куда-то в угол.

*В углу стоит **Джек**. Вместо головы у него тыква. Из глазниц полыхает ярко-оранжевым.*

Джек (скрежещущим голосом). Трик энд Трак. Трик энд Трак...

Роман Андреевич тянется к споррану с таблетницей, Борис лихорадочно лезет в карман за «понюшкой».

КАРТИНА ПЯТАЯ **ЭКСПРЕССИВНЫЙ МАЗОК**

Внезапно загорается свет на люстре и бра. Но тотчас гаснет. Загорается, гаснет. Загорается, гаснет. Всё дрожит.

Леон. Пробки, sir. Сами.

Зала окончательно освещается. Немая скульптурная сцена. Одна из скульптур начинает двигаться.

Джек (переминаясь с ноги на ногу). Я дичайше извиняюсь, а где у вас тут water closet?

Все. Что?!

Джек. Сортир. Извините, но, как бы это выразиться... Очень писать хочется.

Роман Андреевич (вяло машет рукой). Там...

Джек удаляется.

Каролина Карловна. Мне померещилось? Нет? Немедленно скажите, что мне померещилось!

Борис. Нет, ма, не померещилось.

Настенька. Я сейчас сознание потеряю.

*Все толпой семян за Джеком. Останавливаются. Прислушиваются. Раздается раскатисто-сиплый хрип спускаемой воды. Через мгновение шумно захлопывается дверь и звучат бодрые приближающиеся шаги. Все разом пятятся назад. Братья – Михаил и Глебушка – держат оружие наперевес. Испуганно делают храбрые выражения лиц. В залу входит адвокат **Юрий Владимирович**. В руках он несет маску-тыкву. За плечами адвоката, как у горьковского Луки котомка, висит рюкзак. Однако посох, котелок и чайник на поясе отсутствуют.*

Юрий Владимирович (обращается к присутствующим). Чу-ма на эту землю и ее провинции! Просто кошмар какой-то! Не поверите, я ему говорю: «Ну останови, будь человеком! Вон же лесок. Никто не увидит». А он мне: «No! No! Punishment! Law!» Я ему отвечаю: «Да я сам адвокат! Какой, на хрен, закон?!» А он вдруг поворачивается и на русском: «И что? Я тоже в Москве адвокатом был. Хайло, не слышал обо мне? Терлецких защищал. Они по Владимирскому тракту все пошли. А я вот здесь оказался. Но ссать здесь нельзя, оштрафуют! А то меня из-за тебя лицензии лишат. Это тебе не Россия – тут не всё туалетная зона. Кол-ле-га!» Ну что за люди! Что за таксисты в этой стране! Вот правильно говорят, адвокат адвокату – волк. Вы в Москве такое встречали? Чтоб свободный человек не мог опорожниться там, где захочет? Тоталитаризм у них в Британии, вот что скажу. Монархия! (Идет навстречу толпе.) Ну, здравствуйте, наконец! Рад вас, Роман Андреевич, в добром здравии видеть! (Протягивает руку олигарху.)

Глебушка. Ты руки хоть, демократ, помыл? Признавайся.

Юрий Владимирович. И вас, Глеб Вадимович, очень рад видеть!

Роман Андреевич (пожимает протянутую руку). Привет, Юр! Тебе бы в Кондратия переименоваться, честное слово. У меня даже давление подскочило.

Братья убирают оружие. Все здороваются. Обнимаются.

Елозят щечками.

Каролина Карловна (*обмахиваясь крылом «летучей мыши»*). Уф, Юрий Владимирович, ну вы нас и напугали.

Глебушка. Что там напугал, у нас от страха чуть вены самопроизвольно не вскрылись. Ты «Черную Руку» с собой из Москвы, часом, не прихватил?

Юрий Владимирович (*радостно*). Так на это же и было рассчитано, чтоб как в ужастике. Здорово получилось, правда?

Борис. Тебе бы с такими талантами в «Пиле» играть.

Лизон (*подхватывает*). Ага, без грима. Я чуть не описалась!

Настенька. Здравствуйте, Юрий Владимирович. У меня сердце до сих пор колотится. Я аж взопрела вся.

Все подтягиваются к столу. Рассаживаются. Леон с Бенедиктом удаляются на кухню.

Глебушка (*усаживаясь*). Видишь, даже Настурция взопрела. Не обращай на нее внимания, Юрасик. Это она от испуга литературно выражаться начала. Видимо, Антошу Чехонте на днях штудировала.

Юрий Владимирович (*скидывая рюкзак и садясь за стол*). А вот это вы зря, Глеб Вадимович. Чехов, между прочим, пожизненно нынешних драмоделов будет. Я вот на днях один московский полуподвальный театрик посетил. Матерщина, чернуха, на сцене чуть не совокупаются. Пакостно. Театр сдох!

Глебушка. Это они в своих подвалах правду-матку рубят. Тренд унылого реализма шлепают. А то репертуарные театры всё под себя подмяли. Прорыду уже от этих нафталиновых гоголей-чеховых нет.

Настенька. Согласна с Юрием Владимировичем! В эМ-Ха-Тэ себе такого не позволяют.

Глебушка. Взопреть можно! Ты когда последний раз в эМ-Ха-Тэ была? (*Говорит с придыханием, заламывает руки.*) Театр?.. Ненавидите ли вы театр так, как я ненавижу его, то есть всеми

силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений ужасного?..¹ (*Своим голосом.*) Такой вот — ка-тар-сис.

Настенька. Хватит ёрничать... (*Противным тоном.*) Гле-е-еб.

Каролина Карловна (*Глебушке*). Мне кажется, ты театры перепутал².

Глебушка. Сложно не перепутать, когда они так называются. А такими темпами скоро их все отличить нельзя будет. Любите ли вы цирк, как люблю его я?.. Можем еще о русском архаусе поговорить. Когда у них в кино даже дельфины матом кроют.

Роман Андреевич (*мечтательно*). Москва... Боже, Юрочка, как же я по ней соскучился! По грязи этой, по слякоти. По спектаклям-дефекациям. И чтоб на сцене совокуплялись. И мат, чтобы мат кругом стоял. Чтоб душа вместе с дельфинами переворачивалась! Чтоб по щиколотку в химикаты проваливаться!

Настенька. Ой, ну вы скажете тоже, Роман Андреевич...

Михаил. Да, Ромыч, когда это ты в Москве по щиколотку в химикаты проваливался?

Глебушка. Когда из Бентли выходил. Знаешь, Мишаня, бывает, не там остановишься, — хрясь — а тут лужа нефтяная. Хрясь, а тут еще какая-нибудь прибыльная пакость. И всё ногой туда норовишь. С головой вместе. Главное вовремя вынырнуть, а то захлебнуться можно.

¹ «Перевертыш» отрывка из статьи В. Г. Белинского «Литературные мечтания. Элегия в прозе». Отрывок исполнялся народной артисткой СССР, художественным руководителем МХАТ им. М. Горького Т. В. Дорожиной в к/ф «Старшая сестра». (*Прим. авт.*)

² Каролина Карловна права, Глебушка путает названия. Московский Художественный Академический театр им. М. Горького (*МХАТ имени М. Горького*) и Московский Художественный театр им. А. П. Чехова (*МХТ имени А. П. Чехова*), известный своими радикальными постановками. (*Прим. авт.*)

Роман Андреевич. Да ладно вам, Глеб Вадимович, шутки шутить, это же я образно. Москва – она огромная! (*Раскидывает руки.*) Там же всего навалом. Купола, восхитительный памятник Петру, мэры, матрешки.

Глебушка. Ага, а тут туманный-туманный Альбион. Восковые фигуры, вечно молодая королева, стагнация. И никаких перформансов, сплошной театр!

Юрий Владимирович. Кстати, о матрешках, Роман Андреевич. Я ж привез вам. Поностальгировать. (*Вытаскивает из рюкзака бутылку водки в виде Кремля и рюмки-матрешки с лицами мэров и президентов.*) А то эти «юбочники» с «порточниками». Брр, только с трапа сошел, а на душе уже промозгло. Такое ощущение, что какая бы здесь погода ни была – она всегда плохая.

Настенька (*ёжится*). Совсем как в Москве.

Юрий Владимирович (*продолжает выуживать подарки из рюкзака*). И вот еще. Тут презент... Наши общие друзья небольшой коллекционный набор передали. От холодов. Тут кипятильник, подарочная кружка и чай краснодарский. А это от жены. Платок оренбургский.

Глебушка. Надо было Павлопосадский везти. С багрянцем. Лучше с юбкой смотрится. Да и название позабористей будет.

Роман Андреевич (*принимает подарки, накидывает платок на плечи*). И так хорошо! (*Рассматривает кружку, дзинькает ложечкой по граненому стеклу, читает надпись на мельхиоровом подстаканнике.*) «эР-Жэ-Дэ». Вот спасибо! Помнят меня еще, значит! Привет им от меня передавай. И жене своей... Кружка, кстати, вот к этому очень подходит. (*Показывает всем пепельницу.*) Старинный квейк! Настоящие шотландцы только из него виски пьют.

Глебушка. Ну-ка, дайте. (*Вертит в руках.*) Роман Андреевич, вынужден вас огорчить. Это пепельница.

Роман Андреевич. Нет – квейк!

Глебушка. Можете мне весь мозг мельхиоровой ложечкой выесть, но это – пепельница. Видите, тут «Ashtray of the United Kingdom»¹ написано. «Made in China».

Роман Андреевич. Это — опечатка! *(Зло выхватывает пепельницу, в недоумении вертит в руках.)*

Юрий Владимирович. Конечно-конечно, Роман Андреевич. Это всё унылые «порточники» напортачили. Извините за каламбур.

Роман Андреевич. Всё ты правильно, Юр, говоришь. Спасибо тебе еще раз. *(Протягивает адвокату бутылку водки.)* Ну-с, открывай презент.

Глебушка. Ну как знаете, Роман Андреевич. Только потом не удивляйтесь, что у вас виски бычками пахнет... А ты, Юрасик, вообще-то в Шотландии. Здесь не унылые «порточники», тут косные «юбочники». И вообще, при таком раскладе нужно было «Jack Daniel's» взять, а не русскую палёнку. Очень уж у вискаря название говорящее. А вот с кипятыльником, конечно, угодил. *(Кивает на камин.)* Рафинаду надо было еще привезти.

Юрий Владимирович. Название, может, и говорящее, а вот ностальгическое послевкусие, Глеб Вадимович, отсутствует. А ведь у нас, у русских, какая основная проблема? Мы и у себя жить не можем, и ассимилироваться нигде не в состоянии. Правда ведь, Роман Андреевич? *(Тот утвердительно кивает.)* И что, по-вашему, есть большая разница между «юбочниками» и «порточниками»? *(Ловким движением откупоривает бутылку водки, срывая с нее звезду-затычку.)*

Глебушка. Ну как тебе сказать. В одежде колоссальная. Ты еще, кстати, хитрых ирландцев не видел. До сих пор в средневековых хламидах бродят. Плащи, капюшоны. А под плащом ирландский сюрприз таится: от пиджака с юбкой до рыбацкого свитера с кожаными портками. На любой политический вкус. Это тебе не наши кондовые «ватники» с «пиджачниками», когда всё напоказ.

Юрий Владимирович. Вот, и я о том же. Все они — англичаш-

¹ *Ashtray* (англ.) — пепельница. Фраза дословно звучит как «пепельница Соединенного Королевства».

ки! *(Разливает по рюжкам-матрешкам.)*

Лизон. И всё-таки, а как вы, Юрий Владимирович, здесь оказались?

Юрий Владимирович. Ну это очень просто. Дай, думаю, навещу. Праздник всё-таки какой. Неординарный. Да и вас всех давно не видел. Ну что, за встречу?!

Михаил. Вздрогнем! На!

Остальные. За встречу! *(Чокаются, выпивают, закусывают.)*

Отец Сергей. Благостный напиток. Расейский.

Глебушка. Угу. Со слезой. Кремлевской.

Роман Андреевич *(ставит локоть на стол, упирается подбородком в открытую ладонь, умильно внимает; в килте с пуховым платком он напоминает дичайшую смесь Плюшкина и Коробочки).* Ну, Юр, рассказывай. Как там? Большой театр, опера, балет, Чайковский?

Юрий Владимирович *(закусывая).* Ну а что рассказывать? В Большом я давно не был – дороговато. А по поводу остального вам уже, наверное, доложили. Холодно, снег, митинги. В бюджете, как всегда, проблемы. Они, конечно, увеличились, но, с другой стороны, и перспективы для многих улучшились. Но это же всем не объяснишь. Вы ж меня понимаете, Роман Андреевич... *(Пауза. Олигарх с пониманием кивает.)* Еще какой-то странный референдум намечается. О целостности и самобытности. Честно говоря, ерунда какая-то... Ну и вы... *(Пауза.)* В розыске... В перманентном...

Глебушка *(раскидывает в удивлении руки).* Никак найти не могут.

Ищут пожарные,
Ищет милиция,
Ищут фотографы
В нашей столице,
Ищут давно,
Но не могут найти,
Парня какого-то
Лет -адцати.

Всю Россию уже перерыли. Намекнул бы им кто, что на туманных островах искать надо. Тогда бы озеро Чайковского для некоторых сразу лебединой песней закончилось. *(Лизон прыскает.)*

Каролина Карловна. Глеб, помолчи пожалуйста.

Роман Андреевич. Да я это, Юр, знаю всё. Как там вообще?.. Музеи, выставки, дух свободы. Тут ведь Тауэр везде, что в Шотландии, что в Ирландии. Сплошной английский Шекспир. Страшное дело. *(Таращит глаза.)* Душит. *(Хватает себя рукой за горло.)* А там всё-таки Третьяковка, Пушкинский, Кремль.

Глебушка. Ага, там не душат, там сразу пристреливают. Вы когда в Третьякове были, Роман Андреевич? Наверняка последний раз в пряничном детстве, когда вас кто-то из взрослых за руку водил. А в Алмазный фонд вам нельзя. Можете не выйти. И вообще, надо было не на Бентли по нефтяным лужицам рассекать, а в метро ездить. Там замечательные табло висят: «Посадки нет».

Михаил. Заткнись, Глебыч! Юрасик, давай! Между первой и второй. На!

Юрий Владимирович. Глеб Вадимович прав. Очень напряженная ситуация. Очень. Но можно ведь и исправить... *(Снова разливает по рюмкам.)*

Роман Андреевич *(замирает).* Это еще как?

Юрий Владимирович. Ну... *(Подбирает слова.)* Если поделиться... Немного... Самую малость... *(Поднимает свою рюмку.)*

Длинная пауза.

Роман Андреевич. Это как это поделиться?

Юрий Владимирович. Чуть-чуть... совсем чуть-чуть... могут ведь и простить...

Роман Андреевич *(ставит свою рюмку на стол).* Так ты за этим, что ли, приехал?

Юрий Владимирович. Нет, ну просто многие делятся... И ничего.

Роман Андреевич (*свирепя*). Де-лят-ся?! Де-лят-ся?! Да я двадцать лет без продыху вкалывал! Двадцать лет хвостом вилял! Пригигбался, стелился, лизал! Двадцать лет под бурями и шторами ходил!

Глебушка. Это в морфлоте, что ли?

Роман Андреевич. В бизнесе! Девятый вал — это штиль по сравнению с тем, что мне пережить пришлось!.. Да как у тебя, Ю-ю-рий, только язык повернулся такое сказать!

Каролина Карловна. Роман Андреевич, родненький, успокойтесь. Юрий Владимирович просто так... Случайно...

Глебушка. Брякнул...

Роман Андреевич. Нет! Нет! Не случайно он брякнул. Он просто так ничего не брякает! (*Сбрасывает с себя пуховой платок.*)

Юрий Владимирович. Роман Андреевич, да что вы в самом деле? Я же не сказал всё отдать. Я сказал — поделиться только. Немножко.

Роман Андреевич. Вот! Вот! Слышали? Поделиться! Взять и отдать! Вот этими руками! Братве этой шелупонистой! Гэбне этой прокремлевской!

Юрий Владимирович. Ну какой братве? Какой гэбне? Зато спать спокойно будете.

Борис. Про сон Юра правильно говорит. Многие поделились. Нормально спят.

Роман Андреевич. Я и так нормально сплю! Хера я с ними делиться буду?! Раз заплатишь — всю жизнь должен будешь!

Лизон. Ну и правильно, Роман Андреевич, нечего с ними делиться. Давайте танцевать лучше будем.

Михаил. И в самом деле, давай бухнем нормально... (*Пауза.*) Хотя, если бы чуть-чуть. Типа задобрить. Слегонца так... А вообще, и в самом деле, давай бухать лучше. Где мы и где они, на?

Роман Андреевич (*ходит, суетится, никого не слушает*). Делиться, делиться... (*Вытаскивает из споррана таблетницу, обнаруживает, что она пуста; бубнит.*) «Пряничное детство». Ага, как же... А кашу на воде да потроха куриные не хотите? Вы

что ж думаете, у меня родители номенклатурой были? А уборщица в поликлинике да слесарь в ЖЭКе устроят вас? Поделиться! Ща! *(Складывает мощнейший кукиш, тычет всем в лица.)* Детства вы моего из сухарей и спитого чая не видели! Я, чтоб от этой нищеты убежать, даже в драмкружок по вечерам ходил. Сатина в «На дне» играл! А там, между прочим, монологи очень сложные. Я слова постоянно путал! Домой приду освищенный, а там отец пьяный. И порет меня, порет! А утром опять! Каша эта! На воде!

Настенька. Успокойтесь, Роман Андреевич. Пожалуйста. Овсянку как раз лучше на воде варить.

Роман Андреевич. Идиотка вы, Настенька! Гофрированная идиотка!.. И вообще, у меня голова от вас от всех разболелась! У меня давление! Что вы тут за балаган устроили! *(Подходит к картине «Красный квадрат», отодвигает в сторону, распахивает сейф, вытаскивает коробочку, достает пилюли.)* Дайте воды! Без овсянки!

Глебушка. А вы кваску из барной стойки возьмите. *(Кивает на трон.)*

Настенька подхватывается, наливает воду в стакан, подносит Роману Андреевичу.

Настенька. С другой стороны, Юрий Владимирович не всё же вам предложил отдать. А только немного. Отщипнуть буквально.

Отец Сергей. Дело отроки говорят. Иисус делиться с ближними завещал.

Роман Андреевич. Так то с ближними!.. *(Смотрит на раскрытый зев сейфа, показывает пальцем внутрь, из глотки что-то клопочет.)* Хы-хы... А где?! Где?!

Все. Что?

Роман Андреевич *(сиреной).* До-ку-мен-ты!!!

Все. Какие?

Роман Андреевич. Мои! Мои документы! *(Залезает по пояс в сейф, выуживается, пристально смотрит на присутствующих,*

рякает.) Леон!!! Бенедикт!!!

В залу влетают слуги.

Роман Андреевич. Разберитесь!

Леон и Бенедикт (*хором*). Forever!

Слуги подхватывают стулья и расставляют в ряд.

Каролина Карловна. Что это вы задумали?

Роман Андреевич. Сейчас узнаете.

Бенедикт. Seat down, please. Все. Welcome. Welcome.

Каролина Карловна. Но я не хочу сидеть, у меня и так всё затекло.

Леон (*настойчиво*). Большие please, Каролина Карловна.

Все, ничего не подозревая, рассаживаются. Леон и Бенедикт быстро подходят к каждому сзади и ловким движением надевают пластиковые наручники. Им помогает Роман Андреевич. В ответ раздаются робкие возгласы протеста.

Глебушка. Эй! Вы чего паскудничаете?!

Михаил. Охренели, на?!

Лизон. Больно же, блин!

Борис. Ну, это...

Отец Сергей. Побойтесь Бога!

Юрий Владимирович. Роман Андреевич, я хочу вас предупредить...

Роман Андреевич. А теперь заглохли все!

Настенька. Лёнчик, что ты делаешь?

Каролина Карловна. Рома-ан Ан...

Роман Андреевич. Заглохли, я сказал! Ну что? Навестить меня решили? В гости, значит, приехали?

Каролина Карловна. Ну да. Вы же сами нас приглашали.

Роман Андреевич. Документы я вас тоже приглашал красть?

Борис. Вы о чем?

Роман Андреевич. Не хотим, значит, по-хорошему признаваться... Ладно, будет по-плохому.

Глебушка. Роман Андреевич, вы в Шотландии совсем мозгом двинулись? Вас на левостороннем движении заносит? Развяжите нас быстро!

Роман Андреевич. Молчать, щегол! У меня в сейфе лежали документы!

Лизон. Ну так посмотрите, может, они и сейчас там.

Роман Андреевич (*деловито расплетает косу на бороде*). Я смотрел, не лежат. Словом, так. Либо вы признаетесь, либо... Короче... Вначале... Вот, к примеру, попа... Потом Настеньку... Нет, Лизоньку... Сами выбирайте.

Юрий Владимирович. Прошу прощения, Роман Андреевич, но как бы... Это же киднеппинг... Это же... подождите, ну нельзя же так, в самом деле!

Роман Андреевич. Быстро вернули документы!

Глебушка. Какие, к чёрту, документы?! Что вы там за пилюльки глючные пьете? Купировать давление перестали?

Лизон. Да! Синюю с красной перепутали?! У вас матрицу переклинило?!

Каролина Карловна. Роман Андреевич, миленький, отпустите нас, пожалуйста.

Настенька. Мы никому не скажем, правда... Вы же хороший человек...

Роман Андреевич. Я — олигарх! Естественно, не скажете. Некому уже будет. Что ж вы меня за идиота всё время держали? Перебои со светом. Ага. Трик энд Трак. Разговоры эти странные про «поделиться».

Лизон. Да вы параноик просто какой-то!

Роман Андреевич. Значит, с Лизоньки начну.

Настенька. Вы ведь не серьезно?

Роман Андреевич. Тогда с Настеньки.

Каролина Карловна. Лёнечка, спаси нас, пожалуйста. Ты же на нашу семью столько лет работал.

Леон. Но сейчас он мне вообще-то зарплату платит.

Роман Андреевич. Цыц, карга старая!

Каролина Карловна. Да как вы... как вы...

Роман Андреевич. Беня, пакеты!

Бенедикт. Who first?

Роман Андреевич. На попа давай, он самый бестолковый.

Настенька. Роман Андреевич, что вы делаете?!!

Роман Андреевич. И на эту. Орет много.

*Бенедикт надевает целлофановый пакет на отца Сергия,
Леон – на Настеньку.*

Леон. Sir, я хотел сказать...

Роман Андреевич. Потом скажешь! Последний раз спрашиваю, где документы?

Михаил. Чё ты кипишуешь, олигарх? *(Пытается распутать руки, но в этот момент Бенедикт ловко надевает ему пакет на голову.)*

Роман Андреевич. Я вам сейчас устрою Хэллоуин. Кто взял документы?

Леон. Я... Роман Андреич... хотел...

Роман Андреевич. Не до тебя!

Борис. Какие документы?

Глебушка. Что вы несете, Роман Андреевич? Вы в детстве в зарницу не наигрались?

Каролина Карловна. Настенька задохнуться может. Отпустите ее, пожалуйста.

Роман Андреевич. Одной Кряжистой меньше! В сейфе лежали документы. Акции, облигации, компромат кое-какой на флешке. Неважно. Сейчас там пусто. А в доме, кроме вас, никого нет.

Юрий Владимирович. Да откуда мы могли знать, что у вас там сейф?

Роман Андреевич *(вышагивает)*. Вот в этом-то и вопрос. Откуда? Жучки? Прослушка? Камеры? Весь дом наверняка, суки,

напичкали. *(Ходит по зале. Проверяет вещи.)*

Лизон. У вас паранойя! Паранойя! Паранойя! *(Но тут же глохнет под пакетом, услужливо надетым на голову Бенедиктом.)*

В этот момент Леон подходит к Роману Андреевичу. Шепчет ему что-то на ухо.

Роман Андреевич. Да? Seriously? Ну-ка, принеси.

Леон *выходит. Возвращается с портфелем из кожи чистокровного шотландского ягненка. Протягивает его Роману Андреевичу.*

Роман Андреевич *(открывает замки, роется в бумагах).* В самом деле, всё на месте. Вчера, говоришь, переложил? *(В удивлении смотрит на гостей со связанными руками. Слугам.)* Ладно, отпустите их.

Леон с Бенедиктом снимают со всех наручники и пакеты.

Лизон *(хватает воздух ртом).* Сука! Сука! Сука!

Михаил *(разминая руки).* А что, Ромыч, не боишься, если я тебе сейчас рыло олигархическое начищу, на?

Борис. Оставь его! Мараться еще!

Глебушка. Мразь!

Каролина Карловна. Девочки! Мальчики! Мы уезжаем! Ноги моей больше в этом доме не будет! А вы, Роман Андреевич, вы... вы... Собираемся все!

Юрий Владимирович. Только деньги на билет выбросил! На-до будет, конечно, об этом заявить куда следует. Я, конечно, не стукач, Роман Андреевич, но форму доклада, знаете ли, не забыл.

Отец Сергей. Грешник! Как был грешником, так и остался!

Роман Андреевич *(в растерянности садится на трон, плю-*

хает на колени раскрытый портфель). Ну, послушайте... Ну, не уезжайте... Ну, извините...

Каролина Карловна. Извините?! Мне кажется, я не расслышала. Ну-ка, повторите еще раз! Да вы в своем уме? Вы Лизоньку с Настенькой чуть не задушили!

Отец Сергей. И меня!

Каролина Карловна. И его! (*Слугам.*) Вы вообще отморозки! Как были ими в Москве, так и остались! Я вообще в происходящее поверить не могу! Как такое в голову могло взбрести?

Роман Андреевич (*вскакивает, бросает портфель на трон, подбегает к гостям, хватает за руки, пытается остановить, суетится*). Постарайтесь меня понять... Ведь столько лет... Как между молотом и наковальней... Каждый ведь оттяпать хочет... Вот я и подумал, что вы тоже... Извините, забыл, что в другое место переложил. Ну с кем не бывает... Ну вспылел, погорячился... Ну и лекарства с алкоголем, может быть... тоже... ну, не уезжайте... По-жа-луй-ста...

Глебушка. Ни хрена себе заявочки! Лекарства с алкоголем. Да вы двадцать лет на лекарствах с алкоголем! Поехали отсюда! Придурок шотландский! Коктейлей Молотова на вас нет!

Гости быстро направляются к выходу.

Роман Андреевич. Не уезжайте! Я тут с ума сойду! Я заплачу! Я возьмешу!

Все резко поворачиваются.

Юрий Владимирович (*почесывает подбородок*). Хм... ну это, конечно, можно обсудить.

Кряжистые, бабушка и адвокат возвращаются.

Каролина Карловна. Ваши предложения?

Роман Андреевич. Ну, скажем, я готов возместить. Компен-

сировать, так сказать. В разумных пределах, конечно. *(Возвращается к портфелю, вытаскивает из него чековую книжку, садится за стол, заполняет чек, все склоняются над олигархом.)*

Юрий Владимирович. Еще ноль припишите.

Каролина Карловна. Два!

Отец Сергей. Бог троицу любит.

Роман Андреевич. Троица – перебор.

Глебушка. «Стокгольмский синдром» дорогого стоит. Отслюньте еще нолик, или мы пошли.

Роман Андреевич. Ладно! Уговорили! *(Замирает над чеком.)*
Нет, не могу.

Все. Подписывайте! Ну!

Каролина Карловна. Или мы уезжаем!

Роман Андреевич. А знаете что? Уезжайте! *(Закрывает чековую книжку.)*

Михаил. Ну и пропадай тут один, на.

Борис. Хрен с тобой!

Лизон. Параноик!

Гости уходят. Слышно, как открывается входная дверь.

Роман Андреевич *(кричит вдогонку).* Пойдите! *(Торопливо подписывает чек, вырывает его из чековой книжки.)*

Все быстро возвращаются. Михаил выхватывает чек из рук олигарха.

Михаил. Всё нормально.

Каролина Карловна *(протягивает руку к чеку).* Дай матери.

Михаил *(пытается спрятать чек в карман).* С чего это, на?

Каролина Карловна. Я – мать!

Настенька. Это меня, между прочим, душили!

Отец Сергей. Я тоже пострадал!

Юрий Владимирович. Я права отстаивал!

Лизон. У нас паранойя!

Начинается свалка. Крики: «Убью, суку!», «А-а-а!», «Больно же!», «За руку его держи!», «Я тебе зоб вырву!» Роман Андреевич и слуги бестолково бегают вокруг дерущихся. Из толпы выживается Лизон.

Лизон (*держит в руках клочки бумаги*). Ну вот... Порвали.

Гости в позах «море волнуется раз» замирают на полу.

Отец Сергей. Аки бесы. Запрещать сей праздник пора.

Глебушка. На себя, экзорцист, посмотри. И ты не в России, чтоб запрещать.

Лизон. Ну и чё делать теперь?

Каролина Карловна. Пишите, Роман Андреевич, на каждого отдельный чек.

Роман Андреевич. Не буду.

Михаил. Как это не буду, на?!

Роман Андреевич. А вот так. Не буду. Подпишу только с одним условием. Если придумаете, как мне отсюда уехать. За всё платить надо, в конце концов.

Юрий Владимирович. Так это вы нам должны, а не мы!

Роман Андреевич. Я заплатил. Не виноват, что вы поделить ничего не смогли. (*Садится за стол, ест.*) Чёрт, остыло всё!

Все молча поднимаются с пола и рассаживаются вокруг стола. Пьют, закусывают.

Роман Андреевич (*с набитым ртом*). Я свое обещание выполнил. Думайте. Придумаете — заплачу.

Юрий Владимирович. Роман Андреевич, ну сами посудите, вас же на границе сразу арестуют. Это просто нереальная задача. (*Прикладывает руки к груди.*) Клянусь старым и новым президентом.

Роман Андреевич. А ты сделай так, чтоб не арестовали.

Глебушка. Хотите и на елку влезть, и на фэртоне покататься?

Роман Андреевич (*жует*). Хочу. Думайте. Каждый получит симпатичный бонус. О-о-чень симпатичный.

Глебушка. Ну-ну. Как говорится, будьте реалистом – требуйте невозможного.

Каролина Карловна. Так! Мальчики! Девочки! Думаем! Быстро!

Гости сидят. Думают.

Глебушка. Мозговая атака нужна. Роман Андреевич, может, «звонок другу», если они у вас еще остались, конечно?

Роман Андреевич (*чавкая*). Некому звонить.

Борис. Вообще ничего в голову не приходит, хоть ты тресни.

Настенька. Мам, я на минутку.

Каролина Карловна. Куда?

Настенька. Туда. (*Выходит.*)

Глебушка встает, прохаживается.

Глебушка. Вообще странная ситуация происходит, если подумать. Ехали мы сюда вроде как людьми...

Борис. Это ты к чему?

Глебушка. Да так, вспомнил одну любопытную классификацию. По ней вся нечистая сила делится на три вида. Черти, полубесы и бесы. Так вот, если черти – они черти и есть, то вот полубесы с бесами могут превращаться в кого угодно. Последнее даже в человека. Элита, так сказать. Фиг отличишь.

Михаил. Нарываешься, на?

Глебушка. Констатирую. Только вот в голубя им не дано воплотиться. Чтоб границу пересечь.

Роман Андреевич. Намеками говорите, Глеб Вадимович.

Глебушка. Да какие уж тут намеки.

Борис. Ну и чем же твои бесы друг от друга отличаются?

Глебушка. Уровнем гнусности. Люди вышли – бесы остались.

Каролина Карловна. Глеб, не отвлекайся!

*В этот момент слышится грохот. Все оборачиваются. Через какое-то время в залу, хромая, входит **Настенька**. Потирает ногу.*

Настенька. Ч-ч-ёрт!

Каролина Карловна. Не смешно.

Настенька. Я споткнулась. Там же гроб.

Все переглядываются. Пауза.

Юрий Владимирович. Да ну, бросьте...

Роман Андреевич. А почему нет?

Глебушка. Разве что в качестве бреда.

Роман Андреевич (*слугам*). Ну-ка, принесите мне это корыто!

Каролина Карловна. Роман Андреевич, вы же не хотите, в самом деле...

Лизон. А чё! Прикольная идея!

Слуги вносят гроб. Ставят. Открывают. Роман Андреевич вытирает руки салфеткой с елизаветинским вензелем, берет портфель, подхватывает волынку и усаживается в гроб.

Роман Андреевич. Ну-ка, поднимите меня!

Гости собираются вокруг сидящего в гробу олигарха.

Михаил. Ромыч, протрезвей, на!

Юрий Владимирович (*почесывая затылок*). Впрочем, если сделать дырочки и кое-кого на таможене подмазать. Есть у меня парочка кошерных людей...

Отец Сергий. Святая мысль.

Глебушка. Да вы идиоты, что ли?! Это же уголовщина. Э, адвокат...

Борис. Может, своими авиалиниями попробовать? У нас же и в Эдинбурге, и в Лондоне аэробусы есть.

Роман Андреевич. Отлично! Поднимайте!

Леон. А пудинг?

Роман Андреевич. В следующий раз. Выше! *(Подхватывает губами мундштук волюнки и начинает наигрывать сингл «God Save the Queen» британской панк-группы «Sex Pistols».)*

Слуги, Миша и Борис поднимают гроб и под гуденье олигарха несут его по зале. В этот момент они напоминают «атлантов, держащих небо».

Лизон. А как вы его обратно собираетесь вывезить? Тоже в гробу?

Глебушка. Угу, только в цинковом. Я поверить просто не могу, взрослые же люди. Театр абсурда какой-то. Вы бы еще трон с собой прихватили.

Каролина Карловна. Мальчики! Только не ногами вперед! Примета плохая! И не лихачьте – уроните! *(Стоит около вазы с цветами.)* Беня, цветы свежие?

Бенедикт *(поворачивая голову).* Сегодня нарезал.

Каролина Карловна. Я Светлане Николаевне захвачу. *(Берет букет алых и белых роз.)*

Настенька. Роман Андреевич! Платок! Платок захватите! В самолете может быть холодно! *(Подхватывает оренбургский платок.)*

Борис. Ома маа мансикка, муу маа мустикка! В гостях хорошо, а дома лучше!

«Атланты» разворачивают гроб, делают несколько церемониальных кругов и наконец выходят из залы. За ними следуют остальные.

*Зала пустеет, свет меркнет и высвечивает одиноко стоящую на столе тыкву. Тыква противно улыбается. Внезапно из глубины возвращается задумчивый **Глебушка**, берет ее в руки, стоит какое-то время в нерешительности и вдруг вскидывает «овощ имени Swarovski» вверх.*

Глебушка. Бедный Йорик!

*Неся тыкву на вытянутых руках, **Глебушка**, словно королевский гвардеец, гротескно чеканит шаг и удаляется.*

Из полумрака раздается женский английский голос с сильным шотландским акцентом. Голос объявляет о вылете аэробуса компании «Kriazh Airlines». Рейсом Эдинбург-Москва (Vnikovo). С посадкой в Лондоне. Затем слышится протяжный вой взлетающего самолета.

После чего на сцену один за другим выбегают люди в шотландских юбках. Они выстраиваются в шеренгу и кричат: «Death to the Queen! Independence on dress! Death to the Queen! Independence on dress!» Размахивают синим полотнищем с белым косым крестом и горящими фэйерами¹, играют на волынках неофициальный гимн Шотландии «Scotland the Brave» и маршируют. Музыка нарастает, волынки дудят, барабаны заходятся в дробь, а гимн постепенно переходит в «The Show Must Go On» британской рок-группы «Queen».

Антракт.

¹ *Фэйер (жарг.)* — факел или дымовая шашка.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ ТРЭШ & УГАР

Ключевые слова¹: #«Ватники» и «пиджачники», #Коляда, #Алые и белые розы, #Целостность и самобытность, #Референдум, #€па, #Формат 3D, #Трансильвания.

КАРТИНА ШЕСТАЯ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ КОЛЛАЖ

Подмосковье. Рублевские урочища. Гринвич+3. Где-то в урочищах истерит петух.

Дом, который принадлежал упокоившемуся с миром Вадиму Альбертовичу Кряжистому. Дом, который принадлежит его любовнице Светлане Николаевне и малолетнему байстрючку Сашеньке. Дом, в котором по инерции продолжает обитать семейство Кряжистых.

Гостиная выполнена в шикарном стиле «русский стандарт» – хай-тек с плазмой и ампир с гипсовой лепниной. Бархат и шелк вперемешку с кафелем и стеклопакетами. Жалюзи и шторы с кистями. Дорого, броско, кричаще: белые кожаные кресла, белый кожаный диван, белые кожаные подушки. На полу – шкура медведя. Белая. Кожаная.

На широких подоконниках стоят горшки с комнатными георгинами, хризантемами, бегониями и розами. Преобладают алые и белые цвета. На второй этаж тянется лестница с перилами, заканчивающаяся внутренним балконом, на котором, как и на подоконниках, также стоят кадки с цветами. Из-под лест-

¹ Ключевые слова (русс.) – теги.

ницы выглядывает какая-то скособоченная деревяшка с облупившимся золоченым венком и блеклой надписью на горизонтальной перекладине «Некрополь Москвы».

На стенах висят полотна, выполненные в жанре гиперреализма. Светлана Николаевна с иконописным лицом. В руках у современной мадонны пухлый младенец с малиновыми щечками и перетяжками на конечностях. На темени чада – триколорный чепец, во рту – соска, на которой, если приглядеться, изображены два криволапых орла-сиамца с развернутыми в разные стороны клювами. Один пернатый держит в когтистой лапе микроскопическую державу, у другого в скрученных подагрой фалангах – лилипутский скипетр с крошечным набалдашником. Далее следуют холсты-откровения: Михаил в гусарской форме при эполетах с «левым» аксельбантом, Глебушка в мундире поручика с погонами, и один групповой ретро-портрет. Каролина Карловна в мощном крепдешиновом платье в пол, сидящая на кресле-троне: ее морщинистую шею и плечи в пигментных пятнах скрывает легкая воздушная шаль; с груди свисает богатый кулон, инкрустированный изумрудами, внутри которого щекоотится прах почившего в бозе мужа; на руках маман – перчатки с открытыми пальцами, на пальцах – бриллиантовые кольца¹; в правой руке Каролина Карловна Кряжистая на излете держит павлиний веер, в левой – белоснежный носовой платок с вензелем ККК, навевающим странную ассоциацию с Ку-клукс-кланом. Около трона теснятся Борис в замшевых штиблетах и бархатном костюмчике, отчего он напоминает инфанта, и Настенька с Лизон в лаковых туфельках с «бабочками» и бальных платьях – в розовом и в розовом. Над всеми парят легкие нимбы. На заднем плане картины виднеется лакированный столик на высокой ножке. На столике величаво возвышается урна с остатками Вадима Альбертовича внутри и гравировкой «R.I.P.»² снаружи.

¹ История бриллиантовых колец описана в пьесе «Салон ритуальных услуг». (Прим. авт.)

Светлана Николаевна, облаченная в деловой брючный костюм, в задумчивости ходит около высокого, в человеческий рост, зеркала на колесиках. Рядом с ней стоят **Каролина Карловна**, **Настенька** и **Лизон** с сумками из *duty free*.

Светлана Николаевна. А разве Роман Андреевич не в Шотландии? Об этом же вся Москва знает. Даже адрес где-то в печати мелькал... Ничего не понимаю, а что с зеркалом?

Каролина Карловна. В том-то и дело, что нет. Здесь он, в Москве. Сейчас его ребята привезут. Мы с девочками на такси поехали, а они еще разгружают. Это, кстати, вам, Светлана Николаевна. *(Заискивающе протягивает букет из роз.)* Я вам на обратном пути еще и семян купила, как вы просили. Тут «Махровые Ланкастерские» и «Йоркский гибрид»³. *(Вытаскивает два полотняных мешочка с вышитыми на них кровавыми и бледными цветами.)*

Светлана Николаевна. Что разгружают? *(Ставит букет в вазу, расправляет цветы.)* Алые подвяли, а вот белые хорошо выглядят. Давайте сюда семена. *(Принимает в дар мешочки.)*

Настенька. Романа Андреевича.

Лизон *(посасывая Чира Чипс)*. В гробу.

Светлана Николаевна. Так он умер, что ли?

Каролина Карловна. Живее всех живых, Светлана Николаевна.

Настенька. Просто он так просил, так просил.

Светлана Николаевна. Подождите, я что-то вообще ничего не понимаю. Он же в розыске.

² *R.I.P.* (англ.) – «Rest In Peace» / «Покойся с миром».

³ *Ланкастеры* и *Йорки* – две ветви династии Плантагенетов, развязавших серию вооруженных конфликтов между группировками английской знати в 1455–1485 гг. («*Война Алой и Белой розы*»). Символом дома Ланкастеров являлась алая дамасская роза, эмблемой Йорков была белая роза.

Лизон. Правильно. Вот мы его и вывезли.

Светлана Николаевна. Зачем?

Настенька. Москву посмотреть. Он соскучился.

Светлана Николаевна. Что значит «соскучился»? Послушайте, да что с зеркалом за ерунда творится?

Каролина Карловна. Ну. Ностальгия у него. А что не так? *(Подходит к зеркалу.)* Да, странно.

Светлана Николаевна. С ума сойти. И что, его сейчас сюда привезут?

Каролина Карловна. Ну а куда же еще? Друг семьи всё-таки.

Светлана Николаевна. Каролина Карловна, вы в Шотландии что, со своим Боренькой наркотики пробовали?

Каролина Карловна. Бореньку не трогайте. Он давно не нюхает.

Настенька. Я вам сейчас всё объясню, Светлана Николаевна. *(Подходит ближе к зеркалу.)* Может, брак какой?

Светлана Николаевна. Не надо мне ничего объяснять! Я не для того вас в доме держу, чтобы объяснения ваши глупые выслушивать. Сами подумайте, что вы говорите. Олигарх-беженец приезжает в Москву. Как вы сказали? В гробу. И останавливается у меня. Депутата и бизнесмена.

Лизон. Вумен. Чё там такое? *(Тоже подходит к зеркалу.)* Клёво!

Светлана Николаевна. Именно! Бизнесвумен! Это же подсудное дело.

Настенька. Так он же инкогнито. *(Обходит зеркало.)* Надо же, тут то же самое.

Лизон. Он погостить только. Туда и обратно. Тем более с нами Юрий Владимирович. А он типа адвокат.

Светлана Николаевна. На погосте он погостит! Вы что, не понимаете? Он же особо опасен. Такого в страну пусти – сразу дефолт начнется... Ну-ка, дыхните все. *(Подходит к каждой, принюхивается.)* Ну конечно, от вас же запах.

Настенька. Мы чуть-чуть только. На Хэллоуин.

Светлана Николаевна. Дома надо сидеть! Коляда праздню-

вать, Масленицу, Пасху!

Настенька. До Пасхи еще далеко.

Светлана Николаевна. Зато до Коляды близко! Каролина Карловна, я вас зачем в Шотландию послала?

Каролина Карловна. Отдохнуть. Проведать. Ну и на распродажу. По магазинам.

Светлана Николаевна. А вы что привезли?

Лизон. Prad'y, Светлана Николаевна! Louis Vuitton. *(Помахивает сумочками.)* А это вообще эксклюзив, ручная работа! *(Протягивает замшевую сумочку, на которой золотым шнуром красуется «Voïna i Mir».)* Слушайте, вы когда это зеркало купили? Может, позвонить? Поменяют. Оно же бракованное.

Светлана Николаевна. И гроб, Лиза! Гроб вы привезли! Как вы додуматься вообще до такого могли? А если бы вас на таможне задержали? *(Берет iPhone, набирает номер.)*

Лизон. Да не, нормально всё. Миша с Юрием Владимировичем всё порешали.

Светлана Николаевна. Что значит «порешали», Лизонька?

Лизон. В смысле, всё ОК.

Светлана Николаевна. То есть, я правильно понимаю, вы не British Airways летели? *(Делает властное движение рукой, чтобы все замолчали, говорит в смартфон.)* Здравствуйте, я у вас зеркало заказывала. Да... Рублевское шоссе... Да... Румынское... Фирмы «Цепеш»... Да... Доставили нормально. Поменять можно? Да, акт приема-передачи подписывала... Да, по акту моральных и материальных претензий не имею... Да... Поменять можно?.. Как это «почему»? Оно бракованное оказалось. Что значит «шучу»?.. Послушайте, девушка, не хамите. При чем здесь «из Трансильвании поставки временно не производятся»?.. Что значит «пока у нас праздники с референдумом не пройдут»?.. Я нормально с вами разговариваю. Какие «превентивные санкции»?.. Сами вы «пьяная»! Трубку бросили...

Снова звонит. Из телефона раздается мелодичное: «Ваш звонок очень важен для нас. В настоящее время все операторы заня-

ты. Пожалуйста, оставайтесь на линии. Обращаем Ваше внимание, что в целях повышения качества обслуживания разговор с оператором может быть записан. Время ожидания десять минут». Светлана Николаевна сбрасывает номер. Пауза. Задумчиво смотрит на Кряжистых.

Светлана Николаевна. Так что, вы его Аэрофлотом вывезли?

Лизон. Ну нет конечно, мы что, сумасшедшие? Разбиться же все могли. Нашими семейными авиалиниями.

Светлана Николаевна (*впадает в ступор*). Какими «нашими»?

Настенька. Лиза хотела сказать «вашиими».

Светлана Николаевна. Это безумие какое-то! На моей авиалинии, олигарха-беженца, в гробу, в мой дом!

Лизон. А мы никому не скажем. Посмотрите, какие сумочки клёвые. Правда, лакшери?¹

Светлана Николаевна. Идиотка! Сумочки у нее! Эксклюзив! Лакшери!

Каролина Карловна. Между прочим, Светлана Николаевна, это когда-то и наш дом был, пока он по наследству вашему сыну не перешел, так что вот...

Светлана Николаевна. Что «вот»?! Что «вот»?! Он Сашеньке по завещанию перешел. А остальное – это всё крохи, из которых я империю создала. Или вы хотите сказать, что авиалиния и похоронный бизнес – это папа ваш всё создал?

Каролина Карловна (*закипая*). Создали вы, но мы вам тоже, между прочим, помогли.

Светлана Николаевна. Допомогались, что сейчас всё в один день рухнуть может! Это же уголовное дело! Вы что, дуры, простых вещей не понимаете?!

Каролина Карловна (*сквозь зубы*). Лизочка же вам сказала. С нами Юрий Владимирович был. Он всё решил.

¹ *Лакшери* (англ. luxury) – предмет роскоши.

Светлана Николаевна. Не повторяйтесь. Где Юрий Владимирович не появляется, там везде проблемы. Прохиндей еще тот! Ни одного моего суда толком не выиграл. Всё только через взятки.

Лизон (*облизывая Чипа Чипс*). То есть всё-таки выиграл?

Светлана Николаевна. Купил, а не выиграл!

Лизон. Ой да ладно. Он прикольный чел. По правилам просто играет. Если бы не он, так неизвестно вообще, были бы вы тут...

Светлана Николаевна. Ты, Лиза, вообще помолчала бы! На моей шее, между прочим, сидишь!

Настенька. Не ссорьтесь! Ну пожалуйста. Каждый день одно и то же. Кто кому должен, кто кому не так завещал... Ну уж как есть. Пожалуйста, хватит!

Каролина Карловна (*взрываясь*). А что это ты на ее стороне, Настька?! Она тебе что, мать? Сестра? Она, между прочим, нас лишила всего! Или ты забыла, как всё было?! Этот кобель обрюхатил ее, а нас по миру чуть не пустил! (*Показывает пальцем на лаковый столик с урной, нарисованный на групповом портрете.*)

Настенька. А она, между прочим, нас не выгнала. А могла! Ты бы спасибо лучше Светлане Николаевне сказала!

Каролина Карловна. Да если бы не мои связи, она бы в жизни такой бизнес не выстроила!

Светлана Николаевна. А ничего, что я тут нахожусь? А, Каролина Карловна?

Каролина Карловна. Ничего хорошего. Вон, даже в зеркале не отражается!

Светлана Николаевна. Вы тоже, между прочим, не отражаетесь! Можно мне сказать, наконец?

Каролина Карловна. Можно и помолчать! Потому что деньги — деньгами, а связи — связями, если уж на то пошло!

Светлана Николаевна. Да вы бы поблагодарили, что я беременела от вашего мужа. Вы что, Каролина Карловна, забыли, что он вообще вас всех наследства лишил? Только благодаря Са-

шеньке обязательная доля в наследстве осталась.

Каролина Карловна. И где этот Сашенька? Где? Я его неделями не вижу.

Светлана Николаевна. В круглосуточной группе он! Вы сами настояли! Мол, времени на ребенка нет при занятии бизнесом. Я, между прочим, скучаю по нему!

Каролина Карловна. Скучает она! Кто ему мать, в конце концов?!

Светлана Николаевна (*в негодовании*). Я... Я... Да скажите спасибо, что я вас вообще всех вон не выставила!

Каролина Карловна. Может, мне в ноги еще поклониться?

Светлана Николаевна. А может, и не мешало бы!

Лизон. А может, заткнетесь вы когда-нибудь?! У меня уже уши в трубочки свернулись!

Каролина Карловна. А может, ты не будешь встревать, когда старшие разговаривают?

Лизон. Бли-и-ин! Как же вы мне надоели все! Поскорей бы гроб уже привезли. Идиотизм какой-то. С вами же жить невозможно. Всё срётесь и срётесь. То из-за наследства, то из-за акций.

Каролина Карловна. Язык, оторва, придержи. Хорошо, что у нас хоть акции есть, так бы она нас точно отсюда выжила.

Светлана Николаевна. Вот и дура я тогда, что согласилась с вами поделиться. Думала, как с близкими.

Каролина Карловна. Это не ты дура, это я – умная. (*В сторону.*) Вот Романа Андреевича привезут, я у него обязательно номер специалиста возьму. Он тебе вплетет ленты куда следует...

Настенька. Кстати, Светлана Николаевна, если уж разговор зашел... по поводу акций... а что с кредитом? У нас же все сроки вышли.

Светлана Николаевна. Не переживай, всё нормально будет. А с банком я разберусь.

Настенька. Просто не хотелось бы всех акций лишиться. У нас же больше нет ничего.

Светлана Николаевна. Сказала же – не переживай. Партию

продадим и погасим.

Каролина Карловна. Какую еще «партию»? Вы свою партию продавать собрались? Или я чего-то не знаю?

Светлана Николаевна. Я разве сказала «партию»? Оговорилась. Это всё референдум дурацкий. Слишком много политики во всем стало... И петух этот соседский постоянно орет. Надоел, сил нет. Голова из-за него кругом... Вы, кстати, как голосовать будете? За целостность или самобытность?

Каролина Карловна. Светлана Николаевна, вы не уводите разговор в сторону. До референдума еще два месяца. Что это за «партия», которую вы собрались продавать?..

В этот момент из коридора слышатся голоса, раздающиеся из коридора, и разговор резко прерывается.

Глебушка. Да говорю, не тот это.

Борис. Тот.

Бенедикт. Не, Глеб Вадимыч дело говорит. Не тот.

Юрий Владимирович. Да тот, тот.

Глебушка. Да не тот.

Отец Сергей. Когда веры нет, всё не тем кажется. А придет вера — всё тем становится, что и есть на деле.

Глебушка. Я когда тебя, Сергунь, слышу, мне кажется, что хляби небесные у меня прямо в мозгу разверзаются. В сотый раз вам повторяю. Не тот.

Леон. А по мне тот.

Михаил. Ща проверим, на!

Вносят гроб, ставят посреди гостиной.

Отец Сергей. Славьтесь во Христе, Светлана Николаевна!

Светлана Николаевна (*растягивая*). Здравствуйте, Сери-и-ожа.

Отец Сергей. Будто вы и не рады нам. А мы ведь с гостинцем к вам.

Светлана Николаевна. Я вижу. Табакерку с чёртиком привезли? Вы в своем уме?

Юрий Владимирович. А, так вы уже в курсе. Добрый день, Светлана Николаевна. Хэллоуин же. Вот мы и подумали...

Светлана Николаевна. Чем вы подумали? Чем?

Леон. Мозгом. Good evening, Светлана Николаевна.

Светлана Николаевна. Говори по-русски. Ты в России. *(Леону и Бенедикту.)* Зачем приехали? Я вас приглашала? Ваше дело в Шотландии сидеть.

Бенедикт. Так мы ж охрана. Hello, собственно.

Светлана Николаевна. Я сказала – по-русски! Может, всё-таки откроете табакерку?

Склоняются над гробом.

Глебушка. Чё-то у меня большие сомнения. Разве что, если он только похудел в дороге.

Открывают домовину, все в замешательстве смотрят внутрь.

Отец Сергий. Чертовщина! Прости Господи. *(Крестится.)*

Михаил. Хера себе, на!

Глебушка *(радостно).* Ну вот! Я же говорил. Не тот это!

Борис. А где тогда тот?

Юрий Владимирович. Ничего не понимаю.

Лизон. Улётный Хэллоуин вышел!

Настенька. А что внутри?

Лизон. Вроде рулоны какие-то.

Глебушка. Да ну, вряд ли Роман Андреевич за время полета в обои превратился.

Каролина Карловна. Помолчи, Глеб. Это не рулоны – это картины. Причем ценные.

Светлана Николаевна. А чёртик куда пропал?

Ей никто не отвечает. Все вытаскивают рулоны. Слуги присвистывают.

Каролина Карловна. Тут на миллионы. Бог ты мой, какие полотна!

Лизон (*досасывая Chupa Chups*). Я фигею!

Отец Сергей. Дары волхвов.

Глебушка. По-моему, ты, Сергунь, первый раз в тему сказал. Бень, набери-ка своему Монте-Кристо на трубу. Мы, по-моему, гробы перепутали.

Настенька. Да! Надо Роману Андреевичу позвонить!

Бенедикт (*набирает номер на мобильнике, ходит взад-вперед*). Это кто? (*Длинная пауза.*) Ты... это... как тебя... Короче, не вернешь... Что?! Ты, баклан, чё, не понял, с кем базаришь? Да я тебя урою, тварь!.. Сука, трубку бросил. (*Набирает снова. В растерянности опускает руку.*) Вне зоны...

Глебушка. Он всегда вне зоны.

Каролина Карловна. Что там случилось, Бень? Ты с кем разговаривал?

Бенедикт (*плюхается в кресло*). Короче, походу, засада у нас большая. Влип олигарх.

Юрий Владимирович. Можно поподробней, Бенедикт?

Бенедикт. Чё тут «поподробней»? В заложники его, кажись, взяли. Сказали, не вернем картины, по кускам его присылать будут.

Отец Сергей. Святые угодники!

Каролина Карловна. Юрий Владимирович, срочно звоните в полицию!

Юрий Владимирович. Ни в коем случае.

Лизон. Почему это?

Глебушка. А что, так не понятно? Мы же его вывезли. А он в розыске. Чистая уголовка. Сколько нам, Юрасик, по твоим кодексам светит?

Юрий Владимирович. Глеб Вадимович прав, нельзя в полицию.

Настенька. Так, а что делать? Его же убьют.

Михаил. Ну и пусть.

Настенька. Что значит «ну и пусть»?

Михаил. А то и значит, на!

Борис. Миша правильно говорит. Это его проблемы. После того, что он с нами в Шотландии натворил, туда ему и дорога.

Светлана Николаевна. Не поняла. А что там было?

Глебушка. Трэш энд Угар там был. Роман Андреевич скучал по нам очень. Отелло наш доморощенный. Мне вообще показалось, что он за время пребывания в Шотландии сильно деградировал. Видимо, медикаментозное лечение плоды дало.

Настенька. Он нас чуть не придушил от любви. Вот с ними.
(Показывает пальцем на слуг.)

Леон. Мы на работе. У нас приказ был.

Глебушка. Ага, не так страшен чёрт, как его малютки. Лизоньке надо было не Swagovski Роману Андреевичу везти, а веревку с мылом. И вам заодно. В подарок.

Отец Сергей. Согласный я. Очень грешные люди. Ничего святого.

Бenedикт. Это ты про кого сейчас сказал? *(Отец Сергей молчит.)*

Настенька. Ну и что нам сейчас делать?

Борис. Надо срочно картины прятать.

Каролина Карловна. Хорошая мысль, Боренька. А через час посмотрим, что будет. Может, они блефуют.

Глебушка *(ходит взад-вперед).* Угу, блефуют. Карловна, подумай, что ты говоришь. Олигарх в заложники попал, его же на куски порвут.

Лизон *(кивает на картины).* А большие бабки?

Каролина Карловна. Миллионы, Лизонька. Десятки миллионов.

Глебушка. Вы слышали, что я сказал? *(Внезапно останавливается у зеркала. Удивленно.)* А что с зеркалом?

Светлана Николаевна. Ничего. Брак.

Юрий Владимирович *(будто пробует на вкус слова).* Милли-

о-ны, мил-ли-о-ны... *(Пауза.)* А Роман Андреевич и правда не очень красиво себя вел. Негостеприимно. Так что можно рискнуть.

Глебушка. Знакомый подход. Что нам душа человеческая? Пшик. 21 грамм всего. Рулоны главное! Рулоны! Вот где реальный вес! Это же вообще уже за гранью добра и зла. Роман Андреевич тот еще, конечно, олигарх на выпасе, но и вы больные на всю голову. Какая вам разница, убьют его, порежут, на мозаику разберут – плевать! Главное свое отхватить! Сергунь, что там в православном талмуде по этому поводу?

Отец Сергей. Око за око. Роман Андреевич не по-христиански себя вел.

Борис. Хорош, Глебушка, рассусоливать! Надо картины прятать! На втором этаже хороший тайник был. В нем папа компромат всякий прятал.

Светлана Николаевна. Только не туда!

Борис *(алчно)*. Туда-туда... Внутри подвесного потолка замечательное место. Целое кладбище влезет, не то что гроб. *(В оханку хватает часть картин, бежит вверх по лестнице.)*

Светлана Николаевна *(устремляется за ним)*. Нет! Нельзя! Борис, вернись!

Настенька. А как же Роман Андреевич?

Борис *(сверху)*. Плевать! Пусть подышает! От чёрт!

Раздается грохот. Со второго этажа слышится перепалка.

Борис. Что вы тут понаставили, Светлана Николаевна?

Светлана Николаевна. Не твое дело!

Борис. Как это не мое? Зачем вам гробов столько?

Светлана Николаевна. Не смей открывать!

Борис. Ну, наверное... Вот те на! Ма! Мама! Идите все сюда!

Светлана Николаевна. Леонид! Бенедикт!

Леон *(вытаскивает пистолет)*. Спускайся давай!

Каролина Карловна. Что тут происходит вообще?

Борис. Мама, тут иконы! Яйца! Фаберже!

Леон. Живо, я сказал.

Борис спускается с иконой в руках, но, увидев Леона с пистолетом, застывает посреди лестницы. За Борисом на подкошенных ногах идет **Светлана Николаевна**.

Глебушка. О, Боренька Исусика понес! Сергунь, тебе, наверное.

Отец Сергей (*жестко*). Борис! Положи на место! (*Рявкает.*) На место, я сказал!

Борис от неожиданности роняет икону. Та с грохотом падает по ступеням вниз.

Лизон. А чё творится? Я не воткнула. Лёнчик, убери пукалку, убьешь еще кого-нибудь.

Леон нехотя прячет пистолет. Борис и Светлана Николаевна спускаются к остальным. Настенька поднимает икону.

Каролина Карловна (*Леону*). Откуда у тебя пистолет? Как ты его провез вообще?

Леон. Никак. Мне Миша дал. Сказал, из шотландской партии остатки.

Глебушка. Это, конечно, не наше дело, но мы ждем пояснений. Желательно юридических. Правда, Карловна?

Каролина Карловна. Юрий Владимирович, вы в этом замешаны? Признавайтесь! (*Поворачивается к адвокату.*) Рассказывайте. Ну!

Юрий Владимирович (*мямлит*). Не имею права, Каролина Карловна. Светлана Николаевна мой доверитель. Только с ее согласия.

Каролина Карловна. Светлана Николаевна?

Светлана Николаевна (*безнадежно машет рукой*). Рассказывайте, Юрий Владимирович.

Юрий Владимирович. Вы уверены?

Светлана Николаевна. Выхода нет. Не убивать же их, в самом деле.

Глебушка. Зачем всех? Через одного давайте. Мы рассчитаемся.

Каролина Карловна. Хватит! Хватит уже, Глеб! Говорите!

Юрий Владимирович. Значит, вот какое дело. Тут всё очень непросто и запутанно...

В этот момент раздается звонок в дверь.

Светлана Николаевна. Не открывайте! Нас нет дома!

Глебушка. Это полиция, за барахлишком пришла.

Светлана Николаевна. Вот и я об этом.

Глебушка. А поскольку это полиция, то она слепа и света в окнах не видит.

Каролина Карловна. Миша, иди открой дверь!

Михаил идет открывать дверь. Возвращается. В руках у него небольшая коробка, перевязанная алой лентой. Михаил ставит ее на стол.

Светлана Николаевна. Кто там?

Михаил. Никого. Только вот это, на.

Глебушка. Ну-с, что у нас в этом гробике припасено?

Михаил (*развязывает ленту и открывает коробку*). Твою мать, на!

Все заглядывают в коробку и тотчас отшатываются.

Настенька (*с иконой в дрожащих руках*). Это его, да? Его?

Глебушка (*смотрит в коробку*). Перстень на пальце его вроде. А я предупреждал.

Отец Сергей. Дары данайцев.

Глебушка. И снова в тему.

Каролина Карловна. Боря! Звони!

Борис. Кому? Куда?

Каролина Карловна. В полицию!

Юрий Владимирович. Нельзя уже в полицию.

Настенька. Бенечка, позвони, пожалуйста, еще раз Роману Андреевичу.

Бенедикт набирает номер.

Бенедикт. Отключен.

Глебушка. Еще бы он сейчас не в отключке был.

Светлана Николаевна. Что же теперь будет?

Каролина Карловна. Юрий Владимирович...

Юрий Владимирович (*вытирает пот со лба*). Ситуация неординарная... Сложная очень...

Глебушка. Как это точно подмечено.

Каролина Карловна. Заткнись! Заткнись, я сказала, Глеб! За-а-аткни-и-ись!

Глебушка. Да тут затыкайся, не затыкайся. Это же Хэллоуин, только русский. Ты не поняла еще, Карловна?

Каролина Карловна. Всё я давно без тебя поняла! Я одного не могу понять, при чем здесь иконы?

Глебушка. А Русский Хэллоуин без икон не празднуют.

Отец Сергей. Окстись, кощунник!

Лизон. Правда, Глеб, заманал уже... Ну, Юрий Владимирович...

Юрий Владимирович. Ситуация вот такая.

Глебушка. Сложная и неординарная.

Юрий Владимирович. Я, пожалуй, Каролина Карловна, с похорон вашего мужа начну.

Каролина Карловна. Это еще зачем?

Юрий Владимирович. Так понятней будет... Тут вот как вышло. После того, как Вадим Альбертович вас всех наследства лишил, а обязательная доля перешла его незаконнорожденному сыну, то есть в некотором роде сыну любовницы Вадима Аль-

бертовича... то есть как бы Светлане Николаевне...

Каролина Карловна. Ой, я вас умоляю, хватит копаться в этом грязном белье.

Юрий Владимирович. Понимаете, Каролина Карловна, если не покопаться, то можно как бы и не накопать...

Глебушка. Здравая, новая, мудрая мысль.

Светлана Николаевна. Копайте уже. Только неглубоко.

Юрий Владимирович. Тут глубоко надо, потому что, если не глубоко, то тогда никто ничего не поймет. А если никто ничего не поймет, то получится, что мы белье как бы приподняли, но не копнули...

Глебушка. Ты, Юрасик, извини, конечно, но ты... как бы это сказать повежливее... ротожоп.

Юрий Владимирович. Простите, я очень нервничаю. Можно убрать эту коробку?

Каролина Карловна. Беня...

Бенедикт. Куда?

Каролина Карловна. Я не знаю куда. Куда угодно. Выброси! Кольцо только сними. И мне принеси!

Бенедикт (*брезгливо*). Голыми руками?

Каролина Карловна. На вот, платок возьми. (*Протягивает Бенедикту платок с вензелем ККК*)

Бенедикт уносит коробку. Быстро возвращается. Брезгливо возвращает Каролине Карловне платок, в котором лежит кольцо.

Глебушка. Копай дальше, Юрасик.

Юрий Владимирович. Так вот... Значит, после того, как умер Вадим Альбертович...

Каролина Карловна (*примеряя кольцо*). Вы повторяетесь!

Юрий Владимирович. Словом, а бизнес-то вести надо... продолжать дело покойного... а он картины, если помните, собирал. Дорогие... а дела Вадима Альбертовича, как известно, я вел... ну и связи у меня кое-какие остались... А ведь как картины в нашей стране коллекционируются?... ну, не мне вам объяснять... ввозим-

вывозим... там иконы наши хорошо идут... Отец Сергей, конечно, очень в бартере помогал... а тут авиалинии... похоронное бюро... и, короче, мы, то есть Светлана Николаевна, Миша... не сразу, конечно, в гробах... но как-то попробовали, получилось, один раз, второй... и хоть бы что... ну и пошел новый бизнес... Лёня с Беней за импорт отвечали... Там, если краденое, или... ну, вы поняли... То сюда тогда, с Запада... Ну а я юридическим сопровождением, естественно, занимался. Вообще, очень хороший бизнес оказался... Не хуже авиалиний... Я же и в этот раз ездил, чтобы всё проконтролировать...

Каролина Карловна. А мы почему ничего не знали?

Юрий Владимирович. Ну как бы вам объяснить... ну не знали вы... если, положила руку на сердце, то Боря с Глебушкой зависимые немножко — наркотики, алкоголь, с ними особо наваристой каши не сваришь... Лизонька с Настенькой — девушки наивные, ну а у вас очень напряженные отношения со Светланой Николаевной... вот как-то так...

Каролина Карловна. А Роман Андреевич?

Отец Сергей. В неведении он. Эмигрант — веры нет. И вообще — грешник. Столько народу ограбил... *(Подходит к зеркалу)*
А что с зеркалом?

Глебушка. Ты тоже, экзорцист, не отражаешься?..

Звонок в дверь.

Михаил. Я! На!

Быстро выбегает. На трясущихся руках вносит новую коробку с роскошным белым бантом.

Михаил. Не успел. Такси какое-то отъехало. А номер в грязи, на.

Глебушка *(в горькой усмешке)*. Вам посылка. Ухо Ван Гога.

Михаил пытается распутать бант, но только сильнее затя-

гивает узел.

Борис. Дай я! (*Помогает брату, вскрывает коробку.*) И правда...

Все. Что «правда»?

Борис (*чуть слышно*). Оно...

Глебушка. Такими темпами мы ни до Коляды, ни до референдума не доживем.

Икона вываливается из ослабевших рук Настеньки, и девица теряет сознание. Лизон пытается привести сестру в чувство. Все начинают безумно носиться по гостиной и дико орать.

За окнами в истошном вопле заходится неврастеник-петух.

Затемнение. Резко падает занавес.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ ОТТЕНКИ ГИПЕРРЕАЛИЗМА

Подмосковный пополуденный день. Пришел черед языческих колядок, православных святок и светского референдума. За окнами усадьбы слышится щебет снегирей и прочей пернатой живности.

Петух молчит.

*За столом – стоящим в противоположной стороне от ведущей на второй этаж лестницы – сидят **Михаил, Борис и Глебушка**. Посреди стола возвышаются самовар и «Вежливая» бутылка водки с черной этикеткой-шевроном, на которой изображены страж при полной амуниции и кот Мурр. На тарелках раскидана снедь.*

Михаил наряжен в гусарскую форму, Глебушка – в мундире поручика, Борис – в бархатном штатском. Грудь Михаила увешана медалями, крестами и какими-то значками неизвестных ведомств. Сбоку свисает сабля в ножнах, на хромовых сапогах искрятся декоративные шпоры. В свою очередь, грудь Глебушки украшена бантом, выполненным в черно-оранжевой гамме «Рус-

ского Хэллоуина»; корпус перетянут портупеей с кобурой из кожзама. Из кобуры выглядывает травматический «Наганыч». Борис локтем упирается в лежащий на столе самоучитель «Финский для отъезжающих», из которого в качестве закладки торчит лента молочного цвета. Грудь Бориса бархатна и невинна.

Около каждого брата небрежно брошены бумажные бутоны роз. Около Михаила и Глебушки – алые, около Бориса – белая.

Глебушка встает и включает музыкальный центр. Птичий заоконный гам заглушается хитом культовой советской и российской рок-группы «Агата Кристи» – «Сказочная тайга»:

Когда я на почте служил ямщиком,
Ко мне постучался косматый геолог.
И, глядя на карту на белой стене,
Он усмехнулся мне...

Борис. Ты, Глебушка, «ватник»!

Глебушка. Сам ты «ватник»! Чтобы я за ваш гребаный сепаратизм голосовал – такого не будет! Такой референдум только на Коляду возможен. Это бред, полный бред!

Борис. Ты не понимаешь, времена империи закончились. Пора по-новому на вещи смотреть. Разве плохо, если мы как финны начнем жить? Ты же был в Европе. А у нас что? Сделай потише, разговаривать невозможно!

Глебушка (*встает, делает чуть тише, возвращается за стол, поправляет на груди черно-оранжевый бант*). У нас Родина – придурок. Пиджачная твоя душонка.

Михаил. Глебочка дело говорит. Ты, Борька, провокатор. Пятая колонна! Только на-но.

Борис. Глебушка, это не Родина! Родина там, где сытно!

Глебушка. С каких это пор тебе здесь не сытно стало?

Борис. С тех самых! Когда по Европе ездить начал. Когда первый пиджак от Лагерфельда купил.

Глебушка. Чем же тебя наши портные не устраивают?

Борис. Тем, что они не кутюрье!

Михаил. Чё, Боряйла, за пиджак Родину готов продать?

Борис. Какую Родину? Это не Родина. Это – телогрейка! Мисся хювя олла, сиелля Исянмаа! Где хорошо, там и Родина!

Михаил. Хрена мы, Глебочка, такую падлу в доме держим? *(Хватается за эфес сабли.)*

Глебушка. Иудушка. Чем чмошней и ничтожней человек, тем он более либерал.

Борис. А вы – «ватники»! Посмотрите, как остальные страны живут! Жратва, шмотки, пентхаусы! Вот где верхи могут, а низы хотят!

Глебушка. Ну, не тебе печалиться. Поди побираться еще не начал. Вон какой брендовый марафет на ноздрях.

Борис. Ты мои ноздри не трогай!.. Забыл, как тут вмиг раскулачивают?!

Глебушка. А при сепаратизме твоём, что, не раскулачат, думаешь?

Борис. При сепаратизме свобода будет! Интеграция! Инвестиции! И не сепаратизм, а суверенность и самобытность. Не подменяй термины. Сепаратизм сепаратизму – рознь!

Глебушка. Именно! Вот тут я с тобой абсолютно согласен. *(Подпевает.)*

Черные сказки про розовый снег,
Розовый снег даже во сне...

Борис. Не юродствуй! Знаешь, как все заживут?

Михаил. Как, на? *(Ходит саблей в ножнах.)*

Борис. Свободно! Калининград сразу к немцам примкнет, финны заливу помогут, китайцы Сибирь наконец освоят. У нас много земель. Отойдут другим – не жалко! Хватит уже этого царизма, этой архаики! Сколько можно!

Михаил. Глебочка, может его сразу вальнуть, на? *(Кивает на кобуру брата.)*

Борис. Всю Ро\$ф\$ию не вальнешь! Ты же сам, Миша, шотландцев поддерживал! И хватит меня бутафорией всякой пугать!

Михаил. Я не поддерживал. Я оружие поставлял. Это не одно

и то же. *(Вытаскивает саблю из ножен, кладет рядом с собой на стол.)*

Борис. Нет, одно! Убери ее отсюда. Раздражает!

Михаил. Пусть полежит... Не одно. Оружие – бизнес, целостность – политика!

Борис. Политика и бизнес – то же самое!

Михаил. Ты меня вконец запутал! Шотландцы – чужие, русские – свои! *(Вскидывает саблю.)*

Борис *(вскакивает с места)*. Это пластмасса!

Михаил. Заодно и проверим, на!

Глебушка *(спокойно)*. Миш, угомонись, хватит тут Каина изображать. Да сядь ты, наконец. Размахался, в самом деле. *(Михаил неохотно садится, с шумом вставляет саблю в ножны – раздается глухой звук; Глебушка продолжает.)* Я вот смотрю на тебя, Борайла, и думаю. Ты ведь всегда придурком был. Но вот когда ты успел окончательно в идиота превратиться – этот момент я упустил. Ты разве не понимаешь, что стоит регионам отсоединиться, нас сожрут сразу?

Борис. Не сожрут, если это в Конституциях закрепить!

Глебушка. В каких Конституциях, «пиджачник» ты штопаный?

Борис. Автономий. Суверенных государств! Вот сейчас референдум пройдет, сами увидите. Народ устал от этой тирании, нищеты! Пора уже самоопределяться!

Михаил. С узкоглазыми?

Борис. Зачем с ними? Если поближе к Финскому заливу махануть, мы сразу в €пе окажемся! Сразу!

Михаил. Шило на мыло. Узкоглазых на чухонцев менять?

Борис. Вы не толерантны оба! Не вежливы!

Глебушка. Ты зато на своем коксе очень толерантным стал! И вообще, ты в курсе, что самая уродливая форма лицемерия – это как раз вежливость?

Борис. А чтобы выжить, Глебушка, нужно лицемерить!.. И вы меня не слушаете совсем! У них прекрасный язык, между прочим! *(Подхватывает самоучитель.)* А если что, так и Курилы по-человечески заживут! Хоть и с узкоглазыми. Про залив вообще

молчу!.. Ничего. Вот посмотрим на результаты референдума. У нас народ не дурак, за ничету голосовать не будет. Послушайте, как красиво. *(Выключает музыкальный центр, вытаскивает из самоучителя бумажку с крупными каракулями. Старается декламовать по памяти, но постоянно заглядывает в текст.)*

Оллако вай эй олла, сииня пулма:
Яломпаа онко хенгэн кярсия
Кайкк'инхан оннен искут сея нуолет
Вай кяйдя миеккаан тускайн мерта вастаан,
Лопеттайн кайкки? – Куолла, – нуккуа,
Эй муута; – луулла, унесс эття пяттю...

Михаил *(перебивает, гогочет)*. Это – пять, на! Этя пятю!

Борис. Это – не пятю! Это – монолог Гамлета! Я целый месяц, между прочим, учил!

Глебушка. М-да... Эта речуга в твоём исполнении посильнее «Фауста» Гёте будет. Только ты и её не выучил... *(Пауза.)* Я, Боренька, ошибся. Ты не «пиджачник», ты – «подкладочник». Подстилка, проще говоря.

Борис. А вы «ватники» все! Так и останетесь в своей сраной Рашке! И Европа не Америка! *(Отходит в сторону, бубнит по-фински, раскладывает на журнальном столике «набор кокаиниста», вытаскивает из самоучителя молочную ленту, читает вслух.)* Моя фамилия Кряжистый! Ага, вот! Сукунимени он Кряжистый!

Глебушка *(взрывается)*. Да ты задрал уже, штрейкбрехер! Задрал! Всё это одна шайка-лейка! Какая, к черту, Европа? Чё ты незнайкой прикидываешься?! Нет никакой Европы – проходной двор это давно! Неужели ты, Боряйла, не понял – что все они колонии давно, вассалы, рабы. Хочешь, чтобы и у нас «слоники» и «ослики» по стране забегали? Чтоб тошнилочки Макдоналдса полным цветом расцвели? *(Поёт.)* «You Wanna Be Americano, Americano, Americano...»

Михаил. Именно, Глебочка! Гудбай Америка, на!

Глебушка. И при чем здесь «Рашка», Боряйла? Что ты как

диссидент из семидесятых? Что тебя на прошлом заклонило? Ты еще Грозного с Виссарионом вспомни. Другая же страна давно. Больше двадцати лет.

Борис. Не другая! Такая же! Русь сидящая! *(Шумно всасывает ноздрей порошок, обращается к Михаилу.)* Будешь?

Михаил. Я с финскими наркоманами не нюхаю!

Борис. Ну и не надо, мне больше останется! *(Глебушке.)* И вообще! Косово, Каталония, Венеция – вот на кого равняться надо! Баски опять же! Корсика! Бавария, наконец!

Глебушка. Ты еще зигу для правдоподобия кинь. И хватит тут евросопли по харе размазывать. Другая страна. Давно другая. Всё другое. И мы – не Косово, мы – не баски. На порядок больше будем. В разы. Шестая часть суши, между прочим.

Борис *(победно).* Вот! И я о том же! Срань – мы! Дыра большая! Шестая часть ужаса!

Глебушка. А срань, Боренька, по мановению палочки в райские кущи не превращается. И если хочешь знать, я тоже власть ненавижу. Но страну я люблю больше, чем свою ненависть к власти. А вам ведь, «пиджачникам», что не сделай – всё плохо. Евровидение плохо, Олимпиада плохо, День победы плохо. Вам же при любой власти плохо. Потому что вы не власть не любите. Нет. Не в этом фишка. Совсем не в этом. Вы страну ненавидите. Вы будете два унитаза по соцсетям гонять, потому что воду за собой спустить не можете. Вы же только гадить умеете. Вы – чудовища. Пиявки. В вас ненависть на уровне Дэ-эН-Ка вживлена. У вас вообще генотип по ошибке набран. *(Обращается к Михаилу.)* И никакая они, Миша, не пятая колонна. Слишком красиво для них, вычурно, поэтично. Они – предатели. Самые банальные обыкновенные предатели. Их каленым железом выжигать надо, на фонарных столбах вешать, к стенке ставить. Только так в них можно гнусь вытравить, которая на генном уровне... *(Наливает водку. Залпом осушает рюмку.)*

Михаил. Успокойся, Глебочка.

Борис. Убивать? Как в тридцать седьмом? Рукопожатным захотелось быть? *(Истерично хохочет.)* А нагана вместо травми-

ка у тебя нет?

Глебушка (*хватается за кобуру, но быстро отдергивает руку*). На тебя и травматика жалко. (*Сквозь зубы*.) И да. Убивать. Я считаю, вас убивать надо. Давить. Уничтожать. Истреблять. Только не наганями. Слишком это гуманно... Вас в кислоте растворять надо. Чтобы вы новых предателей не наплодили. Только уже – стоиудных. У которых одна только цель – попилить, раздраконить, разрушить. И на самом деле не за свободу проголосовать, а за дестабилизацию. Потому что никто не ненавидит Россию так сильно, как сами русские... И да, Боренька, сто раз да. Я не толерантен. Не вежлив... Потому что я так долго был толерантным... так долго был вежливым... что в итоге стал инквизитором... Потому что... (*Пауза*.) Потому что нет порока в моем отечестве. Но он в каждом из вас...

Михаил. Красиво, Глебочка, сказал! Молодца, на! (*Пугливо озирается*.) Тока это, тише давай.

Глебушка. Ты меня, Миша, не успокаивай! Настрогали тут нечисти, понимаешь! Фрилансеры, аутсорсеры, креативщики! Такие все фешенебельные стали, что удавиться хочется. Да какие, к чёрту, креативщики? Какие фрилансеры? Безработные креаклы кругом! Голубые в стрингах либерасты! Боря вообще ни дня в своей жизни не работал!

Борис. Я не гей!

Глебушка. Ты хуже! Ты мозгами – гей!

Борис. «Ватник»! (*Трет десны*.) В тайге своей оставайся!

Глебушка. Чухонец гребаный! Пригрели змею!

Михаил. Сука он и есть сука. Давай маханем лучше, на. (*Разливает по рюмкам*.) Представляешь, чё у других сейчас творится?

Глебушка. Надо думать, вообще семьи рушатся. Вразжопоци¹ живут.

¹ *Вразжопоци* – раздельно, без сексуальной близости (о проживании супругов).

Михаил. Как?

Глебушка. Раздельно.

Михаил. Во-во! Скоро у нас у всех вразжопицу будет. Ну, дёрнем, на!

Братья выпивают. Закусывают.

Глебушка (*презрительно смотрит в сторону Бориса, который копается в самоучителе*). Вот надо же. Можно десятилетиями с человеком в одном доме жить, а гниду так и не распознать... Знаешь, Миша, как-то был проведен любопытный эксперимент. «Пиджачникам» и «ватникам» показали одни и те же фотографии: грязных туалетов, окровавленных тел, растерзанных животных. Так вот. У «ватников» были зафиксированы вспышки в нервных центрах мозга, связанных с самосохранением. А «пиджачникам» хоть бы хны. Будто на солнышко из шезлонга глядели да «Мохито» потягивали.

Михаил. Брешешь, на.

Глебушка. Крестом Сергия клянусь.

Михаил. Тогда точно брешешь.

Глебушка. Нет, Миш. Чистая правда. Таким образом «ватника» от «пиджачника» можно отличить с точностью до 98%... (*Пауза*.) А вот мне интересно, что там у наших в головах?

Михаил. Да хрен его знает. Лизон вот точно дура. Интернета начиталась. Стопудово за сепаратизм галку шлепнет.

Глебушка. Отключать ее от соцсетей пора.

Михаил. Это да. А ты, Глебочка, молодцом, на! Не ожидал от тебя. Наш чел оказался. (*Нежно приобнимает брата, снова разливает.*) Ты же вроде всегда против власти был.

Глебушка. Против власти и остался, но не против страны. А сильные мы никому не нужны. И пока нас бояться — нас уважают. Поэтому цель — раздробить. Цель — не уважать. Так что не сравнивай теплое с мягким.

Михаил. Не пересекаю отличия, на.

Глебушка (*задумчиво*). Понимаешь, Миша. Тут всё не так про-

сто. Любое государство, оно, по сути, как машина для разрушения, как маховик. Неужели не ясно, что ты можешь быть хоть «ватником», хоть «пиджачником», но власти глубоко наплевать, кто ты. Кем бы ты ни был, рано или поздно, она разорвет тебя на ватные комки и нитки с пуговицами. И если в государстве бизнесмен с бомжом разобщены, то в борьбе за страну они стоят плечом к плечу. Поэтому я за страну, Миша. Но всегда буду против власти. То есть я за внешнюю политику, но против внутренней... Вот, к примеру, знаешь, почему оранжевые революции всегда обречены? Потому что народ не за страну бьется, а власть на власть меняет. Вату на вату. И заканчивается всё всегда одним и тем же. Оранжевый цвет покрывается черным Хэллоуином... *(Пауза)* С другой стороны, конечно, жуть кругом происходит. «Пиджачников» поддерживаешь — страну предаешь, с «ватниками» в строю маршируешь — вроде как воровской власти кланяешься... Получается, что мы вечно живем в амбивалентности, когнитивном диссонансе и нескончаемом парадоксе. И какие фигуры не выбирай, партию с государством все равно проиграешь. Поэтому из двух зол приходится выбирать, которое ближе. Такая вот чехарда выходит... Но вот что знаю абсолютно точно. Можно одновременно быть диссидентом и патриотом, но сложно, оставаясь либералом, любить Родину...

Михаил *(чешет затылок)*. Вообще ни хрена не понял, на. Мне вразжопицу больше понравилось... Ну ладно, а вот интересно, если б олигарх жив был, он бы за кого голосовал, как думаешь?

Глебушка. Этот бы сепаратистом стал, к гадалке не ходи. Хотя он такой мутный, что мог бы за что угодно проголосовать, а фига в кармане все равно бы своего часа ждала. Но вот чего я, Миша, до сих пор понять не могу, так это следующего... Ну ладно там палец, ухо... А почему больше никто на связь не выходил? Будто все в воду канули. Где, как бы это выразиться, остальные части тела? Ведь столько месяцев прошло, между прочим.

Михаил. Так это ж круто! Картины у нас остались. А олигарх, надо сказать, всегда дрянью был. Подох, туда ему и дорога, на.

Ты вспомни, что он в Шотландии с нами сделал. Жаль только, что мы с него бабки перед отъездом не стрясли. Даже тут надул.

Глебушка. Да уж, мозги у него в Шотландии совсем в картофельное пюре превратились... И всё-таки это странно как-то, чтоб вообще без новостей.

Михаил. Отсутствие плохих новостей – тоже хорошая новость, на...

Глебушка (*задумчиво*). Ну да, ну да... Ни тела, ни звонков, ничего... Непонятно... А тут еще Настька всю ночь орала. Говорила, что в окно Романа Андреевича видела.

Михаил. Забей, Глебочка, Настька же нервная. Ей лечиться надо.

Глебушка. Я ей то же самое сказал.

К братьям подходит Борис.

Борис. И мне плесните!

Михаил. А ты на финском скажи! (*Ржёт.*)

Борис. Без проблем! Мене персесеен!¹

Михаил (*наливает Борису*). Заслужил, чухонец! На!

Глебушка (*Михаилу*). У меня подозрение, что наш финн тебя послал.

Борис выпивает. Кашляет.

Михаил (*гогочет*). Что патриоту хорошо, либералу – смерть!

В этот момент из коридора раздается голос Светланы Николаевны: «Только тщательно ноги вытирайте. Тапок на всех нет... И осторожней. Тут гробы».

*Вскоре в гостиную шумной гурьбой вваливаются **Светлана Николаевна, Каролина Карловна, Настенька, Лизон, отец Сер-***

¹ Иди в жопу (*финск.*)

гий и Юрий Владимирович. Все красные, зимние, праздничные. У некоторых слева, на груди, приколоты бумажные розы.

За ними в тертых кожаных куртках, заломленных карманах, украшенных белыми бутонами, и шнурованных берцах появляются Леон с Бенедиктом. У Бенедикта в руках многочисленные пакеты и сумки. У Леона – охапка разноцветных гелиевых и воздушных шаров с наклепленными на них надписями: «Самоопределение», «Самобытность», «Суверенитет» и «Революция». Аббревиатура при этом выглядит парадоксальной.

Отец Сергей *(сбрасывает на диван длиннополую соболиную шубу и пышный православный треух). С морозцу не помешало б. Зерцало не поменяли? (Сбивая снег, топочет валенками, на голенище которых поигрывает фирменный лейбл: «РПЦ».)*

Светлана Николаевна *(на ходу снимает обливную дубленку с норковой шапочкой). Так праздники. Поставок нет. (Подтягивает кожаный чулок правого сапога, оправляет юбку, затем, цокая каблучками, поднимается по лестнице на второй этаж – там занимается цветами.)*

Глебушка *(в пустоту). У нас целый год праздники.*

Каролина Карловна *(в линялом лисьем полушубке, на голове меховое гнездо, на ногах обычные «дутики»; обращается к сыновьям). А не рано начали?*

Михаил. В самый раз, на.

Юрий Владимирович *(стягивает с головы мерлушковый пыжик и расстегивает пальто с бобровым воротником, под которым обнаруживаются костюм-тройка и красная бабочка в белый горох). А куда вы все пропали? (Постукивает друг о друга узконосыми штиблетами на «рыбьем меху».)*

Борис. Мы курить после голосования вышли. Вас долго не было, мы и уехали. А вы где были?

Настенька *(в серебристой ушаночке, коротком пуховике под жель и пушистых унтах). Мы в церковь после референдума заскочили.*

Глебушка. В церковь надо было «до». После референдума –

поздно. Слава Сибири, кстати!

Все. Сибир... *(Осекаются, в замешательстве смотрят друг на друга.)*

Лизон. Глебушка, ты дурак? *(Скидывает на диван черно-оранжевый пуховик, разукрашенный под хохлому, шлепает в европейских плагиат-валенках – уггах – к зеркалу.)*

Глебушка. Ты очень умная, можно подумать. Нашла за что голосовать.

Лизон. Откуда ты знаешь, за что я голосовала? И не твоё дело, между прочим. И вообще. У меня тоже может быть мнение. А сейчас такое мнение в тренде. Вот. *(Достаёт планшет из сумочки «Voïna i Mir», крутит попой в палех-лосинах перед зеркалом, пытается сделать «самофото».)* Чёрт! Забыла совсем, оно же не работает!

Глебушка. Лизочка, дуручка. В конце концов, ты самостоятельная личность или чей-то аппендикс? Какое «такое мнение»? Ты хоть понимаешь, что транслировать чужое мнение и быть в тренде значит проживать чужую жизнь?

Михаил. Вот это ты круто, Глебочка, задвинул. Молодца, на!

Каролина Карловна. Я смотрю, вы спелись.

Борис. Ма, а ты за что голосовала?

Каролина Карловна. Тайна голосования. Но тебе, Боренька, скажу. За самобытность. *(Обнимается с сыном.)*

Глебушка. Развалить страну решила? То, что папка не успел сделать?

Каролина Карловна. Миша! Скажи ему!

Михаил. Не, мать. Это уже без меня!

Каролина Карловна. Как ты смеешь! Я тебя растила! Миша!

Михаил. То и вырастила, на! Правильно, Глебочка?

Глебушка. Правильно!

Отец Сергей. Не ссорьтесь, отцы и дети.

Настенька. Матери...

Отец Сергей. Тем паче. Давайте лучше колядовать. Праздник-то какой!

Глебушка. Языческий. На что колядовать будем, Сергунь?

На результаты референдума? Как проголосовал, кстати?

Отец Сергей. Церковь отделена от государства.

Глебушка. А от кормушки? Что там в духовных скрепах? Дефицита нет? Можешь не отвечать. Это риторические вопросы.

Юрий Владимирович. На результаты, Глеб Вадимович, бессмысленно колядовать.

Глебушка. На ноу-хау в электоральном процессе намекаешь? На «вбросы» с «каруселями»? *(Блеет козлом.)* «Карусель, карусель — это радость для нас, прокатись на нашей карусе-е-ели!..»

Юрий Владимирович. На опыт.

Борис. Так а ты, Юра, за что голосовал?

Михаил. Да, Юрасик, на тебе почему роз нет?

Юрий Владимирович. Я в карман положил.

Глебушка. А покажи, какого цвета бутончик.

Юрий Владимирович. Зачем?

Глебушка. Ну просто. Любопытно. Скажи мне, за что голосовал, а я скажу, кто ты.

Юрий Владимирович. Не могу, Глеб Вадимович. Это было бы неправильно. Тайна голосования всё-таки.

Борис. А вот мама...

Юрий Владимирович. Это ее полное право.

Глебушка. Выжидаете, значит. Результатов ждешь. *(Подходит к каждому, смотрит на бутоньерки, направляется к слугам, держащим воздушные шары.)* Ну а вы, орки, вставили свое веское гражданское слово? Самоидентифицировались?

Леон с Бенедиктом *(привязывают воздушные шары к перилам, ведущим на второй этаж).* Indeed! *(Переключаются на пакеты с покупками.)*

Светлана Николаевна *(спускается со второго этажа; в руках у нее лейка).* Хватит, Глеб, политику разводить. Как проголосовали, так проголосовали!

Глебушка. Как, Светлана Николаевна? Ну если не секрет?

Светлана Николаевна. Как надо! *(Поливает цветы на подоконнике, обращается к Каролине Карловне.)* Ваш махровый гибрид сорняками какими-то порос.

Каролина Карловна (*зло пожимает плечами и цедит сквозь зубы*). Лучше поливать надо. Здесь вам не Европа.

Светлана Николаевна. Ладно, хватит уже пререкаться всем. (*Оставляет лейку на подоконнике, присоединяется к остальным.*) Давайте праздновать наконец! (*Слугам.*) Так! Ну-ка, убрали здесь быстро! И пол вымойте. Я же просила всех – тщательно ноги вытирать... Сери-и-иожа, вы своими валенками тут сугроб надели. Заставлю в носках ходить.

Леон с Бенедиктом безропотно собирают разбросанную по гостиной верхнюю одежду и выносят в коридор. Возвращаются со шваброй и ведром. Быстро моют пол. Просят каждого приподнять ноги – протирают подошвы. Затем возвращаются к пакетам.

Настенька. Согласна со Светланой Николаевной! Давайте веселиться! Референдум Рождества не отменяет!

Глебушка (*усмехается*). И Коляду тоже. Помнится, лет сто тому назад... во время Великой Октябрьской Коляды...

Юрий Владимирович. Тогда не референдум был.

Отец Сергей. В октябре не колядуют.

Глебушка. Ага, цыплят по осени считают. Называлось только по-другому, суть та же. Так вот, когда большевики пришли к власти...

Каролина Карловна. Глеб! Пакеты! Хватит тут телевизора!

Михаил. Точно, Глебочка, давай накатим! По-рождественскому, по-колядовскому!

Борис. Революцию всегда отпраздновать успеем!

Михаил. Умочаю, Боряйла!

Глебушка. Как известно, Боренька, после февральской революции обычно следует октябрьский переворот. А нам два раза наступить на грабли маловато будет...

Каролина Карловна. Пакеты!

Отец Сергей. Поддерживаю, матушка! Как ни зноби мороз, а праздничек веселый теплее печки пригреет.

Глебушка. Едрить твою, экзорцист! Это тебя в церкви такими псалмами нашипговали?

Михаил. Жжёшь, Глебочка!

Лизон. Миша, чё ты его Глебочкой постоянно называешь? Противное же имя.

Михаил. Зато ласковое, на!

Все направляются к пакетам, над которыми склонились Леон с Бенедиктом.

Настенька (*выуживая из пакета маски в пол-лица*). Это тебе, Миша. Глебушка — твое. А это Боре.

Михаил. Чё за хрень, на?

Настенька. Маски для празднования.

Глебушка. Вы совсем очумели? У меня сейчас когнитивный диссонанс будет. Недавно же из октября вылезли.

Светлана Николаевна. Пора подрастать. Надевайте, Глеб. Коляда без масок — не Коляда.

Глебушка. Подрастать или переродиться? У меня ощущение, что я из маскарадов последнее время не вылажу. Впрочем, как скажете, Светлана Николаевна. Колядки — хозяйские порядки. Только, если хотите знать, нам маски не помогут. Мы же ни одной русской традиции, кроме пятничных пьянок, не знаем.

Лизон. Уже знаем! Мы брошюрку и компакт-диск в церковной лавке купили.

Глебушка. Что еще за диск?

Лизон. С колядками! Можно в караоке петь.

Настенька. И брошюрка есть. (*Показывает Глебушке.*)

Глебушка (*читает вслух*). «Колядки на каждый день». (*Удивленно.*) В церкви купили? Вы ничего не перепутали? А брошюрки «Православие головного мозга» там не было? «Диагноз, стадии, лечение».

Отец Сергей. Церковь сейчас толерантно к истокам относится.

Глебушка (*молча смеряет его презрительным взглядом, рас-*

сматривает маски, говорит в сторону). Вот же охламоны. Придурки православные.

Михаил. Я не хочу лошадью быть.

Настенька. Это жеребец. Посмотри, какое лицо мужественное. Тем более ты и так в гусарской форме. Тебе конем очень пойдет.

Михаил. Не хочу! Дура!

Настенька. Возьми медведя тогда. Что ты обижаешься, в самом деле.

Глебушка. Ура-патриотический медведь на коне – это, Мишаня, клёво. Как сказал один философ: «Достаточно посмотреть им в лица, чтобы понять их сущность». И свалился в запой...

Михаил. Не по делу ты сейчас, Глебочка, пошутил.

Глебушка. Это я по привычке. Давай, Настурция, я конем буду. *(Надевает маску, закрывающую верхнюю половину лица; ржёт.)* Иго-го!

Настенька *(протягивает сестре овечью морду).* Это тебе, Лиза.

Лизон. Я овцой не буду! *(Выхватывает у сестры маску симпатичной козочки.)*

Остальные тоже перевоплощаются. Каролина Карловна нехотя берет маску коровы, Борис – индюка, Светлана Николаевна превращается в гусыню, Настенька становится овцой, Юрий Владимирович – хорьком, а отцу Сергию достается личина хряка.

Леон и Бенедикт натягивают маски разубыстных мышей, напоминающие чужеземные мордочки Mickey и Minnie Mouse.

Настенька. Довольно удобные маски, кстати.

Глебушка. Метафоричные. И сидят, как влитые. Сейчас мы тебе жениха наколядуем, а то засиделась в девках. Ну что, отребье, к столу?

Каролина Карловна. Не порть праздник! Лёнчик, Бенчик! Вытаскивайте остальное!

Слуги пытаются вывалить содержимое из пакетов на белого медведя, лежащего на полу.

Светлана Николаевна. Только не на шкуру! Испачкаете!

Бенедикт. А куда?

Светлана Николаевна. На пол!

Леон. Хлеб на пол?

Светлана Николаевна. Пол чистый. С ним ничего не случится.

Отец Сергей. Не гоже, матушка.

Светлана Николаевна. Ладно, давайте на диван. Только застелите чем-нибудь. Вон покрывало на стуле.

Слуги набрасывают на диван покрывало и вытаскивают из пакетов и сумок круглый хлеб, на котором выдавлены бороздки в виде косоугольного креста, пироги, крендели, горшочки с кутьей и кашей, а также трехлитровые запечатанные сургучом бутылки с забористыми горилкой и перцовкой. На бутылках красуются этикетки с колячками.

Остальные помогают накрыть на стол. Настенька и Лизон, сверкаясь с брошюровкой, украшают гостиную разноцветными лентами и устилают стол соломой, взятой из бумажного пакета. На пакете нарисован какой-то веселый дед в тюбетейке, держащий плакат: «Коляда в ЭС-ЭС-ЭС-ЭР!» Поверх соломы сестры накидывают расшитую петухами скатерть, затем переносят на стол пироги с горшками и водружают по центру самовар. Братья с любовью несут бутылки. Кажется, что в руках у них крупные стеклянные младенцы.

Глебушка. Хавчик в крестьянской печи сварганили? Референдум-церковь-село? По пути заехали?

Каролина Карловна. Всё шутки шутишь? Сейчас это в супермаркете купить можно.

Глебушка. А солому, надо полагать, на бензоколонке приобрели?

Лизон. Гле-бо-чка! Хорош пургу гнать. И вообще, помогай.

Вон, скатерть лучше поправь.

Глебушка. Вы бы лучше волчью шкуру постелили. (*Поправляет скатерть.*) Ну а петушиные клювы откуда? На каких церковных пальцах вышиты? (*Читает лейбл.*) «Made in China». Ну, кто бы сомневался.

Настенька. Там же и купили. Комплектом продавалось.

Каролина Карловна. Боренька, принеси, пожалуйста, тарелки из спальни.

Борис. Ма, а где они? (*Уходит.*)

Каролина Карловна (*кричит ему вслед*). На комод мраморный ангел стоит. Сними его — тарелки в комод. Под платьем свадебным... Да! И поднос захвати!

Глебушка (*матери*). На всякий случай не забываем крепкие крестьянские корни? (*Кричит Борису*) От нафталина только отряхни!

Каролина Карловна. Это, Глеб, если ты забыл, от прабабки твоей осталось.

Слышится грохот, брань, появляется матерящийся на финском Борис. Ругань сильно напоминает татарскую. В руках Борис держит поднос, на нем возвышается посуда.

Борис. Чуть не разбил! Там же гробы по всему коридору. Хорошо, что тарелки деревянные.

Светлана Николаевна. Ничего, через неделю эту партию вывезут. Просто сейчас некуда ставить.

Борис (*водружает поднос на стол*). У меня даже в глазах помутилось! И Роман Андреевич померещился. Весь седой, и лицо такое... (*Подбирает слова.*) Старое и будто бы фиолетовым отдает.

Отец Сергей (*крестится*). Упокой душу раба твоего...

Глебушка. Меньше муку надо пользоваться. И не такое привидится.

Михаил (*ржёт*). Молодец, Глебочка! Порвал в клочья, на!

Каролина Карловна. Что за мука, Глеб?

Глебушка. Для блинцов, Карловна. Масленичных. Из расейских кофешопов.

Каролина Карловна. Не поняла тебя.

Глебушка. А и не надо. Главное, что Боряйла понял.

Каролина Карловна. Боря, а рюмки где?

Борис. Николаевские? Так ты ж не просила, ма.

Каролина Карловна. Они в буфете. За сервизом. Только осторожней, пожалуйста.

Борис *(снова уходит)*. Понял! Понял!

Глебушка. Не вздумай червонцы трогать! И сервизом Екатеринбургским не жонглируй!

Борис возвращается с рюмками. На них императорские вензеля.

Глебушка. От прадеда, если не ошибаюсь? По отцовской?

Каролина Карловна. Да, Глеб. По ней.

Глебушка. Что-то я такой линии у нас не припомню. Кроме тульской самоварной, разве что.

Каролина Карловна. Обсуждали уже когда-то. Помнить не обязательно. Главное, что в родословной написано.

Глебушка. Написано или выправлено?

Каролина Карловна. Угомонись, Глеб!

Борис. Вы не поверите, но ощущение, что там всё-таки кто-то есть.

Светлана Николаевна. Где?

Борис. Да в коридоре. Будто в гробах кто-то роется.

Глебушка. Не обращай внимания, это Гоголь панночку ищет.

Светлана Николаевна. Леонид!

Леон. One moment! *(Выбегает.)*

Светлана Николаевна. По-русски! Ты в эР-эф!

Леон *(издалека, эхом)*. ОК! *(Прибегает.)* Пусто!

Борис. Ну не знаю...

Глебушка *(показывает на маску)*. Это тебе индюк на глаза давит.

Настенька. Мне ночью тоже показалось, что в доме посторонний. Я выходила, а там тень. И за окном вроде бы кто-то был. Я Глебушке рассказывала. Он не поверил.

Глебушка. Ну, поскольку ни принца шотландского, ни его отца среди нас нет, то и тени неоткуда взяться. А тебе, Настурция, валерьянку надо пить. Желательно в количестве перцовки, потребляемой отцом Сергием. Душа-то у нашего свидетеля Бахуса луженая.

Отец Сергей. Напраслину возводишь. Токмо по праздникам.

Глебушка. Зато в каких количествах. На все будни хватает. Как говорится, окстись и вздрогни!

Лизон (*сестре*). Так вот ты чего орала.

Настенька. Ну да. Страшно же. А если это Роман Андреевич?

Михаил. Какой Роман Андреич? Ты чё, на?

Настенька. Ну а вдруг его не убили всё-таки?

Юрий Владимирович. Настенька, ну а где же он столько месяцев пропадал и почему прячется от нас? Какой в этом смысл?

Настенька. Мало ли... Он вообще в Шотландии очень странным стал.

Светлана Николаевна. Не говори глупостей, в доме охрана. Никто не мог незамеченным появиться.

Глебушка (*кивает в сторону слуг и усмехается*). Эти, что ли? Тише, мыши, кот на крыше.

Бенедикт. Нормальная охрана, Глеб Вадимыч!

Глебушка. Мультипликационная только. Вам бы еще из гелиевых шариков подышать.

Отец Сергей. Давайте уже трапезничать.

Каролина Карловна. А и в самом деле.

Светлана Николаевна. Да, за стол. Все за стол.

Все рассаживаются за столом и начинают есть.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ
КАРТИНА МАСЛОМ

Михаил (*с набитым ртом*). Так чё там с традициями, на?

Настенька. Надо в брошюрке посмотреть. (*Открывает книжицу, листает, читает.*) Вот. «Коляда – традиционный праздник языческого происхождения у славянских народов, связанный с зимним солнцестоянием, позднее приуроченный к Рождеству и Святкам...»

Глебушка. Ну я так и думал. Славяне. Рождественской индейки не будет.

Настенька. Не перебивай, Глебушка. Тут дальше есть. «Неотъемлемыми атрибутами праздника являлись ряженье с использованием шкур, масок и рогов, колядование, колядные песни, гадания...»

Лизон (*щелкает всех на планшет*). Вот, мы всё правильно сделали! Миша, обними Борю с Гле-бо-чкой! Я в блог фотку выложу.

Михаил (*обнимает Глебушку*). Финна не буду!

Борис. «Ватники». Оба! (*Тараторит что-то бессвязное на финском.*)

Настенька. Хватит вам. Вот тут очень интересно. «По народному поверью Мать – сыра земля могла разверзнуться за ложь, за ложную клятву или за лжесвидетельство...»

Глебушка. Это к адвокатам. Да, Юрасик?

Юрий Владимирович. Не смешно, Глеб Вадимович.

Глебушка. А я и не шутил.

Каролина Карловна (*Михаилу*). Миша, скажи ему!

Михаил. Не-а...

Настенька. Ну не перебивайте, пожалуйста. «Коляда – древний бог веселых застолий, имя его образовано от слова „коло“ (круг), поэтому колядки, возможно, имеют отношение к колдовству... Коляда вывел людей за пределы сиюминутного существования, подробно изложив, как движется время и каких перемен от него следует ожидать... Если первым в дом войдет мужчина – говорили, что это на благосостояние...»

Глебушка. Роман Андреевич, например?

Каролина Карловна. Это веселый праздник!

Михаил. Тут мать поддерживаю! Наливай! На!

Мужчины откупоривают бутылки. Разливают. Молчат.

Борис. Может, колядку какую споем?

Глебушка. Запевай, юный ленинец! Мама небось тебе все уши ими в карамельном детстве прожужжала. Да, Карловна? Петушки на палочке, сахарная вата, колядки.

Каролина Карловна. Тогда не те времена были.

Глебушка. А если в комоды порыться?

Светлана Николаевна. Так вот же на бутылках слова есть.

Лизон. Да ну, неинтересно. Мы же диск купили. Давайте караоке устроим.

Михаил. Всё! Я так долго ждать не могу. *(Ни с кем не чокаясь, осушает свою рюмку; все следуют его примеру.)*

Лизон направляется к «домашнему кинотеатру», вставляет диск. Остальные присоединяются к ней. На плазменной панели появляется заставка: лоснящийся поп, сильно напоминающий отца Сергия, держит в ладони тройку лошадей, медведя и цыган.

Глебушка. Стоп! Отмотай! *(Лизон отматывает и останавливает картинку, Глебушка показывает на экран.)* Сергунь, что я вижу? Продался язычеству?

Все (хором). Ох!

Лизон. Да, нежданчик.

Отец Сергий (отводя глаза). Шутействовал. Коллеги с православного канала попросили. Не смог отказать.

Настенька. Вы теперь медиазвезда!

Глебушка. Вифлеемская! На хромои кобыле не подъедешь. Ну, почем нынче самоварное православие?

Отец Сергий. Это былое. Давайте лучше колядки искать.

Глебушка. Ну уж, былое. Прошлого года компактик?

Отец Сергей. Позапрошлого. На Пасху снимали.

Глебушка. Меняем ХВ на хэ-ээ? Продаем устаревшие колядки?

Каролина Карловна. Глеб! Отстань от отца Сергея! Лиза! Ищи песенки!

Отец Сергей. Спасибо, матушка, за заступничество.

Лизон. Нашла! Вот эта должна быть симпатичная!

Лизон нажимает на пульт. Играет развеселое треньканье, звенят колокольчики и бубенцы. В пошлом вихре по экрану несутся яркие, будто разукрашенные детскими фломастерами и акварельками, слова колядки. На буквы наслаиваются скачущие лошади-альбиносы, жеребцы-брюнеты и кони в наливных яблоках.

Кряжистые и Ко заливаются в нестройном, без слуха и голоса, многоголосье.

Ходит Коляда по святым вечерам,
Заходит Коляда во Рублево-село.
Собирайся, селяне,
Будем с Колядой!
Открывайте сундучок,
Доставайте пяточок!
Открывайте, коробейники,
Доставайте копейки!
Подходи, не робей,
Сейчас народ потешим.
Кто будет чёртом, а кто лешим!
А кто никем не хочет
Пусть за пятак хохочет!

Внезапно Глебушка резко срывает с себя маску коня и направляется к столу.

Глебушка. Всё! Надоело! Устал! Фигня полная! Бред! Бред! Бред!

Все. Так весело же!

Глебушка. Нет! Невесело! *(Садится за стол.)* Вы что, не понимаете? Это же ряженье всё! Неправда! Чушь!

Каролина Карловна. А кто сказал, что это правда?

Михаил *(снимает маску).* Глебочка, может, водочки лучше вмонтируем?

Глебушка. Миша, какой водочки? Какой, на хрен, водочки? Мы тут колядки орем, а реальность — она там. *(Показывает рукой в сторону выхода.)* Там, где Романа Андреевича порубили. Там, где весь мир, как колядочный пирог, на куски разламывается. А вам по хрену всё. Наливай-пей. Беснуйся. Хохочи. Открывай сундучок, доставай пяточок! Водочки, вашу мать! Всю страну в водочке уже утопили.

Борис. Так ты же и топил больше всех. Один раз выпил, потом только похмелялся.

Лизон. Ну, всё понятно. Предпипец сейчас начнется. Опять Гле-бо-чка решил всем праздник испортить. *(Плюхается на диван, включает планшет.)* О! Большинство за самобытность!

Юрий Владимирович *(достаёт из кармана мятый белый бутон, ловким привычным движением прищипливает к лацкану пиджака, переворачивает бабочку на воротнике рубашки: белый фон, красные зерна).* Впрочем, это, наверное, правильно. Пора в €пу.

Глебушка. Как большинство?! *(Несется через всю гостиную к Лизон, выдирает из ее рук планшет.)* Дура! Это фейк!¹ Что ты на всякую пургу постоянно ведешься!

Лизон. Ты чё, не веришь? Сам посмотри, сколько эту инфу уже перепостили.

Глебушка. Да это ложь! Провокация!

Борис *(радостно потирая руки).* Отлично! Отлично!.. Добрый день! Рад с вами познакомиться! Моя фамилия Кряжистый! *(Ходит кругами по гостиной, с выражением говорит на финском.)* Хювя пяйвя! Саанко эситтяютя! Сукунимени он Крязистий!

¹ *Фейк* (англ. комп. fake) — фальсификация, фикция.

Все быстро достают телефоны, смартфоны, планшеты и прочие девайсы с гаджетами¹. Выходят в соцсети и лезут на новостные сайты.

Михаил. Хера, Лизка! У меня пишут, что большинство за целостность. На! *(Показывает свой смартфон Лиззону.)*

Борис. Я либерал, прошу предоставить мне политическое убежище. Олен либерали, я анон тайльта турфапайкка... Вот мой паспорт. Тясса он пассини.

Юрий Владимирович *(быстро снимает белую розу, прячет в карман, выуживает алую, цепляет на лацкан, лихо управляется с бабочкой-хамелеоном).* Всё-таки целостность. Ну и правильно. Лучше грозный царь, чем семибоярщина. Один кулак сильнее пальцев.

Настенька *(всматривается в слайдер).* Странно. А у меня в ленте пятьдесят на пятьдесят.

Отец Сергей. Нет! Самобытность. *(Вскидывает вверх украшенный сапфирами платиновый Vertu.)*

Каролина Карловна *(близоруко щурится над мобильником с крышкой).* Ничего не понимаю. Тут везде информация разная.

Юрий Владимирович срывает с пиджака алую розу, развязывает бабочку, в сердцах швыряет их на пол, подходит к Светлане Николаевне, доверительно берет под локоток и отводит в сторону.

Юрий Владимирович. Светлана Николаевна, я вот что подумал. Пока такая неразбериха творится, очень неплохо партию картин сегодня-завтра переправить. И не надо неделю ждать, сейчас очень удачное время. Всем ведь теперь не до нас будет, с этим голосованием. Понимаете меня? Отправим самое лучшее,

¹ *Девайс* (англ. device) — техническое устройство; *гаджет* (англ. gadget) — модное техническое приспособление, приборчик.

самые сливки. А то потом, ну... всякое может быть... можно вообще ничего не успеть, уж больно ситуация щекотливая.

Светлана Николаевна. А ведь вы правильно, Юрий Владимирович, говорите. *(Подзывает слуг.)* Картины принесите! Надо перебрать всё!

Леон и Бенедикт выбегают в коридор. Шустро втягивают гробы в гостиную. Распахивают крышки.

Светлана Николаевна. И со второго этажа. Будем сортировать. *(Слуги взбегают вверх по лестнице; Светлана Николаевна обращается к остальным.)* Ну, помогайте. Выбирайте только лучшее. *(Склоняется над одним из гробов.)*

Каролина Карловна *(перебирая рулоны).* Это, Светочка, пока можно оставить. *(Вытаскивает часть рулонов и бросает на пол.)* Реалисты сейчас не в тренде. А вот авангард на Западе хорошо пойдет.

Светлана Николаевна. Согласна. Но иконы, Каролина Карловна, думаю, всё-таки этой партией отправим?

Каролина Карловна. Естественно! Вечное искусство. И соц-арт обязательно возьмите. Он тоже вечный. Да, про яйца не забудьте. Они первой категории.

Настенька *(берет маленькую икону в руки).* А можно я себе оставлю?

Каролина Карловна. Положи на место!

Отец Сергей. Дельная вещица. Враз уйдет.

Глебушка. Самый сок, да, Сергунь? Ходовой товар.

Лизон. А можно я пофоткаю? *(Направляет планшет на картины.)*

Михаил. Я те пофоткаю! *(Отбирает планшет.)* Нашла время, на!

Лизон. Мишка, ну верни, я не буду! Что я не понимаю, что ли?

Михаил. На! Отстань. Только не вздумай щелкать! Это же самодонос! *(Возвращает планшет.)*

Лизон, обиженно поджав губки, отходит в сторону, но через какое-то время втихаря наводит планшет на присутствующих.

Юрий Владимирович (*роясь в гробу*). Светлана Николаевна, я вот еще что хотел сказать. Время, конечно, не очень удобное. Но хотелось бы заранее точки над «i» расставить. Насчет процентов. Сейчас на границе тяжеловато будет. А тут очень деликатно действовать надо.

Светлана Николаевна. Конечно, Юрий Владимирович! Десять, как всегда, ваши.

Юрий Владимирович. Нет уж, извините. Тут все двадцать выйдут.

Светлана Николаевна (*распрямляясь*). Вы это серьезно, Юрий Владимирович?

Михаил. Да, Юрасик, щечка не треснет, на?

Юрий Владимирович. Ситуация больно спорная. Тут ведь еще неизвестно, как всё в ближайшие часы повернется. Риски. Понимаете? Риски... А «телефонное право» оно такое... тарифы поднялись...

Светлана Николаевна. Я подумаю.

Юрий Владимирович. Хотелось бы всё-таки на берегу.

Светлана Николаевна. Двенадцать.

Юрий Владимирович. Не демпингуйте, Светлана Николаевна. Пятнадцать.

Светлана Николаевна. Но вы гарантируете, что всё нормально пройдет?

Юрий Владимирович (*прижимает руки к груди*). Безусловно. Если вовремя «Премимальный план» выбрать, то всё отлично будет.

Светлана Николаевна (*склоняется над гробом*). Хорошо. Договорились.

Борис. По рукам!.. А вот интересно, как это на финском будет? (*Лезет в самоучитель.*) Вот! Кетте пелле!

Глебушка (*задумчиво*). «Адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигент-

ская сволочь часто паскудничает». Еще Ильич, между прочим, говорил. Впрочем, Ленин — это уже винтаж. *(Отходит в сторону, наблюдает за слугами, которые спускают со второго этажа картины, с осуждением смотрит на Кряжистых и Ко.)* А вы, конечно, мрази конченные. Скоморохи. Ряженные...

Длинная пауза.

Все. Что?!

Глебушка. Я говорю: едим Россию, опилки пилим. «Хождение по мукам» и «Мёртвые души» в одной книжке.

Каролина Карловна. Ты чего это?

Глебушка. Вы же счастливы будете, если всё вдруг развалится.

Борис. Да и пусть валится к чертям собачьим! Сейчас за вашего-то брата примутся. Только голосочки подсчитаем. Мало не покажется! Устали уже от этого «железного занавеса»! Мам, вот эту картину сюда давай.

Глебушка. Да что тебе, сучонок ты этакий, не нравится?

Борис. Всё! Говно страна!

Глебушка. Что «всё», дубинушка? Литература? Электрификация? Индустриализация? Полеты в Космос? Может, для тебя еще Белка и Стрелка не той породы были?

Борис. Не той! Дворняги! Надо было их там оставить! *(Тычет пальцем вверх.)* И вообще, задрал уже всех своим ура-патриотизмом!

Глебушка. А, ну понятно. Поэтому ты со всеми решил «Белую гвардию» в жизнь воплотить. Так, чтоб по полной программе. Всех в либеральных дворняг превратить. В шелудивую стаю с «Собачьим сердцем».

Борис. Не знаю, не читал. И вообще! Отвали, я занят! Мам, ну этот гроб уже заполнен.

Лизон. Точно, Гле-бо-чка! Надоело! *(Выключает планшет.)*

Михаил. Ты фотографировала, что ли? Дай сюда!

Лизон. Не дам! *(Быстро взбегает на второй этаж.)*

Михаил. Я за тобой гоняться не буду!

Лизон. А ты попробуй! *(Показывает Михаилу язык и наводит планшет на брата.)* Чи-и-из!

Михаил *(грозит кулаком вверх).* Дура!

Глебушка. Эй! Вы – уроды? Скажите мне, уроды? Вы же по гороскопу упыри все! Что вы творите? Что вы беспределите? Миша, ты совсем с дуба рухнул? Ты же не лучше Борьки!

Михаил. А чё? Мазюлек жалко? Это ж бабки! *(Показывает на картины.)* Они не пахнут, на.

Глебушка. Не мазюлек, Миша. Вас жалко. «Образумьтесь, бессмысленные!.. Люди!!!» Что вы разворовываете всё? Что вы тут за разгул демократии устроили? Чего вам неймется? Что не так?!

Борис. Всё не так! Нищета! Транспорт! Дороги! Мамуль, сюда давай.

Глебушка. Какая нищета, Боряйла?! Ты всю жизнь на Рублевке прожил! А насчет дорог, так они сами по себе в хайвеи и автобаны не превращаются. Сам же палец о палец ради дорог не ударил! Но нет, тебе всё на блюдечке с либеральной каемочкой подавай. Ты сразу сытеньким хочешь быть.

Светлана Николаевна. Мы, между прочим, авиалинии выстроили.

Глебушка. Это те, которые страну грабят и шотландским «юбочникам» оружие поставляют? *(Кивает на гробы.)*

Юрий Владимирович. Это побочный бизнес.

Каролина Карловна. А народ, Глебушка?! Народ? Забыл про него? *(Борису.)* Нет, Боренька, абстракционистов сюда.

Глебушка. Какой, к чёртовой матери, народ?! Когда ты народ в последний раз видела?

Каролина Карловна. Когда надо, тогда и видела. *(Снова Борису.)* Иконы в этот ящик.

Светлана Николаевна. Глеб, прекратите демагогией заниматься. Помогайте лучше. Правда, надоело уже это ваше «ватничество». А то ведь начнется сейчас. Пушкин, Гагарин... Ну сколько можно, в самом деле? Сто раз одно и то же.

Глебушка (*на разрыв аорты*). Демагогией?! Да кислотой вам всем в лица! Прямо вот на ваши звериные морды! Пушкин им, видите ли, не так писал! Гагарин криво взлетел! Может, Матросов еще плохо прыгнул?! «Ватники» они, по-вашему, были? Да Та-ла-ли-хи-на на вас нет!

Лизон (*кричит сверху*). Пафосник ты, Гле-бо-чка, гнилой пафосник! Хватит уже всем мозги компостировать!

Глебушка (*кричит снизу*). В чем же я пафосник, Лиза? И почему это я «ватник», если страну люблю? Почему, если я ее люблю, значит, автоматически власть поддерживаю? Значит, нерукопожатный. Значит, лизоблюд. А что, если я за целостность, но одновременно против власти? Что, если я за олимпийские кольца, но против медведей? Может такое быть? Да еще как может! И нет тут когнитивного диссонанса. Нет!

Лизон. Вот! В этом и пафосник! Заманал уже своими социальными тёрками. Дай-ка я тебя лучше сфотаю!

Глебушка. А вы, вы... (*Захлебываясь слюной*.) Вы – парад мелких бесов! Вы «пиджачники» – позор антропологический! Вы и есть – дворняги! Кутюрье им подавай! Чупа Чупс! Планшеты! Ты, Лизон, вообще на платформе! Ты – Android! Ты, наверное, думаешь, что все, кого ты в блогах читаешь, – это и есть репрезентативный срез общества?!

Лизон. Чего?.. Классная фотка, кстати, вышла! Ты такой на нерве как бы. На «Adrenaline Russia».

Глебушка. Ничего! Хватит тут овцу давать! Онкология – лайк!¹ Бомбежки – лайк! Самолет взорвался – лайк! Плотину прорвало – стопроцентный лайк! И смайлик в комментарии! Котиков давай пости, когда всё в тартарары летит! Смотри, не замаякай!

¹ *Лайк* (англ. like) – нравится, одобряю. Базовое понятие в социальных сервисах, распространившееся вместе с социальными сетями. Условное выражение одобрения материалу, пользователю, фотографии, выражающиеся нажатием одной кнопки.

Лизон. Это у тебя плотину прорвало! Чем тебе котики вообще не нравятся? (*Ходит по второму этажу, подбирает ракурс.*)

Глебушка. Всем! Потому что за мысли надо лайки получать, а не за фотки!

Лизон. Ой-ой-ой! Посмотрите на него. У тебя сколько френдов? А у меня пять тысяч!

Глебушка. Да! Зафренди бота¹ — получи друга!

Лизон. Много ты понимаешь! Я на максимуме, между прочим! И не Android корейский, а IOS... Знаешь, почему у тебя друзей нет? Потому что нудный ты, Гле-бо-чка, как, как...

Глебушка. Как кто? Планшет завис? Френды пропали — друзья не появились?

Лизон. Как пост² политика! Бессмысленный и беспощадный. Вот!

Борис аплодирует.

Борис. Респектую от души, Лизочка! И вообще, а почему это ты прав, а остальные нет?

Глебушка. А потому что у меня чуйка на врагов. Интуиция с генами прадедов. И интуиция мне говорит — вы страну ненавидите. Вы ее так ненавидите, что готовы фашизм полюбить. Вы твари навозные. Быдло. Вас топтать надо.

Борис (*внезапно подскакивает к Глебушке*). Ты вообще — колорад! Жук в полоску!

Глебушка. А ты рот себе зашей! В зашитый рот жук не залезет!

Борис. Кюря! Фитту! Лумпу!³

¹ Бот — компьютерный «робот».

² Пост — в данном контексте возможно любое прочтение: 1) отдельно взятое сообщение (запись) на форуме или в блоге; 2) ритуальное воздержание от принятия пищи или пищевые ограничения по религиозным соображениям; 3) чин, ответственная должность.

Глебушка. Обезьянка финская! Дворняга!

Борис. Ты сам зверь еще тот! «Ватник»!

Глебушка. Говно тактичное! *(Плещет водкой на маску Бориса, тот нелепо трясет индюшачьим «хоботом»; Глебушка медленно вытаскивает из кобуры травматический револьвер.)* Будь толерантным к моей нетолерантности...

Борис. Мама!

Глебушка. «Поднимите мне веки! Не вижу!»

Каролина Карловна. Боря, сам разбирайся. Надо картины разобрать.

Отец Сергей. Охолонитесь, отроки.

Юрий Владимирович. Вы, Глеб Вадимович, иногда сами как русский фашист рассуждаете. По крайней мере, отголоски чувствуются. Уберите оружие, пожалуйста.

Глебушка. Не уберу... Скорее как реалист. Потому что при такой вашей либерал-толерантности Миша, например, очень быстро превратится в самую незащищенную прослойку общества. Белого мужчину средних лет с ретроградной сексуальной ориентацией. *(От пояса выстреливает в шар с надписью «Самоопределение»; женщины вскрикивают и закрывают уши.)*

Светлана Николаевна. Немедленно перестаньте, Глеб!

Глебушка. Не перестану... А скоро мы вообще гетеро-парады несанкционированно проводить начнем. И знаете почему? Потому что обществом такие как вы, либерало-фашисты, управлять начали. Цензуру вводить, ушлых менеджеров на места ставить, бюджеты с грантами пилить. «Пиджачники», которые на всех ярлыки навесили. И кто не свингер, не педофил и не гей, тот своего мнения иметь не может. Парадокс, да? Диктатура содомитов и гоморщиков произошла. Тирания фриков. Такая вот самоидентификация... Такое вот самосознание... *(Недобро ухмыляется и прицельно стреляет в шар «Самобытность».)* Свингеры

³ Мужской половой орган, женский половой орган, женщина легкого поведения *(финск. бранн.)*

всех стран, соединяйтесь!

Борис (*хватаясь за голову*). Ну какие свингеры? Какие педофилы? Сил моих больше нет это слушать!

Глебушка (*с яростью орет в сторону Бориса*). Скандинавские! (*Целится в третий шар*.)

Светлана Николаевна. Кто-нибудь заберет у него пистолет, наконец?!

Глебушка (*не реагируя*). А всё почему? Потому что стоит дать человеку свободу, он тут же начинает беспределить и творить анархию. Потому что дать свободу — значит получить «Скотный двор». Так что уж лучше «железный занавес» — за ним дышать легче, за ним жить свободней! (*Выпускает пулю в шар «Суверенитет».*)

Лизон. Это какой-то человек-монолог просто! Он же как спам.

Каролина Карловна. Я смотрю, Глеб, ты не можешь без скандалов. Ни дня без яда.

Глебушка. Не могу, Карловна. Не могу. Потому что вот тут пусто! (*Бьет себя рукоятью револьвера в грудь*.) Там где, как у вампира, не стучит уже давным-давно. Там, где коллапс души произошел. Полный и окончательный. А знаешь почему? Потому что это благодаря таким, как Боря, мы все в формат 3D перешли: к дуракам, дорогам и демократам. И не в дорогах проблема, а в последних, из-за которых нормальные, никогда не несшие негатива, слова вдруг ругательствами стали. (*Машет «Наганычем» в сторону Бориса*.) Это благодаря таким, как наш Боренька, инвалиды превратились в «людей с ограниченными возможностями», негроидная раса в пигментированных «афроамериканцев», а гомосексуалисты в «геев». А вот патриоты, напротив, ругательством стали... Но надо одно себе уяснить: от того, что вы стали «геем», это не значит, что вы перестали быть... Ну вы поняли...

Борис (*срывающимся голосом*). Я говорил! Я не гей!

Глебушка. Ты вообще инвалид! (*Расправляется с четвертым шаром и спокойно убирает револьвер в кобуру*.)

Каролина Карловна. Ох, как же я от тебя устала, Глеб. Как устала. Иди уже, в самом деле, лучше водки выпей! Такую ахинею порой несешь!

Глебушка. И выпью, выпью! Имел я вас всех в виду!

Светлана Николаевна. У вас просто невыносимый характер!

Глебушка (*спокойно*). Нормальный у меня характер. Это у вас у всех психика нестабильная. (*Опускает голову, направляется к столу, бормочет под нос.*) И почему сюрреализм выдуман не нами, но происходит он только у нас? (*Разводит руками.*)

Глебушка поднимает голову и вдруг замирает. Из его глотки вырывается нечленораздельный клеток.

Борис (*злорадно*). Что, «ватничек», ваткой поперхнулся?

Глебушка (*откашлявшись*). Олигархом.

Он медленно протягивает руку вперед. Все разворачиваются в сторону праздничного стола и застывают в неестественных позах. У некоторых рулоны выпадают из рук и лениво катятся по полу.

За столом восседает седой как лунь старик¹. Это — Роман Андреевич. Однако в его облике произошли существенные изменения: за время отсутствия олигарх сильно постарел и осунулся. Подглазья покрылись фиолетовым. Косички на бороде стали редкими и всклокоченными, как льняная пакля. Шотландское же облачение превратилось в телогрейку, серые штаны и вымазанные грязью кирзачи.

Роман Андреевич жадно налегает на кутью из горшочка.

Роман Андреевич (*облизнув глубокую деревянную ложку*). Изюма не хватает. А так ничего... (*Пауза.*) А сбитня у вас нет? А?

¹ Один из основных персонажей *Коляды*, рассказывающий поучительные истории и байки. (*Прим. авт.*)

Ну ладно... *(Разворачивает бутылку водки и с издевкой читает колядку, написанную на этикетке.)*

Коляда-моляда,
Уродилась Коляда!
Кто подаст пирога —
Тому двор живота.
Еще мелкой скотинки —
Числа бы вам не знать!
А кто не даст ни копейки —
Завалим лазейки.
Кто не даст лепешки —
Завалим окошки,
Кто не даст пирога —
Сведем корову за рога,
Кто не даст хлеба —
Уведем деда,
Кто не даст ветчины —
Тем расколем чугуны!

Злые колядки на каждый день. Хорошие слова. Правда, звери?

Настенька теряет сознание и плавно падает на руки Борису. Но тот быстро приводит ее в чувство. В этот момент у Михаила надрывно звонит мобильник: рингтон — «Владимирский централ».

Михаил *(прижав смартфон к уху)*. Да... Понял... Seriously? Ну, на!.. А если с индугенцией? Как это «уже не прокатит»?

Каролина Карловна. Миша, кто там?

Михаил. Потом, потом, на... *(Озабоченно отходит в сторону, продолжает с кем-то вполголоса разговаривать, затем отключает смартфон и кладет его в карман.)*

Роман Андреевич. Я смотрю, вы тут очередной праздник справляете? *(Недобро усмехается.)* Не Хэллоуин, так Коляда?

Не надоело?

Светлана Николаевна. Так вы живы, Роман Андреевич?

Роман Андреевич. А вам бы всем иначе хотелось?

Каролина Карловна. Побойтесь Бога, Роман Андреевич.

Отец Сергей. Рады, искренне рады! Слава Богу!

Глебушка (*в сторону, тихо*). И Чёрту слава...

Роман Андреевич (*встает из-за стола*). Ну, давайте, что ли, обнимемся тогда? По православному обычаю. Поелозим щечками. А? Как?

Все (*растерянно*). Конечно, конечно! (*Нерешительно идут к Роману Андреевичу.*)

Роман Андреевич, раскинув руки, целеустремленно движется навстречу. Но вдруг делает резкий рывок в сторону и со всей силы бьет Бенедикта под дых. Бенедикт валится на пол. Затем Роман Андреевич разворачивается и наносит мощный удар в челюсть Леону. Тот падает рядом с Бенедиктом. Олигарх сладострастно начинает пинать их ногами. Остальные стоят и в недоумении смотрят на происходящее. Роман Андреевич со словами: «За барана. В расчете. Считаю – реванш», как ни в чем не бывало, разворачивается ко всем спиной и возвращается за стол.

Роман Андреевич. Я же говорил – руки удар еще не забыли.

Глебушка. Снова пилюльки? Может, вам на аспирин лучше перейти? Или эффекта плацебо боитесь?

Роман Андреевич. Я уже ничего в этой жизни не боюсь. Отбоялся.

Юрий Владимирович. Роман Андреевич, а обняться?

Роман Андреевич. На том свете обнимемся. Ну что, картины возвращать будете, или как?

Леон и Бенедикт медленно поднимаются с пола. Отряхиваются.

Оба. Sorry, Роман Андреич.

Бенедикт. Мы ж не знали, что у Гамильтона и ваши были.

Леон. На реставрацию сдали, да?

Роман Андреевич. На оценку. Впрочем, уже неважно. *(Задумчиво.)* Всё так меняется. Так меняется... Хэллоуин. Коляда. Референдум... Каролина Карловна, картину перестаньте мять...

Каролина Карловна. Так тут и ваши?

Роман Андреевич. А зачем же я в Москву приперся?

Каролина Карловна *(кладет картину в гроб)*. Ностальгия. Вы сами говорили.

Роман Андреевич. Я сильно на идиота похож?

Глебушка. Ну, в этой одежде... Как говорят: «Не спеши, путешественник, – порвешь ботинок».

Борис. Кстати, да. А почему вы?..

Роман Андреевич. Одет так? Так ведь Коляда. Референдум. *(Начинает громко смеяться в голос.)* Хэл-ло-у-ин. Весь мир сплошной Хэллоуин! Весь мир – Коляда! Весь мир – нескончаемый референдум. *(Вытирает выступившие на глазах слезы.)* Боже, какой же это всё абсурд. Какой абсурд! *(Мотает головой из стороны в сторону.)*

Глебушка. Тоже мне новость открыли. Секрет Полишинеля.

Роман Андреевич. Согласен, Глеб Вадимович, это не секрет. Давно не секрет. *(Опять начинает смеяться.)* Мы вот планируем. Схемы выстраиваем. Вы вот картины по этим схемам воруете. А тут бац – Коляда! Бац – референдум! И всё! Всё! Конец! Хэллоуин для всех пришел. Русский Адъ.

Настенька. Роман Андреевич, вам плохо?

Лизон. Да он пьяный.

Роман Андреевич. Да я всю жизнь, Лизонька, как пьяный. С этой страной. С той. С «юбочниками», «порточниками». С «ватниками», «пиджачниками». *(Плещет водку в бокал, резко осушает его, крикает, вытирает губы рукавом, им же занюхивает.)* Ничего же спланировать нельзя. Я вот, думаете, зачем вас к себе в гости пригласил? Для чего настоял, чтобы вывезли меня? Я же давно ваш план раскусил. Авиалинии, гробы, картины. Это же

проще пареной репы всё. Проще вареной тыквы, если хотите. Мне ведь главное на чистую воду всех вывести было. Своими руками. *(Распотырив пальцы, протягивает руки вперед.)* Я же сам до всего докапываться привык. А тут бац! И всё наперекосяк... Ты планируешь, планируешь... А всё почему? А потому что – государство... Потому что винты мы этом в механизме. Поршни. Чюх-чюх, чюх-чюх... Куда государство, туда и ты. Как в товарняке на Сибирь. Хоть запланируйся, хоть ты всю свою жизнь на десятилетия разрисуй, а государство тебя всё равно пятилетками раздавит. Референдумами. Голосованием. Колядой этой нескончаемой.

Глебушка *(Михаилу)*. Я же говорил тебе, Миша...

Михаил. Ни хера не понимаю, на! Бухой он, что ли?

Роман Андреевич. Да, Миша! Бухой! Всю жизнь бухой. В щи русские! В пудинг английский!.. Вот вы, думаете, вы все свободны? А хера вам! Фигу вам от государства. *(Показывает мощный кукиш.)*

Лизон. Можно я вас, Роман Андреевич, пофоткаю? Вы такой классный в этом ватнике. И look стильный.

Роман Андреевич. Фоткайте, Лизонька! Фоткайте, чего уж там! Теперь уже всё равно.

Лизон фотографирует.

Светлана Николаевна. Роман Андреевич, вы бы присели! Вы же пьяный.

Роман Андреевич. Да, Светочка, пьяный! Потому что... Как бы это объяснить... Хрестоматийно... Сейчас вспомню... Как же там в драмкружке было?.. Эх, молодость моя. С потрошками и спитым чаем... С кашей на воде... *(Выпрямляется в полный рост, нетрезво раскидывает руки, декламирует.)* Когда я пьян... мне всё нравится. Н-да... А трезвый человек – не свободен... он за всё платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум – человек за всё платит сам, и потому он – не свободен!.. Государство – вот правда! Что такое государство?.. Это не вы,

не я, не они... нет! — это вы, я, они... в одном! *(Тычет в каждого пальцем.)* Понимаете? Это — огромно! В этом — все начала и концы... Всё — в государстве, все для государства! Существует только государство, всё же остальное — дело его рук и мозга! Государство! Это — ужасно! Это звучит... подло! Государство! Надо презирать государство! Не жалеть... не унижать его жалостью... презирать надо! Выпьем же за государство! Хорошо это... чувствовать себя в государстве!.. *(Снова наливает в бокал водку. Пауза.)* Кого бояться человеку?..¹ *(Настенька и Каролина Карловна жиденько аплодируют.)*

Лизон *(смотрит в планшет)*. Круто! Тридцать лайков уже!

Отец Сергей. Как сребреников.

Глебушка. И снова, Сергунь, в райское яблочко попал. *(Роман Андреевичу)* А подобное я уже где-то слышал, антигорький вы наш. Только там попозитивней было. Так что правильно вас освистывали. И батя вечерами порол.

Роман Андреевич. Попозитивней только в классике бывает. А у нас, Глеб Вадимович, бардак, абсурд и суицид реализма. *(Одним махом выпивает водку, хватает пирог со стола, утыкается в него носом, шумно дышит.)* Эх, Рос-си-я! Хлеб да соль. Соль да хлеб. А жрать нечего!

Каролина Карловна. Роман Андреевич, да что произошло, наконец? Вы можете по-человечески говорить?

Роман Андреевич. По-человечески я только сесть могу. Сидеть и сесть.

Лизон. Во! Точно! Где вас так офтошопили?

Светлана Николаевна. Да, вы почему такой белый?

Настенька. И одежда на вас странная.

Лизон *(прыскает)*. Дьявол носит ватник.

Юрий Владимирович *(озабоченно)*. Что с портфелем, кстати, Роман Андреевич?

¹ «Перевертыш» монолога Сатина «О человеке» из пьесы «На дне» М. Горького. *(Прим. авт.)*

Роман Андреевич. Ша на рифму нарвешься, Юрок. На такую рифму, что тебе это рифмованное место курортом покажется.

Борис. Да что случилось?!

Роман Андреевич. Случилось. Очень даже случилось... Беда случилась. Как сказала, Лизонька, офотошопили. Именно что. От-фо-то-шо-пи-ли.

Михаил. Хватит уже волынку тянуть! Рассказывай, наконец. Где был? Без рифмы, на!

Роман Андреевич. А нет уже волынки. Нет. Ну, в общем... По порядку... Был я... *(Опрокидывается на стул.)* Как же это всё по-человечески рассказать?.. Вот вывезли вы меня в гробу. Так? Так. А в грузовом отсеке было, мягко скажем, некомфортно. Холодно. Я вылез. Пробрался в эконом-класс. Сел на свободное место. Потом самолет приземлился. Но вы же в бизнесе летели. Вас чуть раньше выпустили. Я за вами. Дождался, пока вы та-можно прошли. А там уже и сам...

Юрий Владимирович. Как это сам? Вы же в розыске. Вас бы задержали сразу.

Роман Андреевич. Да нет, не сразу... Должок у генерального передо мной. У многих в аэропорту должок. Да и не только там... *(Пауза.)* В общем, в этот раз паспортный контроль я прошел без проблем. Сел в такси. И тут мне грандиозная мысль в голову пришла. А что, если подшутить над вами? Разыграть, так сказать. Быстренько завернули в магазинчик: «Игрушка-праздник». Знаете, есть такая забавная сеть с сувенирами и розыгрышами?

Лизон *(хихикает).* Типа мешочка со смехом?

Роман Андреевич. Типа, Лизонька. Типа. Только пальчик и ушко. Таксиста я отблагодарил. Это мы с ним всё провернули. Он как раз вам и звонил. А мне очень хотелось всю правду узнать. Я же до конца не был уверен, что это именно вы... Ну и узнал.

Борис. Как это?

Юрий Владимирович. Да, непонятно, честно говоря.

Роман Андреевич. А алчность? Алчность никто не отменял.

Да, Каролина Карловна? Снимите кольцо, пожалуйста. *(Нетвердой походкой направляется к Каролине Карловне, берет ее за руку, настойчиво снимает кольцо с руки.)* Колечко-то у меня с сюрпризом. Тут на много гигов памяти. *(Направляется к музыкальному центру, нажимает на кольцо, из него выскакивает флешка, Роман Андреевич вставляет ее в USB-разъем.)* А приёмник всегда со мной. Мало ли. Времена-то какие. Сейчас, сейчас... А, вот...

Слышится промотка звука, друг за другом бегут голоса Кряжистых, наконец отчетливо раздаются:

«Светлана Николаевна. *Копайте уже. Только неглубоко.*

Юрий Владимирович. *Тут глубоко надо, потому что, если не глубоко, то тогда никто ничего не поймет. А если никто ничего не поймет, то получится, что мы белье как бы приподняли, но не копнули...*

Глебушка. *Ты, Юрасик, извини, конечно, но ты... как бы это сказать повежливей... ротожоп.*

Юрий Владимирович. *Простите, я очень нервничаю. Можно убрать эту коробку?*

Каролина Карловна. *Беня...*

Бенедикт. *Куда?*

Каролина Карловна. *Я не знаю куда. Куда угодно. Выброси! Кольцо только сними. И мне принеси!*

Бенедикт. *Голыми руками?*

Каролина Карловна. *На вот, платок возьми...»*

Роман Андреевич *(возвращается к Каролине Карловне, протягивает кольцо).* Оставьте себе, Каролина Карловна. Это немного, что у вас осталось. *(Дарит ей таблетницу.)* В комплект к кольцу шла. Это для прослушки. Я, правда, в ней последнее время таблетки носил. Но вот, видите, пригодилась. А это... Смотрите, если в этом месте шнурок развязать, то цветами можно как наушниками пользоваться. *(Снимает с шеи шотландский шнурок, отдает Каролине Карловне.)*

Каролина Карловна. Как это понимать, Роман Андреевич?

Роман Андреевич. А очень просто. Чудеса техники, что тут скажешь. XXI век. На любой частоте работают. Гамильтон, конечно, уникальный человек по части подарков... Только вот Богородица не уберегла его... И меня с ним... *(Пауза.)* Словом, продолжаю. На такси мы подъехали к вашему дому, послушал я вас, красавцев, и понял: пора за такие вещи наказывать. Крепко наказывать. Ну и уехал. Уединился на какое-то время. В деревеньке одной. При Посаде с Лаврой. Подумал. И решил. А не увести ли мне ваши акции, раз такое дело? *(Резко поворачивается к Светлане Николаевне.)* Да, Светочка?

Светлана Николаевна. Но я ничего не продавала.

Роман Андреевич *(усмехаясь)*. Так никто не продавал. Привыкли в кредит жить. Акции же в залоге у банка были, правильно? А сроки все вышли. Я ведь навел справки по старым каналам.

Светлана Николаевна. Вы не могли так поступить!

Роман Андреевич. Еще как мог.

Юрий Владимирович *(растянуто)*. Цес-си-я.

Лизон. Что?

Юрий Владимирович. Уступка прав требования.

Роман Андреевич. Именно. О чем, собственно говоря, вас всех и уведомляю. Прошу погасить долг.

Светлана Николаевна. Но нам нечем!

Роман Андреевич. Естественно, нечем. Да мне это и не нужно уже.

Светлана Николаевна. Почему это?

Роман Андреевич. Потому что я... Потому что... Дурак! Идиот! Кретин!

Михаил. Это мы и так поняли, на!

Роман Андреевич. Нет. Вы не поняли. Я же не договорил, кому вам надо погасить долг.

Все. Кому?

Роман Андреевич *(членораздельно)*. Го. Су. Дар. Ству. *(Подходит к зеркалу, удивленно смотрит на него, недоуменно пожима-*

ет плечами.) Вот кто главный герой, который не виден, но который везде.

Все (*недоуменно переглядываясь*). Это как так?

Роман Андреевич. А потому что я всё оформлял на доверенную структуру и доверенных людей. Выкупил. Оформил. А потом эти доверенные люди из доверенной структуры ко мне пришли... Вы не понимаете, что произошло! Вы просто не понимаете!.. А мне всё объяснили, как будет — со мной, с вами, со всеми. Какие поцелуи и объятия экспроприации нас всех ожидают. Заметили, как я это слово стал бойко выговаривать? (*Смакует — победно и одновременно горько.*) Экс-про-при-а-ци-я!.. То-то же!.. Понимаете, оказывается, нет доверенных людей в этом мире. И уже неважно, кто сейчас на референдуме победит. «Пиджачники» или «ватники». «Черный квадрат» или «Красный». Не поменяется ничего. Никогда не поменяется... Лиза, Лиза, что же вы за дура такая непроходимая? Зачем вы в соцсетях наши фотографии с Хэллоуина публиковали? Что же вы за идиотка? Нас же пасли всех давно... И меня пасли. С самого аэропорта. И не мне вы теперь должны, а этим доверенным людям, на которых я всё оформлял. Которые не доверенные давно. Которые и есть — государство. Вот тут-то и кроется самое настоящее зло, которое всех пожирает — и бесов, и ведьм, и анчуток. (*Пауза.*) Потому что есть зло пострашнее... Есть Хэллоуин, но есть и — Адъ. Понимаете?

Глебушка. Еще как понимаем. Как говорили в фильме «Олигарх»... Не смотрели, Роман Андреевич? Зря. Очень поучительное кино. Так вот, а говорили там следующее: «Бизнес на доверии заканчивается трагедиями». Лихо вы, конечно, себя сдали. Как стеклотару.

Юрий Владимирович. Так вот вы почему седой. Отпустили?

Роман Андреевич. Ага... Повозили, поговорили, места разные показали. Экскурсию, так сказать, провели. Но потом отпустили, да. Как видите. Кому я теперь нужен? Гриб у дороги. Пустое место. Ноль. Даже не так — минус один... Эх... Никогда не играйте в Гамлета с государством... никогда... (*Пауза.*) Вот, да-

же гармошку именную подарили. Полюбуйтесь. *(Вытаскивает из кармана губную гармошку, забавно играет «Чижика».)*

Глебушка. Храните ее теперь у сердца. Остальным, я так понимаю, крепко поделиться пришлось?

Роман Андреевич. Всё, что в портфеле было. Хотел ведь красиво. По старинке.

Юрий Владимирович. Шантажнуть?

Роман Андреевич *(расплывчато)*. Да нет...

Глебушка. Понятно. На каждого мудреца довольно подлеца.

Каролина Карловна. Хорошо же вы над нами пошутили.

Юрий Владимирович. Скорее над собой. Вот что значит тройную игру вести.

Лизон. Точно.

Пауза.

Настенька *(тихо)*. Прямо как Джек.

Отец Сергей. Воистину.

Все переглядываются.

Светлана Николаевна. И что же нам теперь делать? Вам... Вам сказали?

Роман Андреевич *(вздыхает)*. Еще можете успеть.

Настенька. А вы?

Роман Андреевич. Не знаю. Ничего я уже не знаю... Такое ощущение, что в сердце краб вцепился... Не отражается государство. Вот в чем беда. *(Членораздельно.)* Не от-ра-жа-е-т-ся. *(Приподнимается на носках, колукает ногтем левый верхний угол зеркала, подхватывает двумя пальцами защитную пленку и вдруг резко сдирает.)*

Все. Ох!

Роман Андреевич *(смотрится в отражение)*. М-да, постарел. Как-то враз постарел. *(Задумчиво тербит косички на бороде.)* Вот как бывает. Пытались в смешном страшное спрятать,

а страшное всё равно вылезло. Вылезло, сволочь, и победило.

У Михаила снова звонит смартфон.

Михаил. Да, на! Понял, на!

Каролина Карловна. Что там, Миша?

Михаил. Проблемы, на... Ржавчина началась. Обыски в головняке пошли. *(Бегает вокруг гробов, бряцает декоративными шпорами, хватает картины, тут же швыряет обратно, безумно таращит глаза.)*

Лизон. Жесть. И чё щас делать?

Роман Андреевич. А что в таких случаях делают? Прикидываются мёртвыми. Главное в соответствующие одежды переодеться.

Юрий Владимирович. Кошмар! Сейчас же допросы пойдут. Любой ведь крайним может стать. Тут и пятьдесят первая не по-может¹. Даже если она, как «Отче наш», от зубов отскакивать будет. Бежать надо. Однозначно.

Борис. Успеем еще, успеем... Олен либерали, я анон тайльта турфапайкка. Сукунимени он Кръязистий! Тясса он пассини!

Каролина Карловна. А если нас в аэропорту уже ждут? Может, поездом попробуем? *(Нервно.)* Вас же еще помнят в «эР-Жэ-Дэ»? Да, Роман Андреевич?

Роман Андреевич. Должны помнить.

Настенька. Да ну брось, мама... То же самое будет.

Борис. Надо рискнуть! *(Лихорадочно роется в самоучителе.)* Я беженец из России! Я из Москвы! Олен паколайнен Веняйяль-тя! Олен Московаста!

Лизон. Интересно, а что там с референдумом?

¹ Право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом (в соответствии со ст. 51 Конституции РФ).

Долгая-долгая пауза. Все молча смотрят на Лизон.

Михаил. Дура ты, Лиза! Не до него сейчас! На!

Глебушка (*мотает головой из стороны в сторону*). Ну и бараны же мы все, какие же мы бараны. (*Пауза.*) На заклинании.

Направляется к одному из гробов и выбрасывает из него картины. Пинает их ногами, зло расшвыривает по гостиной. Точно куриную тушку, рубит слова песни: «Цыпленок жареный, цыпленок пареный, цыпленок то-же хо-чет жить... паспорта нету – гони монету, монеты нет – са-дись в тюрь-му...»

Каролина Карловна. Что ты делаешь, Глеб?

Настенька. Что ты делаешь?..

Лизон. Что ты?..

Борис (*по-фински*). Мите?..

Глебушка (*разворачиваясь; отчетливо*). Вам же сказали. Ничего. Ни-ко-гда. Не из-ме-ни-тся. (*Пауза. Долго смотрит на всех.*) Ну, что? «Ко мне, упыри! Ко мне, вурдалаки!» Эх! Начали за здравие... (*Бессильно машет рукой.*) Какие же у нас дремучие судьбы... Сукунимени он Кръязистий! Олен Московаста! С-суки! Мо-ско-ва-ста!

Глебушка влезает внутрь гроба и с грохотом хлопает крышкой. Остальные нерешительно переглядываются, но через какое-то время следуют его примеру. Лизон принимается фотографировать происходящее на планшет, но никто на нее реагирует – ящички закрываются. После чего она делает селфи, машет ручкой олигарху и, похихикивая, тоже скрывается в гробу.

Роман Андреевич включает музыкальный центр, садится на центральный гроб и, вяло покачивая ногой, подыгрывает на губной гармошке унылой мелодии, раздающейся из динамиков.

Вдруг тихо начинает всхлипывать. Затем смахивает скупую слезу, распрямляется и, словно Малевич в кремационной печи, раскидывает руки крестом. Какое-то время стоит в свете про-

жектора. Со словами: «Так скучно, так одиноко. Голова болит...» вслед за остальными исчезает в обитой атласом домовине. С жаккардовым покрывалом и мятым рулоном соц-арта вместо подушки.

В гостиной остаются только гробы.

И тут же за окном надсадно орет петух. Под его крик и стук колес уносящегося в евродадь поезда играет песня распавшейся рок-группы «Агата Кристи» – «Трансильвания»:

Открытая дверь на свежей земле
Мы вколачиваем гвозди,
Чтоб в гробу лежали кости.
Чтоб из-под земли не лез,
На тебе поставлю крест.
Трижды плюну на могилу,
До свиданья, милый, милый,
Милый.
Бывай!

Затемнение. За ним вспыхивает яркий пронзительный свет.

*На сцену выбегает разномастная **толпа** в ватниках и пи-джаках: пенсионеры, студенты и офис-менеджеры. За ними следуют домохозяйки с детьми.*

Мальчики постарше вооружены бутылками с лимонадом: «Бу-ратино», «Тархун» и «Байкал». У девочек конфеты: кульки с «Алёнкой», мешочки с «Красной Шапочкой» и пакетики с «Мишкой на Севере».

Малолетних детей мамы держат на руках. Футболочки с перечеркнутыми анимационными Mickey Mouse и майки с Minnie Mouse в прицельной мишени на розовых животиках малышей чуть задраны. От переизбытка нежности их хочется поцеловать в пузцо.

Толпа шумит, толпа завывает, толпа орет и горланит. «Гром победы, раздавайся!», «Молитва русских», «Боже, Царя храни!», «Рабочая Марсельеза». Всё тонет в чудовищной какофонии криков и звуков. Всё тонет в «Интернационале», «Гимне э-Сэ-Сэ-

Сэ-Р», «Патриотической песне» и «Вопле России».

На древках из стороны в сторону мотаются хоругви с Богородицей, знамена с гербами, штандарты с вензелями. Имперские стяги, советские флаги, российские полотнища. Всё плывет, всё мерцает, всё расплзается.

От шума и гама хочется в гроб, но...

Салют. Ликование. Занавес.

**КАРТИНА ДЕВЯТАЯ
НАСКАЛЬНЫЕ ГРАФФИТИ**

∞

End of story & Game over

Москва, 2012 – 2014 гг.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

РУССКИЙ ХЭЛЛОУИН – НЕ БЕССМЫСЛЕННЫЙ, НО БЕСПОЩАДНЫЙ

– Глеб, нам интересна судьба «Русского Хэллоуина», за который вы получили не одну, и не только литературную, а даже политическую (Демьяна Бедного) награду – ведь это был сначала роман, а потом роман-перформанс. Вам не кажется, что образ олигарха по-прежнему недовоплощён в отечественном искусстве – если не считать исчерпывающим одноимённый фильм (а он и впрямь едва выпрыгивает за уровень детективного сериала) по мотивам биографии покойного Березовского. Образ же ныне здравствующего Абрамовича, ставший в «Хэллоуине» центральным – пытался кто-то перетаскивать на сцену, ведь роман в модификации перформанса это и предполагал?

– Вообще говоря, «Русский Хэллоуин» изначально задумывался не как роман, а как сиквел пьесы «Салон ритуальных услуг». Насколько мне известно, в драматургии только Сухово-Кобылин использовал этот приём. В кинематографе, безусловно, есть и сиквелы, и приквелы, но, насколько я знаю, в современном театре аналогов этому нет. Что касается главного героя, то ни к Абрамовичу, ни к Березовскому он, конечно, никакого отношения не имеет. Это некий собирательный олигархический образ, который в пьесе «Салон ритуальных услуг» вообще являлся второстепенным героем. И поскольку в «Салоне ритуальных услуг» действие, разворачивающееся на Рублёвке, заканчивается тем, что олигарх уезжает в Шотландию, то в «Русском Хэллоуине» всё как раз с Шотландии и начинается, а второстепенный герой становится главным.

В любом случае, это не роман, который стал перформансом,

а наоборот, пьеса, которая по объёму и содержанию превратилась в роман. При этом драматургическую форму я сохранил. То есть вещь выполнена на стыке двух жанров — прозы и драматургии. Я вообще люблю искать редкие, необычные формы. Наверное, поэтому «Русский Хэллоуин» получил не только премии в драматургии, прозе и инсталляциях, но и вошёл в лонг-лист литературной премии Международного кинофестиваля имени Саввы Морозова.

Что касается судьбы «Русского Хэллоуина», то вполне возможно в ближайшие полгода состоится постановка по мотивам романа: в Москве, в «Театральном особняке» под руководством Леонида Краснова. Но загадывать не буду.

Театральный мир настолько изменчив, что строить какие-либо планы на будущее бессмысленно. Скажем, на постановку спектакля по «Салону ритуальных услуг» у меня года четыре как заключён договор с одним театром, тем не менее спектакль до сих пор не поставлен. И это при наличии подписанного контракта. Что там у худсовета в отношении пьесы кардинальным образом изменилось, какие «духовные скрепы» не в те пазы вошли, я уже, признаться, даже не интересуюсь.

— В целом, наш читатель чаще гадает, чем знает точно — как происходят те или иные награждения, кто курирует и финансирует литературные и театральные премии. Просто возникает очередной автор с очередным «орденом» и вроде бы — вот оно, признание... В коридорах этой власти вам удалось почерпнуть что-то интересное не только как претенденту на премию, а ироничному наблюдателю?

— Откровенно говоря, если бы за мной стоял издатель, литературный агент или театральный промоутер, я бы палец о палец не ударил, чтобы участвовать в каких-либо конкурсах и премиях, поскольку у меня отношение к творчеству предельно конкретное: проза должна выходить в книгах, а драматургия — ставиться в театрах. Все эти дипломы, знаки отличия и премии приятны первые десять минут, и если они не имеют финансовой составляющей или не становятся трамплином к по-

следующим публикациям или театральным постановкам, то, по большому счёту, это просто красивые бумажки в рамках. Иногда с вензелями и печатями.

Дело в том, что я вынужден участвовать в различных литературных премиях и конкурсах, чтобы хоть как-то донести свою прозу до читателей, а драматургию до театров. Что касается «коридоров власти», то это давно уже секрет Полишинеля. Почти все драматургические премии так или иначе находятся под жёстким контролем «новой драмы», абсолютно во всех престижных литературных премиях вы будете с завидным постоянством наткнуться на одни и те же издательства, «толстяки» и фамилии шорт-листеров. Это даже обсуждать как-то неловко. На эти темы написаны десятки разоблачительных статей, а воз и ныне там. За последний выбор Нобелевского комитета вообще стыдно. «Политическая пощёчина» Белоруссии и России, думаю, не стоит того, чтобы из-за этого обойти вниманием более талантливых претендентов, чем Светлана Алексиевич. В частности, тот же Харуки Мураками с точки зрения писательской амплитуды, художественного дара и мирового признания объективно более достойный кандидат.

— Никита Михалков подал свою очередную кинематографическую неудачу на «Оскар» — не сам, конечно, подал, но мы догадываемся, как оно происходит и как оно там у него всё «схвачено». Вопрос в связи с этим — а какова вообще система отбора и на скольких кинофестивалях можно «покрутить» своё кино?

— Неудача — это ещё слабо сказано. Вообще говоря, есть категория режиссёров, которым после определённого возраста категорически нельзя снимать. Вспомните, какую конъюнктурную чепуху в конце восьмидесятых-начале девяностых снимал Гайдай. В случае же с Михалковым это ещё и сусально-благостная конъюнктура. Иначе как «гротескным реализмом» я это назвать не могу. И это снял тот же человек, который подарил миру прекрасные картины, которые по праву стали классикой кинематографа. Честно говоря, я это могу объяснить только какими-то глубокими возрастными изменениями...

Что касается кинофестивалей, то это отдельная и очень масштабная тема. На мой взгляд, все эти кинофестивали огромная профанация, рассчитанная на обывателя. Люди, которые не имеют никакого отношения к кинематографу, ведутся на эти премии, поскольку не имеют ни малейшего представления, как это на самом деле происходит.

Первый раз я заинтересовался кинофестивалями, когда мой приятель принёс DVD с фильмом какого-то не то алжирского, не то марокканского режиссёра. Эта дичайшая лабуда была вся увенчана лавровыми венками. После просмотра, я приятелю прямо заявил, что более унылой и беспомощной вещи мне видеть не приходилось, на что получил от него вполне резонный обывательский ответ: «А как же премии? Посмотри сколько наград!» И вот тут я заинтересовался этим процессом. Признаться, даже не ожидал, что так легко можно сделать себе имя на кинематографическом поприще. Хотя, казалось бы, кино делать сложно и достаточно затратно, если это, конечно, не авторское малобюджетное кино, как в блестящих случаях с «Пылью» Сергея Лобана и «Портретом в сумерках» Ангелины Никоновой, когда бюджет первого фильма обошёлся всего в три тысячи долларов, а второго — в двадцать тысяч.

Чтобы было понятно, я приведу только цифры. Для сравнения возьмём литпроцесс. Если подсчитать все русскоязычные престижные литературные премии, достойные фестивали-конкурсы, все драматургические конкурсы, серьёзные поэтические награды и премии «толстых журналов», то в общей сложности по всему русскоязычному миру и во всех жанрах их наберётся немногим больше пятидесяти. При этом драматурги и поэты будут связаны по рукам и ногам только своими жанрами, а стало быть, и конкурсами очень узкой направленности. В русскоязычной драматургии их вообще не больше десяти.

А теперь поговорим о кинопремиях. Режиссёр Алексей Учитель в одном интервью назвал цифру — вы только вдумайтесь — 2000 кинофестивалей по всему миру. Я в СМИ наталкивался на цифру вообще в 4000. Только в России проводится порядка

100 кинофестивалей. Но что удивительно, полнометражных художественных фильмов в России тоже снимается плюс-минус 100. И представьте, что вы не лентяй, и сильно озаботились фестивальной судьбой своей киноленты. Делаете титры к фильму на английском языке и совершенно свободно начинаете окучивать фестивали от Канады до Австралии.

В качестве примера приведу два фильма без оценки качества кинолент и таланта авторов. Полнометражная картина Славы Росса «Сибирь. Монамур» взяла 70 наград на различных кинофестивалях, короткий метр Сергея Цысса «Второе дыхание» участвовал в 300 фестивалях 50 стран мира и получил около 60 наград, то есть фактически «выстреливал» каждый пятый фестиваль. А теперь вообразите, что вы отправили свой фильм даже не на 300, а хотя бы на 100 фестивалей. Предположим, на 50 фестивалях вашу ленту по тем или иным причинам в конкурсную программу не отобрали: не понравилась работа, не подходит по тематике фестиваля, вы в соцсетях зацепили кого-то из членов жюри и т. п. А в 50, напротив, к фильму отнеслись вполне благосклонно. Если вы сняли не откровенную чушь, то 5–10 наград вам обеспечено. Причём на кинофестивалях номинаций же масса: Гран-при, лучшая режиссёрская работа, лучшая операторская работа, лучший сценарий, лучшая мужская роль, лучшая женская роль, лучшая роль второго плана, лучшая музыка, приз зрительских симпатий. Конечно, на «Оскар» сам себя, любимого, не подашь, тебя должны именно «выдвинуть», но для участия в большинстве кинофестивалей вообще никто не нужен. Зачастую достаточно в электронном виде заполнить анкету и выслать ссылку на скачивание фильма. И это при том, что возможность участия в подавляющем количестве фестивалей вообще бесплатная, а где-то имеет очень символическую сумму. Более того, это участие, как правило, ещё и не ограничено географически. Как я говорил, вам достаточно сделать титры.

Скажу больше, существует ряд компаний, которые специализируются на продвижении и отправке фильмов на российские и зарубежные кинофестивали. Например, услуги «Cinergoto»

стоят «6 500 руб. ежемесячно за 200 +\– фестивалей в год, что составляет по 15 +\– фестивалей в месяц». И вот вы уже во Франции, Италии, Германии. И тут ведь есть ещё один нюанс. Обыватель не делает различия, скажем, между конкурсной программой короткометражных фильмов Каннского кинофестиваля и «Short Film Corner» Каннского кинофестиваля.

Поясню, чтобы было понятно. Представьте себе Московский зоопарк, около которого ютится небольшой зверинец. Вот этот «Уголок короткого метра» и есть тот самый зверинец при Каннском фестивале, который прямого отношения к конкурсу короткометражных фильмов не имеет, являясь всего-навсего «площадкой для творческого и делового общения профессионалов и продвижения короткометражного кино», что, собственно говоря, прямым текстом следует из информации, размещённой на официальном сайте Каннского кинофестиваля. Фактически это такой ларёк «Союзпечати», примкнувший к супермаркету. Поэтому когда какой-нибудь режиссёр бахвалится в СМИ и блогах участием в Каннском фестивале, не поленитесь, помониторьте, в какой программе его фильм принимал участие.

Теперь по поводу уровня фестивалей. Многие российские режиссёры делают упор только на международные кинофестивали категории «А», которые утверждены Международной федерацией ассоциаций кинопродюсеров (FIAPF), такие как Каннский, Берлинский, Венецианский, Шанхайский кинофестивали, фестиваль в Локарно, в Карловых Варах, ММКФ и т.п., либо ориентированы на достаточно знаковые российские кинофестивали, скажем, «Кинотавр», и вообще больше чем в десяти-двадцати фестивалях участия не принимают, берут, что называется престижем, а другие, напротив, «режиссёрский вес» набирают количеством и шлют свои фильмы от Торонто до Сиднея, от Камчатского края до Калининградской области. Ведь сегодня любая уважающая себя «деревня» считает своим долгом пустить «красную дорожку» к клубу. И всё что потом требуется от режиссёра, это просто ездить по этим «деревням» за своим детищем, отлавливать журналистов и раздавать ин-

тервью. Всё. Иллюзия «режиссёрского имени» создана. Дальше уже идёт манипуляция гипотетическим зрителем в соцсетях, который видит только скан диплома где-нибудь в фейсбуке и нежное нарциссическое селфи со статуэткой, не понимая, что эта премия никакого престижа в кинематографической среде вообще не имеет. Тем не менее по соцсетям тут же несётся лава из любвеобильных лайков и щедрых перепостов, а журналисты подхватывают режиссёрские байки про международные награды. Таким образом аудитории очень легко запудриваются мозги.

Я не буду называть фамилию одной дамы, но как-то на ютубе я посмотрел её совершенно чудовищную короткометражную работу. Причём – что с точки зрения содержания, что с точки зрения технического уровня. И что бы вы думали? Работа завоевала две премии в США на каких-то одному американскому богу известных фестивалях. О чём это говорит? О том, что даже откровенный бред имеет все шансы получить награду. Словом, колоссальная девальвация кинопремий произошла. И причина тут одна – это их невероятное, совершенно запредельное количество. Обыватель же, как я говорил ранее, с одинаковым успехом проглотит и Каннский кинофестиваль, и его «уголок».

– Политическая конъюнктура в истории всех награждений Михалкова очевидна: в начале 90-х требовалось «советское покаяние», оно и было получено в «Утомлённых солнцем», но вряд ли можно на этом закончить список «политически подгадавших». Появление, например, в кинопремиантах такой упаднической вещи, как «Овсянки» – чем на ваш взгляд может быть обусловлено? Сползанием «прогрессивной» интеллигенции через православие уже в откровенное язычество?

– Всё гораздо проще. Дело, конечно, не в православии и не в язычестве. Надо просто понимать, что конъюнктура бывает двух видов. Патриотическая и либеральная. Часть фестивалей, они как раз ватнического толка, часть, напротив, белоленточного. И аудитории у этих премий соответствующие. Тут главное держать нос по ветру. А большинство режиссёров,

к сожалению, ориентированы не столько на зрителя, сколько на статуэтку, поскольку сегодня во главу угла ставится не талант, а тщеславие. В киносреде даже есть такая шутка: «Хочешь оторвать премию? Посмотри, какой фильм получил на этом фестивале в прошлом году Гран-при и сними нечто похожее». Поэтому множится очень много унылого авторского кино «за жисть». С утомительным и длинными планами, чернушной драматургией, маргинальными героями. Этакий а-ля русский экзистенс. «Овсянки», к слову сказать, не такое уж плохое кино. Есть гораздо более фестивально-унылая тягомотина, мало имеющая отношения к жизни. В итоге получается никому не нужное плагиативное «фестивальное кино», в котором по едкому замечанию Светланы Проскуриной «человек два часа конструируется по экрану».

Помню, во ВГИКе даже ходил анекдот на тему премиального кино. Режиссёр говорит актёру, стоящему на берегу моря: «Пойди у воды. Посмотри вдаль. Постой, покури. И побольше задумчивости». Актёр спрашивает режиссёра: «А о чём всё-таки этот фильм? Какая моя сверхзадача?» Режиссёр: «Тут нет сверхзадачи. Это фестивальное кино. Оно о нас, о всех о нас...» Вот в таком ключе, к сожалению, сегодня российское кино и снимается. Якобы про нас, но почему-то в это невозможно поверить, да и смотреть можно только хорошо насосавшись водки и желательно с кокаином.

А проблема тут одна: дело в том, что не рассказываются внятные, крепко сбитые, драматургические истории. В киноленте будет что угодно: шалтания-болтания героев по экрану, длинные планы, будут задействованы краны, рельсы, стэдикамы и «долли», но не будет главного — взаимоотношений между людьми. Но зато в каждом режиссёре откроет глазки маленький Тарковский или Герман-старший.

Из всего потока киноработ прошлого года я вообще могу выделить только две киноленты — это «Дурак» Юрия Быкова и «Класс коррекции» Ивана Твердовского. Поэтому не стоит удивляться, что наш кинематограф находится в глубокой, ну, вы

поняли где... И тут, конечно же, дело не в зашоренных недалёких зрителях, а в самих режиссёрах. Снимая кино «не для всех», они фактически снимают кино «ни для кого». Поскольку всё это кино из разряда «для меня, членов жюри и моего кота на кухне». Ни о каком серьёзном прокате тут речи быть не может, поскольку и бесплатно в Интернете это зачастую смотреть невозможно...

А вспомните одиозный «Левиафан» Звягинцева. Если заметили, это был чуть ли не единственный фильм прошлого года, который просто казнили в соцсетях за сценарий. Там же веры нет прежде всего в бытовые отношения между героями. То есть показана такая сценарная чушь, якобы происходящая в российской глубинке, которая очень по сердцу либералам-западникам, но в которую крайне сложно поверить, просто начав анализировать сам сценарий и взаимоотношения между героями. И я, откровенно говоря, удивлён, что Звягинцев снял визуально любопытное кино с крепким актёрским ансамблем и, как всегда, изумительной операторской работой, но при этом на таком рыхлом материале.

В принципе, я предполагаю, почему это происходит. Дело в том, что Звягинцев — это такой Михалков наоборот. И если один стал снимать пафосную белиберду для «людей в погонах», то другой с упорством плодит фестивальную конъюнктуру для «любителей печенек».

— **А сами не хотите что-нибудь снять? У вас же одно из образований ВГИК-овское, мастерская великого Марлена Хуциева.**

— Это сложный вопрос. С одной стороны, я очень не люблю незавершённые гештальты, с другой, прекрасно понимаю, что в индустрии могу рассчитывать только на малобюджетное авторское кино. И тут есть большой соблазн начать снимать фестивальный унылый бесперспективняк, просто потому что нет ничего проще, как слепить нечто тяготное и якобы элитарное. А плодить очередной деструктив мне искренне не хочется. Снимать же ради того, чтобы снимать — я тоже не вижу смысла.

Есть и ещё одна проблема. Кино для меня это как раз тот

случай, когда мне мешает собственное воображение. Многие сравнивали мой роман «Флёр» с киноработами Терри Гиллиама. Но то, что я могу себе позволить в прозе, невозможно воплотить в кино без наличия колоссального бюджета. А его не будет, тут надо быть реалистом. Но желание снимать, безусловно, есть. Тем более, что с технической точки зрения снять кино сегодня можно и без вложения огромных средств. Поэтому дело осталось за малым. Наступить на горло собственному воображению, не прельститься фестивальными ветрами и веяниями и постараться снять что-нибудь просто человеческое.

Беседовал Дмитрий ЧЁРНЫЙ

«Литературная Россия»,

№36 (2719), 16 октября 2015 г.

ИЗЮМИНКИ И БЕЗУМИНКИ В СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

Главным событием культурной программы VIII фестиваля театров малых городов России в Вышнем Волочке была встреча зрителей, участников и гостей фестиваля с писателем и драматургом Глебом Нагорным, сыном известного поэта, заслуженного деятеля искусств РФ, Юрия Кобриня. Литературный псевдоним Глеб Юрьевич взял по девичьей фамилии матери. Он – член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Союза театральных деятелей Российской Федерации, лауреат ряда литературных премий, автор романа «Флёр», сборника новелл и рассказов «День Города», пьес «Лайф-Лайф», «Салон ритуальных услуг» и «Красная Мельница».

По первой и основной профессии он – юрист. Член Адвокатской палаты г. Москвы, Межрегиональной коллегии адвокатов г. Москвы и Профессионального союза адвокатов России. По его собственному признанию, именно юриспруденция дает ему средства к существованию. Но к своему увлечению литературным творчеством, театром и кинематографией он подошел вполне профессионально – к трем высшим образованиям (юридическо-

му, экономическому и психологическому) прибавился факультет кинорежиссуры ВГИКа им. С. А. Герасимова (мастерская М. М. Хуциева), школа актерского мастерства при театре-студии под руководством В. А. Конкина и актерский курс при театральном центре «Гримерка» в Москве. Снимался в кино и выступил в качестве режиссера-постановщика ряда короткометражных фильмов, кандидат в члены Гильдии кинорежиссеров России.

На этом фестивале поставленный по его пьесе спектакль «Life-Life» с успехом показал в конкурсной программе Молодежный драматический театр города Тольятти. Спектакль стал лауреатом фестиваля в номинации «Лучшая сценография». По традиции фестиваля сразу по окончании показа состоялся арт-клуб – обсуждение спектакля с участием артистов и членов жюри. Критики сошлись во мнении, что пьеса – образец хорошей литературы. Кандидат искусствоведения из Москвы Ольга Игнатюк отметила, что в отличие от большинства современных драматургов, автор словно бы прорежиссировал будущую постановку. Его ремарки отличаются обстоятельностью и дотошностью – «Бери и ставь!» Жюри фестиваля присудило Глебу Нагорному диплом за создание пьесы на современную тему.

А вот какой разговор с драматургом состоялся в театральной гостиной.

– **Что больше всего Вам понравилось на фестивале?**

– Вышневолоцкие зрители. В зале было много молодежи, подростков. Они оказались очень подготовленными и благодарными зрителями, живо реагировали на все, что происходило на сцене. После антракта начали аплодировать еще до открытия занавеса. А когда артисты вышли на поклон, зал приветствовал их стоя. Это очень приятно и говорит об отношении публики не только к просмотренному спектаклю, но и к театру вообще.

– **Какую сверхзадачу Вы ставите перед собой, приступая к написанию пьесы?**

– Я стараюсь писать так, чтобы это было литературное про-

изведение, которое интересно читать. Ведь обычно пьесы тяжело читаются и далеко не все ставятся. Это большая удача, если кто-то из режиссеров выберет твою работу, да она еще и приживется в репертуаре театра. Или по твоему сценарию поставят фильм.

– Над чем Вы сейчас работаете, какие темы Вас волнуют?

– Работаю параллельно над несколькими вещами. Правлю пьесу «Русский Хэллоуин», действие которой происходит в Англии. Изредка пишу новеллы и рассказы. Но катастрофически не хватает времени, поскольку с головой погружен в адвокатскую деятельность, а творчество для меня только хобби.

Что касается тем, которые меня волнуют, то мне интересна судьба небольших провинциальных городов и их жителей. Например, в пьесе «Красная Мельница» действие происходит на шерстемойной фабрике, которая на первый взгляд выглядит гротескно, но такая фабрика существует в действительности. Жаль только, что и такие фабрики, и такие города, как Вышний Волочек, если ничего не предпринимать, через несколько десятков лет могут просто исчезнуть. Надо об этом писать и говорить, надо бить в набат, поскольку в этом целиком и полностью виновата проворовавшаяся исполнительная власть, рассекающая по рытвинам и ухабам наших городов на джипах.

– Как Вы относитесь к современной драматургии?

– За современной драматургией я слежу. К сожалению, в ее потоке много вещей, далеких от литературы – автор что видит, то и поет, калькируя действительность и напрочь забывая об изобразительных средствах. Более того, есть вещи, которые ни при каких обстоятельствах нельзя показывать со сцены. Это уже вопрос эстетической культуры и хорошего вкуса. Много «чернухи», к тому же авторы зачастую небрежно обращаются со своими героями и фактическим материалом. И все это выплескивается на зрителя.

Однако произведения молодых драматургов надо читать, в их потоке можно и нужно искать и находить по-настоящему интересные работы.

– В наше время опубликовать любое литературное произведение – проблема, пьесу – тем более. Есть опасение, что самое интересное как раз и окажется неопубликованным...

– Для этого есть Интернет. Я, как и множество других авторов, этим широко пользуюсь, и все мои тексты, как опубликованные в печати, так и ждущие своей очереди, размещены не только у меня на сайте, но и на серьезных литературных ресурсах – «Журнальный зал», «Читальный зал», «Мегалит», «Топос», «45-я параллель».

– **Какие ощущения вызывают у Вас постановки ваших пьес?**

– Мне интересно увидеть каждое режиссерское прочтение. Например, спектакль «Life-Life» два сезона при полном аншлаге шел в Русском драматическом театре Литвы и третий сезон идет в Ставропольском академическом театре драмы имени М. Ю. Лермонтова. Сейчас готовится постановка в Мурманском областном драматическом театре. В Ставропольском академическом театре пойдет пьеса «Салон ритуальных услуг». У режиссеров разные подходы к теме, спектакль живет и развивается. Мне было бы интересно, как его поставят на других подмостках, например, в Вышневолоцком драмтеатре или в Москве. Даже если пьесу в разных театрах ставит один и тот же режиссер, спектакли похожими не бывают, поскольку артисты, сценографы, музыка и, конечно, зрители – другие.

– **Что Вас затронуло в последнее время из увиденного в театре или кино?**

– Знаете, я всегда стараюсь объективно воспринимать то, что вижу на сцене, безотносительно к личности авторов и режиссеров. Скажем, мне не все нравится у Кирилла Серебренникова и не очень понятна ситуация с его назначением художественным руководителем Театра имени Гоголя, но «Зойкина квартира» в МХТ им. А. П. Чехова в его постановке – блестящий спектакль. Кроме изумительной режиссуры, сценографии и актерских работ там много всяких изюминок, фишечек и фенечек. И при этом не потерялся Булгаков, остался его мастерско-марга-

ритовский взгляд. В кинематографе из последнего я в восторге от «Фауста» в режиссерском прочтении Александра Сокурова и «Меланхолии» Ларса фон Триера. Из прочитанного — любопытны пьесы братьев Пресняковых. Их тексты с безуминкой, но без безумия.

— Какие черты характера Вы особенно цените в людях?

— Обязательность и верность слову. В Москве есть замечательный литератор Евгений Степанов — гендиректор холдинга «Вест Консалтинг» и главный редактор нескольких газет и журналов, в том числе журнала «Дети Ра», в рекордные сроки опубликовавший мои новеллы и рассказы в ряде изданий. Для Москвы это вообще редчайший случай, чтобы человек дал слово не ради красного словца, а ради конкретного дела, и сдержал это слово. Я, конечно, Евгению Викторовичу за это очень признателен.

— Вы автор романа «Флёр». Есть задумка написать другой роман?

— У меня есть черновики еще двух незаконченных романов. Но для того, чтобы книги дошли до своего читателя, нужен хороший менеджмент. К сожалению, издатели романа «Флёр» оказались симпатичными людьми, но исключительно непрофессиональными менеджерами. Они издали роман с изумительными иллюстрациями и потрясающей полиграфией, но ровным счетом ничего не делали для продвижения романа на рынке. Подобная ситуация была, если не ошибаюсь, у Пауло Коэльо с издательством «София», когда его книги кормили мышью на складах, пока в издательстве не поменяли менеджерский состав. В итоге с издателями «Флёра» пришлось поступить достаточно жестко, но справедливо, через два года раздувания щек, обещаний и ничего не делания с их стороны — я расторг договор. В настоящее время все авторские права в полном объеме принадлежат мне. Видимо, люди забыли, что я прежде всего адвокат, а потом уже писатель.

— Сейчас театр все больше склоняется в сторону режиссерского театра, а актеры там только выполняют замысел поста-

новщиков. Как Вы к этому относитесь?

— Когда я учился в институте кинематографии, у нас в группе были все режиссеры. А откуда брать актеров? Из своих. И когда я снимался в качестве актера, режиссерские амбиции приходилось прятать подальше. Иначе на съемочной площадке воцарится хаос. То же самое и на сцене. Пожалуй, я соглашусь с режиссерским театром.

— Вот пьеса написана. Как дать ей сценическое воплощение?

— Написал я «Лайф-Лайф» в 2006 году и начал ходить с распечатками по театрам Москвы. Так вот, в МХТ им. А. П. Чехова в 11 часов утра на проходной у секьюрити уже лежала пачка пьес. Сами понимаете, при такой конкуренции пробиться крайне тяжело. Правда, пьесу через неделю после написания собирался ставить Леонид Трушкин в Театре на Малой Бронной. Мы вели переговоры, и он предлагал мне писать специально для театра в год по пьесе, но что-то у него не сложилось с труппой, и худруком театра он пробыл очень не долго. В итоге постановка так и не сложилась.

А Владимир Хрущев из Молодежного драматического театра города Тольятти увидел эту пьесу уже в Ставропольском академическом театре в постановке Юрия Попова, и она ему очень понравилась. Что из этого получилось, зрители и коллеги видели на фестивале. Нередко случается, что сначала пьеса идет по провинции, а потом ее замечают в столице. Так было, если не ошибаюсь, с «Одноклассниками» Юрия Полякова. А вообще, на пробивание своих вещей, к сожалению, уходит больше времени, чем на написание. У нас ведь совершенно не развита система продюсирования. По уму, автор должен только писать, а доносить его произведения до читателя и зрителя должны литературные агенты и продюсеры. В Российском книжном союзе около 150 издательств, но политику определяют два гиганта, и авторы зачастую становятся заложниками политических игр на этом поле.

— Кого из драматургов XX века Вы выделяете?

– Пожалуй, Вампилова. А вот Эжена Ионеско я не люблю, хотя его «Носорог» сценически сделан безукоризненно. Но если в «Носороге» есть метафоричное содержание и форма, то в «Лысой певичке», «Уроке» и «Стульях», на мой взгляд, есть только форма. Понимаете, я не люблю откровенный бред, который мне активно подают ангажированные критики под соусом интеллектуального абсурда.

– А что из западной классики любите?

– Это покажется странным, но писать я начал после прочтения Генри Миллера. Люблю Ремарка, хотя оба эти автора стали с годами повторяться. Вообще, я учился в школе, которую мы в шутку называли школой с англо-литературно-историческим уклоном, и литературу в нас буквально вбивали, поэтому мы, как могли, изворачивались, используя в сочинениях чужие рецензии. А когда я прочитал Миллера, то понял, что, оказывается, можно писать по-другому – не хрестоматийно, не по правилам. Очень люблю Набокова. Особенно ценю умение работать со словом, что, как правило, не свойственно современным прозаикам. Не говоря уже о том, что многие занимаются самоплагиатом и переписывают самих себя. Те же Пелевин и Сорокин сегодняшние ничем не отличаются от самих себя десятилетней давности.

– Вам не хочется самому поставить свою пьесу или снять по ней фильм?

– Знаете, каждый должен заниматься своим делом. Но, как говорится, не зарекаюсь. Вообще, в институт кинематографии я поступал уже после тридцати лет на платное отделение, реализовав свою давнюю мечту. Думал, что достаточно заплатить для поступления. Но оказалось, что на каждое место претендуют около 24 человек, а приемные экзамены шли в четыре тура и продолжались с апреля по сентябрь. В итоге я был принят в мастерскую народного артиста СССР М. М. Хуциева – человека удивительно талантливого. Многие из моих сокурсников сняли фильмы, получили какие-то премии на кинофестивалях, но почти все возвратились в свою прежнюю профессию, потому что

надо кормить семью и иметь стабильный заработок. Конечно, есть мечта снять свой фильм, но для этого нужны колоссальные деньги. Поэтому скорее всего это будет авторское малобюджетное кино. Но хочу заметить: неправда, что нет хороших современных пьес и сценариев. Они есть, их много, но им очень трудно пробиться на театральную площадку, не говоря уже о кино.

– Почему с темой постановки своей пьесы Вы связали кино, а не театр?

– Наверное, потому что по одному из образований я кинорежиссер. А вообще, у нас в семье разделение труда. Отец отвечает за поэзию и мемуары, а я – за прозу, драматургию и публицистику. Мама – литературный редактор и самый строгий критик. Но повторяюсь, каждый должен делать свое дело. И как можно лучше...

Беседовала Нина АЗАРИНА

«Дети Ра»,

№2 (100), февраль 2013 г.;

«Поэтоград»,

№6 (57), февраль 2013 г.;

«Тверской курьер»,

№17 (493), 16 ноября 2012 г.

ПИСАТЕЛЬ – ЭТО СТИЛЬ

Нашумевший «роман-файл», как называет его автор, а вслед за ним и критики, и читатели, ставший на данный момент самым известным произведением Глеба Нагорного, бесспорно, хорош и интересен. Но творчество этого автора не ограничивается лишь одним произведением, а сами его работы отличаются друг от друга и по стилю, и по реализации. Главы его нового произведения вы можете увидеть на страницах бумажного издания «Контрабанды». А сегодня мы поговорим с их автором – юристом Глебом Нагорным. Это не ошибка, Глеб Нагорный в самом деле юрист. Но, кроме этого, он еще и писатель. О том, кого в нем больше, писателя или юриста,

о его старых и новых книгах и немного о вечном.

«Контрабанда»: Ваш роман называют «роман-файл». Это рождает много ассоциаций с компьютерами, техникой, программированием... это намеренно? В нем есть какая-то «программа», которая взаимодействует с «пользователем»?

Глеб Нагорный: Безусловно. Тем более что главный герой, Флёр, сам является одновременно и файлом, и романом. Это намек на то, что все мы без исключения являемся файлами и живем в своеобразном компьютере. По моему глубокому убеждению, люди рождаются неравными по определению — с изначально заложенными в них программами, разными потенциалами и векторами. Понимаете, чтобы стать Ломоносовым, нужно родиться с талантами Ломоносова. Грубо говоря, быть запрограммированным. Поэтому вопли о всеобщем равенстве и братстве и единых для всех правах — все это от лукавого. Человек, рожденный в фавелах Рио-де-Жанейро или трущобах Дели, уже по вложенной в него программе не равен младенцу из Виндзорской династии. Да что там далеко ходить, соционика насчитывает шестнадцать психотипов. Все это совершенно разные люди-файлы. А теперь относительно самого компьютера. На протяжении всего своего существования человечество не выдумывало ничего, что бы ни наличествовало в том или ином виде в природе. Скажем, летательные аппараты — все это трансформации уже существующих в мире конкретных примеров. Попросту говоря, пернатых. Так и с компьютером. Сильно подозреваю, что кто-то гениально считал суть, если хотите, внутреннюю изнанку мира и в итоге создал пластмассовую коробку с программами, файлами, всемирной паутиной и виртуальной жизнью. Кто вы? Человек или блог? Файл дрожащий или право имеете? Примерно это я и пытаюсь донести до читателя-пользователя.

«Контрабанда»: Когда Вы начали писать, как сами отреагировали на это? Вот жил человек, работал, и вдруг — писатель... Как оно было?

Глеб Нагорный: Откровенно говоря, никаких особых изменений я в себе не ощутил. Мне было просто любопытно попробовать. Я попробовал. Вроде бы получилось. Стал продолжать. Тем более что для писательства никто, кроме самого себя и ноутбука, не нужен. В отличие, скажем, от кинотворчества с колоссальными финансовыми вложениями или изобразительного искусства с приобретением холстов, красок, багетов и прочих материалов. В этом плане прозаикам или поэтам, конечно, гораздо легче, чем людям других творческих профессий. Да и энергетические затраты у них, на мой взгляд, существенно ниже. А я, надо сказать, человек достаточно ленивый.

«Контрабанда»: Кем Вы себя ощущаете – писателем, который еще и работает в юриспруденции, или юристом, который пишет книги?

Глеб Нагорный: Я, безусловно, юрист. Но, скажем так, с творческим потенциалом. Но писателем, тем не менее, себя не ощущаю. Дело в том, что за двадцать лет я так ни разу своей профессии и не изменил. Может быть, и хотел бы что-то кардинально поменять с профессиональной точки зрения, поскольку, откровенно говоря, юриспруденция достаточно скучна и однообразна, но творчество сейчас мало кого кормит. Поэтому вопрос писательства для меня скорее просто забавное времяпрепровождение. Тем более что мало кто в наше время может назвать себя писателем, зарабатывающим именно литературным трудом. Таких людей, наверное, по пальцам пересчитать можно. Литературные журналы в подавляющем большинстве гонорары не платят, а если и платят, то этих денег хватает на пару бизнес-ланчей. Колоссальное количество книг выходит в самиздате. Даже под шапкой именитых издательств. Есть, конечно, топовые авторы. Но их с десяток-другой. Остальные, как вы понимаете, сидят в фейсбуке – разбрасывают ссылки на свое творчество и, к сожалению, нередко вынуждены собирать деньги на издания своих книг краудфандингом. Даже союзы писателей давно превратились в формальные организации, которые многие годы попросту не выполняют своих непосред-

ственных функций — защиты и материальной поддержки авторов. А успешный писатель — это ведь не только чистое искусство, это еще и тиражи, и гонорары, и выделенная от союза квартира, и творческие путевки. Как, собственно говоря, было четверть века тому назад. Вообще творческий человек не должен быть сирым и убогим, иначе он плохо кончит. Фраза «художник должен быть голодным» — это, на мой взгляд, редкая по своей циничности демагогия. А за последние тридцать лет творческая среда оказалась, к сожалению, полностью разваленной и финансово незащищенной. Причем это происходит не только в литературной сфере, но и в театральной, и в кинематографической. На десяток топовых писателей приходится десятки тысяч членов разнообразных союзов. ВГИК, ГИТИС, Щукинское и Щепкинские училища ежегодно выпускают тысячи безработных актеров и режиссеров. А на экранах при этом мы видим одни и те же лица. Творческая профессия сегодня фактически убита государством — и, на мой взгляд, это не менее актуальная проблема, чем проблемы мизерных пенсий, деградирующего образования и некачественной медицины. И если раньше люди рвались в творческие союзы и гильдии, считали за честь быть принятыми в профессиональные ряды, то сегодня все эти союзы-гильдии превратились в пустой звук. Не говоря уже о том, что только в нашей стране возможна ситуация, когда знаменитый писатель, актер или режиссер умирает в глубокой нищете.

«Контрабанда»: А что вообще, по Вашему мнению, делает человека писателем? Что он должен сделать, сказать, каким быть, чтобы иметь право называться писателем?

Глеб Нагорный: Ну, прежде всего, он должен владеть языком. Под этим я подразумеваю не просто навык соединять слова во фразы, а умение из этих слов и фраз создавать самобытные сюжеты. Причем не только основанные на содержании, но и на стиле. Вы никогда не перепутаете, скажем, Гоголя с Набоковым, а Набокова с Булгаковым. Дело в том, что писателями их делали в первую очередь уникальный стиль и неповторимый

язык. К сожалению, современная литература очень «размыта» в этом плане. Вы можете прочесть, на первый взгляд, топовую книжицу популярного автора, — как принято говорить, «знакового», — но на поверку окажется, что такую книжку мог бы с легкостью симитировать его коллега по цеху. Блины, как известно, все умеют печь, а вы попробуйте бисквитный торт создать. Так что: писатель — это стиль.

«Контрабанда»: Вы продумываете идею или она приходит и требует быть написанной, а Вы уж после ее шлифуете и вносите правки?

Глеб Нагорный: Зависит от конкретного произведения. Скажем, роман-файл «Флёр» — был чистой идеей, пришедшей извне. Безусловно, после написания я вносил правки и шлифовал, как, собственно говоря, всегда делаю со своими произведениями, но что-либо придумывать... Нет, скорее я просто успевал отображать события и записывать за героями. Но, конечно, есть и такие вещи, которые мной, если так можно выразиться, «спланированы» от начала и до конца. Скажем, рассказ «День Города» или пьеса «Русский Хэллоин». В любом случае, просто одной идеи, пусть и пришедшей извне, недостаточно. Этому еще надо придать форму. А форма придается писательским опытом, мало имеющим отношения к чистому творчеству. Это уже — работа. Где-то даже ремесло.

«Контрабанда»: Если бы Вы знали, что следующий Ваш роман изменит жизнь каждого, кто его прочитает, о чем бы Вы написали?

Глеб Нагорный: Честно говоря, я не верю в то, что какой-то роман может изменить жизнь каждого. Люди по своей природе очень не похожи друг на друга. На мой взгляд, это было бы бессмысленное рассуждение — голословное и умозрительное. Вот, к примеру, Библия. Казалось бы, универсальная книга. Наравне с ней существуют Бхагавад-гита, Тора, Коран. Тоже не менее уникальные произведения человеческого ума и духа. И все они вроде бы об одном и том же. О Боге, любви, всепрощении. А посмотрите, сколько крови от этих книг. От их универсальности

и уникальности. Потому что не от книг это зависит, а от тех, кто их читает. Один Библию прочтет и покается, изменит в себе что-то, придет к переосмыслению всей своей жизни, неблаговидных поступков, а другой, — с этим же Священным Писанием под мышкой, — побежит в супермаркет людей расстреливать, жарить «майские шашлычки», мародерствовать.

«Контрабанда»: Где выход из тупика однообразности современного искусства?

Глеб Нагорный: Выход очень простой. Стараться не равняться на других. Не превращаться в креативное стадо, которое все время оглядывается на моду, тенденции и тусовку. Делайте свое, пишите, как *вы* чувствуете и как именно *вы* видите этот мир. Тогда и однообразие исчезнет. Но языку учиться, в любом случае, надо у классиков.

«Контрабанда»: Как Вы думаете, бумажная книга умрет, уступив место цифре, или труд писателя, перенесенный на бумагу, всегда будет привлекать настоящих ценителей литературы?

Глеб Нагорный: Я думаю, они будут существовать, не мешая друг другу. Потому что это вопрос скорее привычки. Кто-то предпочитает читать цифровую книгу. Для кого-то приятней держать «живую» книгу в руках. Конкретно про себя могу сказать, что в метро я стараюсь читать «цифру» — это просто эргономичней. Но дома я, безусловно, беру в руки реальную осязаемую книгу. Пахнущую типографской краской. На самом деле никто здесь никому не наступает на «информационные пятки». Это скорее вопрос удобства получения информации из разных источников. Лично во мне «цифра» с бумагой в жесткое противоречие не вступают.

«Контрабанда»: Мода в литературе — это хорошо или плохо?

Глеб Нагорный: Это не хорошо и не плохо. Это — данность. Как новые модели кроссовок с липучками и пиджаков с «локтями». Что-то становится классикой, что-то живет один сезон. мода необходима, но надо отдавать себе отчет, что все, что модно сегодня, не факт, что будет оценено завтра, да и вообще кому-либо нужно. Поэтому не стоит гнаться за модой. Много вы знае-

те тряпок из 70-ых, которыми восторгались наши родители, отстаивая километровые очереди, и которые ровно так же востребованы сегодня? Вот с литературной модой ровно то же самое. В классику войдут десятки, а то и единицы. Как бы ни хотелось туда попасть всем союзам писателей с их «почвенниками» и «постмодернистами». Кто останется? Никто этого не знает. Но уже сегодня очевидно, что далеко не все «модные литераторы» будут нужны литературе в ее пафосном понимании. Поскольку мода на этих авторов зачастую поддерживается не за счет качества произведений, а искусственным путем: при помощи massированных пиар-атак. Какие только маркетинговые ходы тут не задействованы: и СМИ, и соцсети, и резонансные статьи, и рецензии критиков, и интервью по ТВ, и баннеры на улицах, и реклама в метро. Примерно таким же образом у нас зубную пасту и стиральные порошки продают. По сути, все это «Основы маркетинга» Филипа Котлера. Отношения к литературе и искусству это не имеет.

«Контрабанда»: Часто успешные вещи сейчас получают продолжение, что в литературе, что в кино. А кто-нибудь еще «попадет в файл»? У Вашего самого знаменитого романа ожидается продолжение или это Вам не интересно?

Глеб Нагорный: Сложно сказать. Задача, которую я поставил себе этим романом, на мой взгляд, была мной полностью реализована. Роман состоит из многочисленных пластов и подтекстов. Этого я, собственно, и добивался. Но помимо содержания, я еще делал акцент и на игре с языком: на аллюзиях, метафорах, афоризмах, неологизмах, каламбурах и т. п. Не могу сказать, что мне сегодня особо интересно к этому возвращаться. Но, если и вернусь, думаю, это уже будет немного другая история. Вопрос в другом. А есть ли смысл входить в одну реку дважды?..

Беседовала Алёна МОРГУНОВСКАЯ

«Контрабанда»,

№3 (29), декабрь 2014 г.

**ИСКУССТВО ПРИЗВАНО РОЖДАТЬ,
А НЕ РАЗРУШАТЬ**

Понять, с кем мы в данном случае имеем дело, не трудно. Достаточно посмотреть на объём этой беседы. Да, всё верно: перед вами писатель. Встречайте, Глеб Нагорный! Прошу любить и жаловать, ибо есть за что. Мы пытались скомпрометировать его. Задавали неловкие вопросы, искали лазейки для провокаций, а он ни в какую.

– Приветствую вас, Глеб! Наши вопросы могут местами показаться провокационными и претенциозными. Таковы условия среды. Вы готовы?

Глеб Нагорный: Ну, если и вы будете готовы к моим ответам. Надеюсь, ваше самочувствие позволит вам выслушать всё то, что я скажу.

– Как бы вы охарактеризовали то направление, в котором работаете в рамках прозы? Что, по-вашему, вообще представляет собой мышление прозаическим текстом?

Глеб Нагорный: Никогда не задавался этим вопросом. Вы просто садитесь и начинаете писать. И либо ангел вам на плечо в этот момент сядет, либо птичка отметится. Тут уж кому как повезёт. Если серьёзно, то это некий, часто неосознанный, поток, не до конца сформулированная идея, которую слово за словом, фраза за фразой необходимо структурировать в текст и придать этому тексту цельную логичную форму. Не очень сложно? Тогда скажу проще – если начать задавать себе такие вопросы, то можно вообще перестать писать. От шока. А как я это делаю? Что касается «направления», то возникшая идея, как правило, предопределяет выбор жанра. Скажем, роман-файл «Флёр», на мой взгляд, больше тяготеет к постмодернистским традициям. Что касается драматургии, то пьесы у меня написаны в жанрах трагифарса, гротеска, один критик даже назвал меня родоначальником «макабрической антиутопической буффонады». С чем это едят, мне, признаться,

сложно сказать. Некоторые рассказы у меня очень депрессивны и, скажу немного высокопарно, экзистенциальны, другие, напротив, тяготеют к шутовству и сатире.

Вообще, «мышление прозаическим текстом», на мой взгляд, это невозможность кратко и доступно, как поэт, выразить какую-то одну мысль. Отсюда начинаются многостраничные словострадания, если не сказать грубее. Ну а что касается моих писательских предпочтений, то они основаны, безусловно, на моих читательских запросах. Скажите, что вы читаете, и я скажу вам, что вы пишете. Мне, например, нравятся длинные, протяжённые во времени вещи, именно поэтому я совершенно равнодушен к поэзии и, в общем-то, со скепсисом отношусь к рассказам. Всё это можно очень красиво написать, но по содержанию всё равно выглядит как-то куце. Только начинаешь вчитываться в произведение, а оно уже закончилось. По той же причине в кинематографе я отдаю предпочтение полнометражным фильмам и блестящим американским и английским сериалам, появившимся в последние годы, в то время как к коротким метрам отношусь более чем прохладно.

— Что побудило вас когда-то начать заниматься творчеством? Как давно это произошло и что с тех пор изменилось?

Глеб Нагорный: Откровенно говоря, я никогда не собирался писать. У меня не было и до сих пор нет желания становиться писателем в общепринятом смысле. Это скорее хобби, не более того. В конце концов, кто-то после работы ходит в спортзал, кто-то увлекается литрболом, кто-то прожигает время в соцсетях, собирая комменты и лайки, ну а я иногда пишу. Переворот же в моём сознании произошёл после прочтения Генри Миллера. Я это часто в разных интервью говорю. Дело в том, что в школе нас постоянно убаюкивали классикой, а Генри Миллер показал, что можно писать вообще по-другому. Со временем я, правда, разочаровался в его творчестве, поскольку, на мой взгляд, Генри Миллер, как и большинство успешных авторов, сел на объезженного конька и стал, как в цирке, ездить по кругу собственной прозы, но толчком, тем не менее, послужил именно он. Потом я

открыл для себя Бориса Виана. Полюбил Гофмана, Кафку, Гессе, Кортасара, Оруэлла. Этот список можно продолжать до бесконечности. А первая моя публикация, если не ошибаюсь, была публицистической, в ведущем литовском еженедельнике «Республика». Было мне тогда лет восемнадцать-девятнадцать, и учился я на юридическом факультете Вильнюсского университета.

Что с этого времени изменилось? Ну, во-первых, я стал адвокатом и одновременно закончил мастерскую Марлена Хуциева во ВГИКе. Во-вторых, у меня пошли литературные публикации, вышел роман, пьесы начали ставить в театрах, появились литературные награды. Но произошло и в-третьих... Это любопытные перемены во мне самом. Возникло какое-то буддистское спокойствие на грани с равнодушием. Думаю, это связано с тем, что некоторые вещи приходилось пробивать в прямом смысле годами, а когда я дошёл до определённых целей, к тому моменту они оказались не столь значимыми и актуальными в моей жизни. Сейчас у меня совсем другие приоритеты – семья, дети, квартира. Обыденные человеческие ценности. Популярность и лауреатства я давно для себя вынес в разряд суеты и мишуры. Все это, конечно, интересно, но лишь постольку-поскольку. И вообще, надо отдавать себе отчет, что любой творческий человек – это не только его творчество. Многие ставят между своим «я» и своим творчеством знак равенства. А человек – это совокупность и творчества, и семьи, и работы, и взаимоотношений с людьми. Как только происходит у человека перекос в какую-то одну сторону, жизнь начинает рушиться. К сожалению, на моем жизненном пути попадались в достаточной мере одарённые люди, которые на поверку оказывались заражёнными звёздной болезнью или, напротив, страдаемыми недугом непризнанной гениальности. Как с людьми с ними было просто невозможно общаться, настолько они были заиклены на своем «я» в искусстве. В результате такого рода заикленность зачастую оборачивалась для них трагедией в семье и во взаимоотношениях с окружающими. А виной тому стано-

вился как раз творческий эгоцентризм, который реализовывался часто только в одном — в безоглядном и беспринципном использовании других людей ради своих целей. Вообще, знаете, что скажу, — поменьше надо знакомиться с известными людьми. Звёзды должны быть недосыгаемыми, иначе очень быстро может наскучить та незвёздная пыль, которую они после себя оставляют.

— Как бы вы определили понятие вдохновения? Имеет ли здесь место нечто мистическое или же всё математически точно и ясно?

Глеб Нагорный: Лично для меня — это только мистика. Как и говорил, я, например, никогда не собирался писать ни прозу, ни уж тем более пьесы. Но, видимо, сработали какие-то кармические законы и гены — поскольку отец у меня заслуженный деятель искусств РФ, поэт Юрий Кобрин. Да и большинство идей, надо сказать, почти всегда приходило спонтанно. Тот же роман-файл «Флёр». Та же идея пьесы «Лайф-Лайф». В моменты написания крупных вещей на меня находит... не знаю даже, как точно выразиться... это сродни болезни. Пока вещь до конца не доведёшь — не выздоровеешь. Но я вам скажу — это прекрасная болезнь. И окончательно выздороветь означает для меня перестать быть тем, кто я есть. А так называемая «математика» появляется в другой момент — в момент правки, редакции произведения. Технической отточки.

— Так или иначе, вы работаете, используя классические формы выражения. Проза и романы уже с давнего времени живут на последнем издыхании, а пьесы так и вовсе принято считать вымершим жанром. Есть ли срок годности у художественной формы, и есть ли смысл с ним считаться?

Глеб Нагорный: Помните, что Рудик-Родион говорил в «Москва слезам не верит»? «Ничего не будет. Ни кино, ни театра, ни книг, ни газет — одно сплошное телевидение». Это всё из той же оперы. Кто сказал, что проза и романы на последнем издыхании? Что же тогда, по-вашему, высылают на «Большую книгу», «Букер», «Нос», «Национальный бестселлер»? Это, мягко

говоря, не очень-то похоже на посты и комменты из блогов. Кто сказал, что пьесы — вымерший жанр? Какой-то доморощенный театральный критик, адепт так называемой новой драмы? Поверьте, ни один уважающий себя профессиональный театральный режиссёр не будет братья за ваш рыхлый текст, который ему придётся самому же потом переписывать и переделывать за вас под пьесу. Хотя есть, конечно, и такие «виртуозы». Всё это сейчас мы в полном цвете наблюдаем во всяких расплывшихся «новодраматических» постановках-однодневках.

По большому счёту, все эти заявления продвигаются дилетантами, не умеющими писать и не желающими учиться писать. Они таким образом прикрывают собственную несостоятельность. Это своего рода жульничество, напёрсточничество, пляски и игрища голых королей. Поэтому говорить о том, что пьесы принято считать вымершим жанром, мягко скажем, преждевременно. Принято определённой тусовкой. А на смену любой тусовке, как известно, приходит другая. Пьесы же как были пьесами, так ими и останутся. В этом смысле, кстати, очень показательна американская сценарная школа. Ни одна американская кинокомпания не возьмёт у вас текст, который не выдержан в форме сценария. Попробуйте с такими заявлениями выйти, скажем, где-нибудь в Голливуде и объяснить им, к примеру, что сценарии приказали долго жить, а у вас просто такое своеобразное видение будущего фильма.

— Важным моментом в ваших работах является ностальгическая интонация. Где-то это ностальгия по личному прошлому, а где-то — по историческому и культурному. Что такое ностальгия, или почему вас так тянет к прошлому?

Глеб Нагорный: Никакой ностальгии я не испытываю. Жить прошлым означает не развиваться. С другой стороны, естественно, за мной есть определённый жизненный опыт, любовные переживания, потери, разочарования. Родился я вообще в Советском Союзе, до тридцати лет жил в независимой Литве, в тридцать переехал в Москву. У меня достаточно длинная и интересная судьба. Со всеми полосами зебры. И самое гре-

ховное, порочное, что может себе позволить творческий человек, — это забыть себя. Забыть чёрные полосы. А этих полос много. Поверьте, на десятерых хватит. И как только вы из зебры превращаетесь в белое парнокопытное в яблоках, можете смело на себе крест ставить. Даже не на творчестве, а на себе как на человеке. Но тут не в ностальгии, конечно, дело. Не стоит возвращать то, что само по себе осталось в прошлом. Но из этого прошлого можно взять хорошее, извлечь уроки. И уж, конечно, не стоит перечёркивать то, что наработывалось годами, а то и кровью. Я имею в виду наши историю и культурные традиции. Поэтому когда по Эстонии и Латвии маршируют фашисты с зигами, гомосексуалисты в некоторых особо продвинутых странах усыновляют детей, а наши дети сдают бредовый ЕГЭ по европейским лекалам — мне и правда хочется вернуться в прошлое.

— Если современные русские философы стремятся миновать постмодернистскую традицию философствования, то вы признаёте его, но всячески критикуете. Чем вам так не угодил постмодернизм и, если он так плох, как предлагаете с ним бороться?

Глеб Нагорный: Я ничего против постмодернизма никогда не имел. Напротив, ряд моих произведений написан именно в постмодернистском, я бы даже сказал, гиперэкспериментальном ключе. Это касается и ряда новелл с рассказами, и романа «Флёр». Другое дело, вы, наверное, имеете в виду слова одного из героев романа, которые он говорит в главе «Погасшее Окно». Мол, пуст постмодернизм. «Пустмодернизм». Но, во-первых, это слова героя, а во-вторых, в них тоже есть своя правда. Понимаете, обеденный стол не может состоять только из десертов, так может аллергия начаться. Это я к тому, что повальное увлечение постмодернизмом становится неинтересным, пресным, скучным и очень предсказуемым. Начинается своего рода постмодернистский чёс: литературный чёс, театральный чёс, киночёс. Но, с другой стороны, если произведение сделано талантливо, то не имеет ровным счётом никакого значения, в каком ключе,

жанре, стиле или «-изме» оно выполнено. Хоть в классицизме, хоть в копрофилизме. Показатель таланта — сам талант, и он самодостаточен. Течения не играют равным счётом никакой роли.

— Как вы считаете, должно ли искусство оперативно отвечать вызовам современности? Собственно, ставит ли современность какие-то задачи перед искусством?

Глеб Нагорный: Если искусство оперативно отвечает вызовам современности, оно моментально становится конъюнктурным. Великие романы пишутся годами, а то и десятилетиями. Полотна пишутся не за сутки. Удачные спектакли не ставятся с бухты-барухты. Очевидно же, что, скажем, постановки шайкилейки в подвале «Театра.doc» вроде «Час 18» о гибели Магнитского в «Матросской тишине» и «БерлусПутин» — это паразитирование на больных темах и спекуляции, не имеющие равным счётом никакого отношения к искусству, поскольку всё это привлекает зрителей только в определённый политический момент.

Другое дело, о самой современности нужно писать и необходимо ставить спектакли, но таким образом, чтобы это было интересно и через пять-десять лет, а не делалось на потребу дня. Ведь чем хороши классики? Они же тоже писали о своей современности и своих современниках, но использовали при этом архетипичные и в то же время самобытные образы, не педалируя сиюминутные политические процессы. Потому что Драконы — они во все времена одинаковые, с тем же смрадным запахом из пасти и болотным цветом бликующей чешуи.

— Как бы вы охарактеризовали ту ситуацию, в которой находится сегодня отечественное современное искусство?

Глеб Нагорный: Отсутствие уникальных идей, самобытного почерка, неповторимого стиля — вот чем характеризуется современное искусство. Слишком много вторичного, подражательного и, как результат, — посредственного. По этому поводу вспоминается блестящая шутка. На одном художественном конкурсе надо было нарисовать картину на тему голода. Так вот, один художник представил на суд зрителей анальное отверстие, затянутое паутиной. Примерно так я и вижу современное искусство.

В качестве примера, всё более-менее образованные, начитанные и зрительно подкованные люди хаот фильмы с плинтусым юмором вроде «Самый лучший фильм» и т. п. В качестве противовеса, естественно, появляется артхаус, так называемое фестивальное глубокомысленное кино ни о чём.

Наши доблестные режиссёры почему-то полагают, что раз Тарковский, Сокуров, Герман-старший, Балабанов и прочие столпы кинематографа смогли, то и они не хуже. Итог: вы сидите и полтора часа, а то и больше, дремлете в кинозале, потому что уже с первого кадра понятно, чем всё закончится. Как-то в течение одной недели я посмотрел ряд фильмов наших «добрых» артхаусников. Во всех фильмах совершенно разных режиссёров, возможно даже друг с другом незнакомых, в финале главный герой либо покончил самоубийством, либо его убили, либо он кого-то убил, либо вообще всё вместе. В общем, все умерли. И всё это прикрывается социальной значимостью произведения. Потом авторы почему-то удивляются, что их фильмы проваливаются в прокатах. Это и есть анальная трещина в паутине. Потому что всё это на самом деле стороны одной медали. С одной стороны – нескончаемая ржака, с другой – унылая беспросветная депрессуха, замешенная на социалках.

А мир-то – он хитрый, он как раз где-то посередине, если хотите, на ребре медали. Я не говорю, что не появляются талантливые произведения, – они, безусловно, есть. И, бесспорно, не весь артхаус такой. Но вот тенденция делить искусство на ржаку и чернуху, на белое и чёрное, на левых и правых, конечно, удивляет.

– Кто такой русский? Какие антропологические изменения происходят с ним в современности?

Глеб Нагорный: Русский – это тот, кто думает на русском и видит сны на русском. Во мне смешено три крови, родился и вырос я вообще в Литве, десять лет живу в Москве, мои родители говорят на русском, отец пишет стихи на русском, в моей семье говорят на русском, пишу, думаю и вижу сны я тоже на русском. Кто я, по-вашему? Конечно, русский. При этом чисто

русской крови во мне нет. Знаете, у меня есть забавный приятель, который откопал в своей крови далёкий немецкий гемоглобин. Нет ничего смешнее — наблюдать за его мимикрией. Лет десять он всем рассказывает, что он немец. Начал оправдывать фашизм, хотя его дед прошел Великую Отечественную войну, лет семь безуспешно пытается уехать на ПМЖ в Германию, хотя за тридцать с лишним лет ни разу не был за границей и о Европе имеет такое же смутное представление, как я, скажем, о бозоне Хиггса. А до того как он откопал у себя не то бабушку, не то прабабушку, был среднестатистическим выходцем из российской провинции с абсолютно ординарными русскими внешностью, именем и фамилией. Таким, кстати, как вы понимаете, и остался. Любопытные, конечно, метаморфозы с людьми порой происходят. Именно поэтому Гоголь, безусловно, русский писатель, как бы ни хотелось думать некоторым ультралиберальным украинцам. Национальность, унаследованная от праотцов, и штамп в паспорте тут особой роли не играют. Что в ваших «снах и думах», то вы и есть. Что же касается антропологических изменений, тут я особых изменений не заметил. Хвост вроде бы ещё ни у кого не вырос, но айфон у некоторых, конечно, прирос к руке намертво.

— В каком соотношении, по-вашему, находятся сегодня мода и искусство? Как бы вы определили понятие моды?

Глеб Нагорный: Они как сиамские близнецы, как шерочка с машерочкой, всегда бок о бок ходят. И часто так случается, что именно мода помогает появиться каким-то уникальным вещам в искусстве, каким-то новым течениям, открытиям. Но случается и так, что мода есть, а произведения по какой-либо причине не выстреливают и надолго в памяти не остаются. Почему так происходит? Ответ, собственно, на поверхности. Прежде всего надо делать произведения искусства, невзирая и не оглядываясь на моду. Если хотите, мода — это волна, которая может либо поднять сокровище со дна творческого океана, либо превратиться в солёную пену на замусоренном берегу. То, что мы сегодня наблюдаем, к сожалению, как раз больше всего напоминает

ет именно ту самую пену.

– Отталкиваясь от вашего эссе «Радикализация искусства», задам вполне закономерный вопрос: к чему ведёт радикализация художественных жестов? Есть ли тупик, обусловлен ли он временем, и что будет после радикальности?

Глеб Нагорный: Ну, эссе – это громко сказано. Скорее, это рассказ со стёбом. Как и всегда, за этим идёт обновление. Радикалы, анархисты, PussyRiot, яйцеприбывальщики на площадях всегда появлялись во времена морака. Но главная проблема в том, что для борьбы с политическим мракобесием они сами же выбирают сатанинские методы. Да и вообще, был уже и твякающий Кулик, всё ещё где-то задрал хвост бегающий. И по пьяни захлебнувшийся в лягушатнике Мамышев-Монро. И матюги на Красной площади из тел выкладывали, и фаллос на разводном мосту калякали, и прочие юродивые не раз и не два отмечались. Проходили. Скучно.

Но глубокое их заблуждение в том, что они создают искусство. Всё это – хлам, пыль, шелуха. Поскольку не имеет никакой художественной ценности и по природе своей нежизнеспособно. То есть это разовые акции, эпатаж, быстродействующий самопиар. Очевидно же, что такого плана акции будут жить ровно до той поры, пока кто-нибудь не догадается взблеветь, скажем, в Госдуме или помочиться на Мавзолей. По мне так ряд таких действий – это вообще чистой воды административно наказуемое хулиганство и девиантное поведение творчески малоодарённых людей, которые хотят как-то о себе заявить. Таким вот, мягко говоря, странным образом.

Ведь тут в чём соль? Если я или, предположим, вы нагадите в каком-нибудь музее, то нас, естественно, посадят в спецприёмник или определят в стационар жёлтого дома. И, в общем-то, правильно сделают. Но если мы раструбим в интернете, что это политическая акция, направленная на свержение власти, что мы на самом деле есть группа художников-радикалов, и не ради кала, извините за седобородый каламбур, это сделали, не ради дефекации, то мы тут же становимся творцами с большой буквы,

революционерами, популярными личностями, за нас ещё, не дай Бог, ООН вступится. А ведь разницы на самом деле никакой: фекалии и у художника, и у простого смертного отличаются только квинтэссенцией съеденного на завтрак.

Вообще, так скажу, с властью не стоит бороться провокациями, с властью можно бороться только при помощи искусства. Потому что власть спит и видит, когда же вы оступитесь, когда начнёте нарушать законы, когда позорно высечете сами себя, как та унтер-офицерская вдова, когда вы своими поступками, наконец, превратитесь в жупел для ваших гипотетических сторонников. Более того, такими акциями быстро пресыщаешься.

Поэтому лично я думаю, что дальше пойдёт обновление. Новый виток. Если хотите, современный ренессанс. Потому что искусство призвано рождать, а не разрушать. И вообще, вандалы, если помните, плохо кончили. С другой стороны, этому нет смысла уделять столько внимания, лишний раз подливая воду на пиар-мельницу. Всё это само собой рано или поздно схлопнется, как карточный домик. Чуть подтолкни — и посыплется. И уж тем более не надо никого сажать по уголовным статьям. Во-первых, такие наказания, конечно же, не соответствуют масштабам деяний, это я уже как адвокат говорю, во-вторых, это, безусловно, лишний пиар создаёт. Кстати говоря, нет ничего более радикального, эффектного и зрелищного, чем прилюдная лоботомия или акт самосожжения. Предлагаю некоторым «художникам» серьёзно задуматься над такими инсталляциями. Не знаю, как вы, но я бы с удовольствием сходил посмотреть. Жаль, что это, возможно, только одноразовые инсталляции будут. Но славы, поверьте, у этих троллей будет вагон и маленькая тележка. И в анналы они войдут, и кривоногих последышей в виде орков обретут.

— Как прочно вписан художник в контекст капиталистической системы? Возможно ли вырваться из этого контекста, и что для этого нужно?

Глеб Нагорный: Это касается каждого художника отдельно. Его психологического и соционического типов. Скажем, Пикассо

и Дали — великие уникальные художники, успешные самопиарщики и делатели огромных состояний. В то же время — нищий безумно-гениальный Ван Гог. Вспомните ошалелые, с падениями и взлётами, судьбы того же Генри Миллера и Чарльза Буковского. Таких примеров сотни, если не тысячи. И зачастую это вопрос не столько таланта, сколько массы слагаемых: характера, связей, коммуникабельности, судьбы, стечения обстоятельств, ваших пороков или, наоборот, добродетелей. Например, бесфамильно, если позволите... Есть масса талантливых современных русских писателей, которые у всех на слуху, но когда читаешь некоторые их книги, зачастую ловишь себя на мысли: а ведь влёгкую с этим романом имярек мог бы оказаться где-нибудь в самиздате в Тмутаракани. Но так сложились звёзды, что живёт он в Москве, опубликовало его крупное издательство и ещё пиар-фея в чело поцеловала.

По поводу второго вопроса. Возможно ли вырваться из контекста капиталистической системы? Тут нужно чётко и честно задать себе ряд вопросов и обозначить свои цели. Если вы хотите славы и денег, то будьте готовы к тому, что талант должен быть с ногами: бегайте, пиарьтесь, дружите, скандальте, пишите резонансные статьи, бухайте с известными личностями, набейте кому-то морду, дайте себе набить — и слава вам обеспечена. Только писать при этом, конечно, не забывайте. Желательно хорошо. А то у некоторых всё в беготню уходит, да и со стороны это выглядит довольно смешно и нелепо.

Но если вы к этому относитесь более или менее равнодушно, то зарабатывайте деньги другим ремеслом, а свои труды выставляйте в интернете. Вот вы и вырвались из-под капиталистического Молоха. Читатели всегда найдутся. Другое дело, конечно, той славы и тех денег, как у тех, у кого «талант с ногами», у вас никогда не будет. Максимум — известность в блогах, среди френдленты. Тут другой вопрос: а надо ли вам всё это? Я, например, для себя давно решил. Бегать за славой, тусоваться, пиариться, разбрасывать ссылки и т. п. я не буду. Мне лень, мне это всё скучно и неинтересно. Не говоря уже о том, что

это ко всему прочему колоссальная трата времени. И вообще, я законченный интроверт на грани с социопатом. Мне за глаза хватает себя самого и моей семьи. От скопища людей я сильно устаю.

Что касается популярности, то нет ничего приятней, чем получать восторженные имейлы от читателей и приглашения от изданий, которые сами тебя находят, чтобы взять интервью. Как ваше, например. Мне этого более чем достаточно. Считаю, что это и есть наивысшая оценка моего творчества. И не надо по этому поводу суетиться. Как говорил Воланд: «...никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут!»

– В Европе, начиная примерно со второй половины двадцатого века, активно изобретаются принципиально непродаемые творческие жесты. Естественно, многое из изобретённого уже обкатано буржуазией, однако сам этот левый запал кажется до сих пор перспективным и плодотворным. Как вы относитесь к непродаемому искусству вроде перформансов, инсталляций и т.п.?

Глеб Нагорный: В том-то и парадокс: ничто так хорошо не продаётся, как инсталляции и перформансы. Потому что лепить их можно килограммами и километрами. Вот вам навскидку. Стена. На стене рама. В раме – пистолет. Подпись под рамой – Маяковский. Петля на стене – Есенин. Колесо. Из него вьётся длинный алый шарф – Айседора Дункан. На стене распята телогрейка с гулаговской нашивкой – Солженицын. Рядом пришпилены смокинг с бабочкой – Бродский. Початая бутылка водки, из горлышка торчит шприц – Высоцкий. Ещё с десяток таких придумок внаброс – и можно смело открывать какое-нибудь биеннале, посвящённое, ну, не знаю, скажем, судьбам и вехам XX века. Тут же обязательно появятся окологкультурные проходимцы, которые привлекут критиков, и те заявят, что это «новое течение», «новый взгляд», «прорыв», «новация», и нагородят ещё с три короба подобной лабуды. Обязательно откликнутся и здравомыслящие люди, которые будут крутить пальцем у виска, отме-

тятся в блогах и ёрнически откомментируют происходящее под хвалебными статьями. И вот тут-то и произойдёт резонанс. Народ валом повалит.

Понимаете, в чём дело: для перформансов и инсталляций не нужен особый талант. Это нам внушили, что это не клоунада, а элитарное искусство избранных и для избранных. Поскольку всё это, в принципе, может сделать любой среднестатистический человек из толпы. А вот спектакль поставить или картину написать — это совсем другое. Тут, как минимум, нужны талант, мастерство, наработанное пробами и ошибками, самоотдача и многолетний опыт. И отличие тут существенное. Спектакли и картины изначально нацелены на искусство, а перформансы и инсталляции заточены под резонанс, эпатаж и рубилово бабла. И знаете, по-моему, уже давным-давно пора срывать маски с этих ряженных морд и начать всё своими именами называть. А то не ровён час, мы на полном серьёзе в медицинских анализах начнём копать и искусствоведческие беседы на эти темы проводить: Шанель это или что-то существенно иное? У меня, кстати говоря, по этому поводу есть рассказ «СЛОН, или биеннале национального идиотизма». Я его написал как раз после посещения какого-то очередного московского биеннале современного искусства. Так вот, многие воспринимают этот рассказ как документальный очерк, публицистическую статью. А рассказ от начала до конца выдумка. Написан, наверное, за полчаса. Тем не менее, инсталляций, набросанных в нём, хватит на целый бомжатник от современного искусства. Я бы сказал ещё грубее, но, к сожалению, в СМИ сейчас запрещены более хлёсткие слова.

— Возможны ли, по-вашему, объективные критерии в оценке выходящего из под пера кого бы то ни было? Какие бы вы предложили варианты проверки на шивость?

Глеб Нагорный: Ну, проверка на шивость простая. Если вы, положим, акцент в своём творчестве делаете на маргиналах и фекальных массах, забывая при этом, не буду говорить высокопарно, о душе, забывая о конфликтах, о взаимоотношениях

между людьми, о подтекстах, то очевидно, что вы эпатируете публику, а не создаёте искусство. Если же для вас драматургический конфликт первоочередной, то пишите хоть о педофилах. Вспомните ту же набоковскую «Лолиту». Суть Гумберта – не педофилия, а внутренний надлом, поиск, разрыв внутреннего «я». Тут очень важно понять, кроется что-то за вашими эрекциями или там только спермотоксикоз.

Что касается объективности в оценке вышедшего из-под пера. Все вещи в мире, безусловно, основаны на субъективной оценке – нравится-не нравится, но есть вещи универсальные. Скажем, в прозе это язык. Вы можете писать о чём угодно и как угодно, но если у вас скудный словарный запас, деепричастные и причастные обороты для вас пустой звук и у вас напрочь отсутствует образное мышление, то, пожалуй, вы не на ту дорогу свернули. Драматургия без определённой жёсткой формы и видения автором сцены по сути нежизнеспособна. Иначе, как я и говорил, получается текст, который приходится адаптировать для сцены. Иными словами, заново переписывать.

– Над чем вы работаете в последнее время? Какие вопросы исследуете, чему планируете посвятить себя в ближайшее время?

Глеб Нагорный: В последнее время, как, собственно, и в прошлое, я собираюсь посвятить себя адвокатской практике. Что касается творчества, – повторяюсь, моего хобби – тут сложнее. Есть у меня несколько вещей, которые требуют правки, но... не буду зарекаться, всему свое время. Одно могу сказать точно – останавливаться я не собираюсь.

Беседовал Иван СПИЦЫН

«Литературная Россия»,

№18 (2654), 2 мая 2014 г.;

«Большая книга», 2 мая 2014 г.;

«Русская жизнь», №6, 2014 г.;

«Abje.tk», 27 января 2014 г.

Глеб Нагорный

Русский Хэллоуин
Роман-перформанс

Глеб Нагорный — адвокат, прозаик, драматург, публицист. Член МФРП, СП XXI века, СП Москвы и СТД РФ. Включён в биографическую энциклопедию успешных людей России «Who is Who в России» (Швейцария). Кавалер ордена «Серебряного орла». Победитель и лауреат всероссийских и международных литературных премий «Золотое перо Руси», «Литературная Россия», «Славянские традиции», «Русский Stil» (Германия), «Пражский фестиваль» (Чехия), «Время драмы», «ЛитоДрама», имени Демьяна Бедного, имени де Ришелье и др.

«Ирония, выстраданная и нажитая, а вовсе не сиюминутная — пронизывает каждую реплику или ремарку пьесы, которую сам Глеб Нагорный определил как роман-перформанс... И почему никто до сих пор не брался за эту „глыбу“, которая по силе оказалась только Глебу?..»

Дмитрий Чёрный, «Литературная Россия»

«Текст — большой, тяжёлый и насыщенный, персонажи зримые... Получилось, государство-Левиафан не даёт благородной нечисти расправить крылья...»

Валерия Шишкина, главный редактор журнала «Топос»

